И. А. Пильщиков

Семь бесед о филологии и Digital Humanities

Интервью и дискуссии (2015–2021)

Издательство
Московского университета

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Институт мировой культуры

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Институт мировой культуры

И. А. Пильщиков

Семь бесед о филологии и Digital Humanities

Интервью и дискуссии (2015–2021)

Издательство
Московского университета
2022

УДК 80
ББК 80
П32

Издание подготовлено при поддержке Российского научного фонда в Институте мировой культуры МГУ Проект № 17-18-01701 «База данных по сопоставительной поэтике и сравнительному литературоведению»

Рецензенты:
Н. В. Перцов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН

С. Н. Гуськов, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН)

Пильщиков, И. А.

П32 Семь бесед о филологии и Digital Humanities: Интервью и дискуссии (2015–2021) / И. А. Пильщиков ; общ. ред. и сост. В. С. Полиловой. — Москва : Издательство Московского университета, 2022. — 190, [2] с. — (Электронное издание сетевого распространения).

ISBN 978-5-19-011704-2 (e-book)
ISBN 978-5-19-011703-5 (print)

В книге собраны интервью с доктором филологических наук Игорем Алексеевичем Пильщиковым, взятые в 2015–2021 годах, и стенограмма его доклада «Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник Digital Humanities» с последующим обсуждением (онлайн-семинар «Актуальные методы филологических исследований», ИРЛИ РАН, 15 сентября 2021 года). Дискуссии посвящены месту филологии в современном цифровом мире, вопросам создания и поддержания научных электронных библиотек, дигитальных архивов и баз данных, русской формальной школе как предшественнику современного квантитативного формализма в исследованиях литературы. Затрагивается и более широкий круг тем: от студенческой жизни 1980-х годов и филологической среды 1990-х годов до разнообразных конкретных историко-литературных и исследовательских вопросов.

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-19-011704-2 (e-book)
ISBN 978-5-19-011703-5 (print)

© Пильщиков И. А., 2022
© Собеседники, 2022

Содержание

Предисловие 7

Беседа первая
Digital Humanities — это что-то новое
или мы уже давно этим занимаемся?
(«Логос», 2015) 9

Беседа вторая
Что такое филология и как ей выжить
в современном мире
(«Арзамас», 2016) 33

Беседа третья
Филологические электронные библиотеки:
вчера и сегодня
(«Рутения», 2018) 45

Беседа четвертая
Интернет и филология: портрет исследователя
в интерьере эпохи
(«Горький», 2020) 62

Беседа пятая
Библиотеки цифровые и бумажные
двадцать лет спустя
(«Logos Review of Books», 2020) 84

Беседа шестая
Гуманитарный интернет: электронные библиотеки,
объединенные дигитальные архивы
и цифровая текстология
(«Троицкий вариант — Наука», 2021) 96

Беседа седьмая
Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов
как предшественник Digital Humanities
(Пушкинский Дом, 2021) 127

Первые публикации бесед, включенных
в настоящее издание 164

Библиография 166
Указатель имен 181
Указатель сетевых ресурсов 187
Указатель учреждений науки,
образования и культуры 189

Эту книгу бесед составили интервью и дискуссии 2015–2021 годов, объединенные фигурой главного собеседника — Игоря Алексеевича Пильщикова — и темой: они посвящены по преимуществу современной филологии в ее дигитальном и квантитативном измерении. Какую роль сыграл интернет в развитии наук о языке и литературе? Как создавались первые электронные библиотеки в России и за рубежом? Как за два десятилетия изменилось наше представление об идеальном электронном издании и каковы перспективы оцифровки культурного наследия, в том числе рукописей? Всё ли есть в интернете? Книга дает на подобные вопросы развернутые ответы, основанные на многолетнем опыте рассказчика в области организации цифровых филологических систем и изучении русской поэзии, квантитативной поэтики, текстологии, теории литературы, сравнительного литературоведения, истории русской филологии и Digital Humanities[1].

Форма диалога позволяет обозреть широкий круг универсальных и партикулярных тем и делает их обсуждение увлекательным и доступным не только специалистам-профессионалам, но и тем, кто только начинает знакомиться с теорией и практикой современных гуманитарных наук.

Устный стиль Пильщикова точен и ясен, но лишен сухой формальности и протокольной сдержанности. Тон меняется в зависимости от собеседника и предмета: свободный и дружеский, подробный и аналитический, мечтательный и воодушевленный, иногда огорченный и негодующий. Интервьюеры — яркие ученые и журналисты-редакторы широкой гуманитарной эрудиции

[1] См. список опубликованных работ: Библиография 2017 (не включает публикации за 2018–2021 гг.).

(Михаил Маяцкий, Кирилл Головастиков, Ирина Калитеевская, Роман Лейбов, Мария Нестеренко и Елена Пенская) — определяют ракурс каждой беседы и дают обсуждаемым вопросам и герою раскрыться в возможной полноте. Читатель бесед может заметить, как близкие темы по-разному развертываются в каждом диалоге подобно мелодии в музыкальной вариации: неформальность процесса интервью, беседы, дискуссии позволяет прийти к емким определениям и выразительным примерам. Наконец, собранные вместе беседы связывают воедино исследовательскую работу и профессиональный быт, отражая будни современной гуманитарной науки.

За текстами шести интервью, взятых в 2015–2021 годах, помещена стенограмма доклада И. А. Пильщикова «Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник Digital Humanities» и последующего обсуждения, в котором приняли участие В. С. Львов, Б. В. Орехов, А. И. Шеля и др. ученые — известные специалисты, работающие в области Digital Humanities, квантитативной поэтики и истории русской филологии.

Часть материалов была специально подготовлена для настоящего издания и публикуется впервые, часть — уже печаталась прежде (см. список на с. 164 наст. изд.), но была выправлена и отредактирована в соответствии с требованиями этого тома. Книга снабжена примечаниями, библиографией и указателями, которые помогут найти нужные темы. Беседы можно читать подряд (они расположены хронологически) или обращаться к конкретным главам-диалогам — каждой из них дано название, резюмирующее основную проблематику разговора.

В. П.

Беседа первая

Digital Humanities — это что-то новое или мы уже давно этим занимаемся?

(«Логос», 2015)

Михаил Маяцкий. Начнем с простого вопроса: когда вы узнали про интернет? Сегодня такой вопрос прозвучит странно, но ведь интернет появился всего 20–25 лет назад.

Игорь Пильщиков. Интернет появился в 1991 году, а через несколько лет началось бурное развитие русскоязычного сегмента интернета. Я об интернете услышал впервые в Англии в 1992–1993 годах, и тут же стал смотреть, а что есть в этой новой среде по интересующим меня славистическим вопросам. Например, я вбил в тогдашний поисковик фамилию Батюшкова, которым я как историк литературы много занимался и продолжаю заниматься, и обнаружил, что никакой особой литературы о нем в интернете по его состоянию на 1993 год не было.

М. М. Вы с самого начала воспринимали интернет как место, где можно найти такого рода сведения?

И. П. Я рассматривал интернет как место, где можно получать, обрабатывать и продуцировать какую-то информацию. Я видел в нем тогда некое расширение компьютера. В Англии, куда я приехал в 1991 году, все студенты уже работали на персональных компьютерах, хотя это были и смешные на сегодняшний взгляд модели (с 286-м процессором, с 386-м...). Но тем не менее это были компьютеры! Я был единственным человеком во всем университете, который печатал свои статьи на машинке. Люди с других факультетов приходили посмотреть на меня, потому что с машинкой тогда уже мало кто хотел и умел обращаться. А мой первый компьютер был вообще без жесткого диска.

Тогда же, в Англии, я начал использовать компьютер в издательской деятельности. Сначала я участвовал в издании журнала Британского нео-формалистического кружка «Essays in Poetics» (как приглашенный редактор одного из разделов). Потом мы вместе с покойным ныне Максимом Шапиром задумали и начали издавать двуязычный русско-английский журнал «Philologica», взяв курс на редактирование профессиональных текстов в компьютерной среде, на профессиональную редакционно-издательскую обработку. Но тогда, в 1994–1995 годах, еще не было электронных публикаций и электронной текстологии. А уже через три года мой старый друг и соученик по Новосибирскому и Тартускому университетам Евгений Горный, один из пионеров русского интернета, задумался о том, как сделать профессиональную филологическую электронную библиотеку.

К тому времени уже существовала Библиотека Мошкова, возникшая практически одновременно с национальной доменной зоной .RU (1994). Максим Мошков создал, по сути, русский аналог проекта «Гутенберг» (Project Gutenberg). Это была первая — стихийная — стадия дигитализации. Тогда все понимали, что новая среда есть, а содержания в ней никакого нет, и важно ее наполнить какими-то текстами. А уж что мы начнем цифровать раньше — Толстого или Достоевского, было абсолютно всё равно. Даже была такая идеологическая установка, манифестированная в проекте «Гутенберг»: всё равно, какого качества текст, по какому изданию, давайте сначала наполним информационное пространство, а потом пользователи сами текст до ума доведут, доправят.

Это имело смысл на первом этапе наполнения интернета информацией, однако этот этап быстро себя исчерпал (хотя сам по себе процесс стихийной оцифровки бумажных источников не остановился и поныне — и, надеюсь, никогда не остановится). Но в конце 1990-х годов встал вопрос о создании профессиональных ресурсов, планирующих порядок вводимой информации, вид ее представления, цели введения, приоритеты и поэтапную программу комплектования. Неслучайно ведь на определенной стадии та же Lib.ru, Библиотека Мошкова, тоже выделила у себя большой подраздел AZ.Lib.ru (он носит название «Lib.ru: Классика»), который устроен уже по принципу профессиональной филологической библиотеки. Там тексты планомерно вычитываются, приводятся в соответствие с печатным изданием, которое они представляют, там появился план публикаций и т. д. Но на первом этапе этого не было, хотя уже на рубеже веков всем стало понятно, что электронная би-

блиотека — наиболее удобный способ представления литературных текстов и разработки инструментария для работы с ними. Поскольку электронная библиотека — это не просто некая коллекция текстов, а коллекция, структурированная и пополняемая, она, как и традиционные библиотеки, имеет планы, которые строятся исходя из нужд целевой аудитории, на которую рассчитана библиотека.

В 1998 или 1999 году Горный предложил сделать электронную библиотеку профессионального типа, мы назвали ее «Русская виртуальная библиотека» (РВБ). А еще одним активным участником стал Владимир Литвинов, впоследствии технический директор РВБ. Почти одновременно с нами стартовал другой филологический (но не библиотечный) интернет-проект — «Ruthenia». Иначе говоря, настало время «филологического» интернета — филологи начали понимать, что им тоже что-то нужно от этой новой среды. Мы открыли библиотеку 1 декабря 1999 года. Было интервью по радио, и нас услышали коллеги, которые занимались приблизительно тем же самым, но пока вне интернета, на дисках, — это Константин Вигурский и Александр Штольберг[1], которые тогда работали в Научно-техническом центре «Информрегистр», то есть, так сказать, в «электронной книжной палате» РФ. Согласно существующему законодательству, в России книги регистрируются (по крайней мере, до последнего времени регистрировались) в Книжной палате[2], а электронные тексты — в «Информрегистре». И вот они, скооперировавшись с Институтом мировой литературы, еще в середине 1990-х начали делать проект «Русская классика на компакт-дисках». Первым проектом было издание Грибоедова, вторым — Пушкина.

М. М. Почему первым стал именно Грибоедов?

И. П. Он был выбран как, с одной стороны, абсолютный классик, а с другой — автор небольшого корпуса текстов, и на нем об-

[1] Александр Алексеевич Штольберг (1943–2021) — кандидат физико-математических наук, директор программно-технологической службы Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» с момента ее основания.

[2] В 2013 году Российская книжная палата была ликвидирована, прием обязательного экземпляра изданий возложили на ИТАР-ТАСС, где в свою очередь для этой деятельности был организован специальный филиал под прежним названием «Российская книжная палата», фактически структура РКП утратила самостоятельность, но не прекратила свою деятельность.

катывались разные методики (например, та поисковая система, которая потом стала большим Яндексом, была обкатана, в частности, на Грибоедове). И когда этот проект перерос в проект ФЭБ (Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»), «историческая» связка между ним и Яндексом сохранилась. Некоторые виды поиска были впервые опробованы в ФЭБ — например, сделанный Яндексом по нашему заказу поиск в старой орфографии (когда пользователь формирует запрос в нынешнем правописании, а результат выдается и в дореформенном, и в пореформенном). Теперь и большой Яндекс, а с определенного момента и Google ведут поиск по русским текстам и в дореволюционной, и в современной орфографии. Но я забегаю вперед. После интервью на радио коллеги предложили встретиться, и в результате я оказался редактором сразу двух электронных библиотек.

М. М. Значит, радио? То есть старые медиа играют свою роль в истории новых?

И. П. Ну конечно. Культура ведь едина, и все формы коммуникации дополняют друг друга. Коллеги, занимаясь разработкой информационно-поискового инструментария, принципов электронной публикации, принципов подготовки и подачи текстов в электронной среде, услышали, что есть еще такие же чудаки, которые занимаются тем же самым. Таким образом, мы двумя пересекающимися по составу командами стали делать две библиотеки. Новый сайт открылся 1 июня 2002 года и получил название Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). В этом проекте активное участие, особенно на начальных этапах, принимали институты Российской академии наук — Институт мировой литературы и Пушкинский Дом, но в целом он не привязан жестко ни к конкретным институтам, ни к определенным авторам. Мы занимались и Пушкиным, и Ломоносовым, и Маяковским, и фольклором, нас интересуют разные вещи, и в зависимости от новых интересов появляются новые участники. Например, для пока не оконченного словаря русского языка XVIII века соучастником стал Институт лингвистических исследований в Петербурге, где готовят оригинальное, «бумажное» издание этого словаря.

М. М. Какая идея, программа стоит за всем этим?

И. П. Мы начали разрабатывать сразу несколько стратегий создания электронных библиотек. Одна стратегия — развитие «вглубь» (как в ФЭБ). Выбираются несколько базовых имен —

Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Толстой, Маяковский, Есенин и т. д., и по ним аккумулируется всё наиболее важное: все авторитетные издания, монографии, статьи, словари… Другой тип развития — экстенсивный (как в РВБ): представить разных авторов если не полным, то репрезентативным корпусом текстов, хотя бы по одному авторитетному изданию для каждого автора. И это тоже дало свои плоды. Ведь когда мы в 2004 году начали публиковать в РВБ электронные версии академических и научно-популярных изданий русских писателей XVIII века, никаких текстов XVIII века в сети еще не было, а теперь они есть и пользуются читательским спросом (удивительный, кстати, факт!). Когда в ФЭБ мы начали публиковать в цифровой форме пушкинскую периодику (с 1903 года до нынешнего времени) — «Пушкин и его современники» под редакцией Бориса Львовича Модзалевского, «Временник Пушкинской комиссии» довоенный и послевоенный, «Пушкин: исследования и материалы» — всех этих материалов в сети не было, а филологам они нужны ежедневно. Собранные в одном месте, представленные в едином формате, проиндексированные одной поисковой системой, эти материалы «заиграли» по-новому, превратились в качественно новый инструментарий.

М. М. Какие задачи вы ставили перед собой? Какие препятствия возникали?

И. П. Нужно было думать и объяснять себе и другим, что́ делать. Даже то, что может показаться очевидным, было вовсе не очевидно. Возьмем такую простую вещь: нужно ли при представлении текста в электронной форме воспроизводить пагинацию исходного печатного издания? С нашей точки зрения, конечно, нужно! Можно делать новые, оригинальные электронные публикации, а можно воспроизводить какой-то определенный печатный источник, и эти вещи нужно разделять. На стадии проекта «Гутенберг» и раннего Мошкова дело обстояло так: мы не знаем, что это за текст и по какому изданию он приводится. Издание не идентифицировано. До сих пор главная филологическая болезнь интернета — неидентифицированные тексты. Когда каждый может быть редактором и распространителем, что ж удивляться, что подчас распространяется неизвестно что. Когда вы берете с произвольного сайта текст «Анны Карениной», уверены ли вы, что там нет пропусков, что текст правильный? Да и какой текст «Анны Карениной» или «Войны и мира» считать правильным — вопрос далеко не пустой, и ответ на него

не очевиден. И вот опубликуете вы научную работу по этой теме, а вас на смех поднимут: «Знаете, а ведь Толстой такого не писал ни в одной из редакций романа!»

Принципы филологически корректного воспроизведения издания — это воспроизведение структуры и пагинации издания, это обязательная идентификация, библиографическое описание исходного печатного издания, позволяющее соотнести с ним и таким образом идентифицировать его электронную версию. Всё это приходилось объяснять и другим, и самим себе! Я помню, как десять лет назад тот же Максим Мошков спрашивал коллег на семинаре в РГБ: зачем нужна страница издания, когда в электронной библиотеке есть полный текст, и если мне нужно найти цитату, то я ее тут же нахожу? Ответ, в общем-то, простой: а если у вас ссылка не на цитату «Мой дядя самых честных правил…», а на «Пушкин, ПСС, т. 6, с. 5», то как вы будете искать?

Вопрос об идентификации — принципиальный. Почему Google Books является не полноценной библиотекой, а «всего лишь» полигоном для новых технологий? Об этом много писали американские филологи и библиотековеды. Потому что, с одной стороны, Google оцифровывает огромное количество текстов, а с другой — уничтожает «поляну»: вместо библиотеки (некоей электронной версии Библиотеки Конгресса или даже Всемирной электронной библиотеки) получается гигантская сельская лавка, в которой всё перемешано, а книги — неизвестно какие. С самого начала не была подключена команда библиографов. Сначала оцифровщики предполагали, что можно будет идентифицировать книги по титульным листам. Это крайне наивное представление, потому что в разные эпохи титульные листы организовывались по-разному, да и взять всю информацию с титульного листа невозможно — иногда она находится в других местах в той же книге, а подчас и в других книгах. Началась путаница и мешанина.

На втором этапе в Google Books стали использовать для идентификации библиотечные карточки. Но они делались и делаются в разные периоды и в разных странах по-разному, и сведе́ние этих разных описаний воедино — задача небанальная. Результат: найти конкретное издание или идентифицировать найденное издание в Google Books непросто, а иногда невозможно. Поэтому огромное количество собственно научных задач на Google Books невыполнимо. И конечно, автоматическое распознавание книг, содержащих тексты на разных языках, крайне затруднено. Если книга содержит и кириллицу, и латиницу, вполне возмож-

но, она будет распознана вся как кириллица, а части на латинице не будут корректно распознаны, или наоборот. Русская дорефор-менная орфография на разных этапах создания Google Books распознавалась по-разному. До определенного момента старые книги по ошибке распознавались с помощью анализатора, настроенного на современное правописание и современный словарь, поэтому робот, скажем, распознавал неизвестное слово «сынъ», но не «знал», что оно идентично известному в другом правописании слову «сын». Поэтому, набрав в запросе «сын», слово «сынъ» вы не найдете. На втором этапе тексты в старой орфографии стали распознавать отдельно. А потом распознавание старой орфографии настроили так же, как это сделано сейчас в Яндексе, — распознанные тексты представляются пользователю в новой орфографии, а на картинке, под которую «подложен» текст в новом правописании, виден текст в старой орфографии. Для этих книг, набрав в запросе «сын», вы слово «сынъ» найдете. Но в этом массиве вы не сможете отделить книги в старой орфографии от книг в новой, потому что с точки зрения распознанного текста они одинаковы.

Результат: десятки тысяч книг распознаны тремя разными способами. Чтобы в одной книге найти слово «сѣнь», вам надо набрать его с ятем, а «сынъ» — с ером, а в другой, аналогичной, — без ятя и без ера. Чтобы что-то всерьез искать, нужно представлять себе, как были организованы разные этапы распознавания разных текстов в Google Books, какие могли возникать типичные ошибки распознавания, и только тогда оттуда можно будет что-то вытащить. Но для этого нужна работа диггера, а не традиционного профессионала-филолога. С другой стороны, тщательная вычитка распознанных текстов замедляет процесс оцифровки в сотни, если не в тысячи раз. Что делать? Все эти вещи требовали рефлексии.

М. М. А не возникало ли проблем, связанных не с разными языками, а с разными шрифтами?

И. П. Конечно же, возникал и этот вопрос: мы воспроизводим книгу, а нужно ли воспроизводить ее шрифтовые особенности? Возьмем любую книжку. Казалось бы, какая разница: с засечками шрифт или без засечек? Если он на бумаге с засечками, а у нас будет без засечек, в общем случае ничего не изменится. Но есть огромное количество книг, где шрифт семантизирован и где разными шрифтами набраны разные тексты или фрагменты текста —

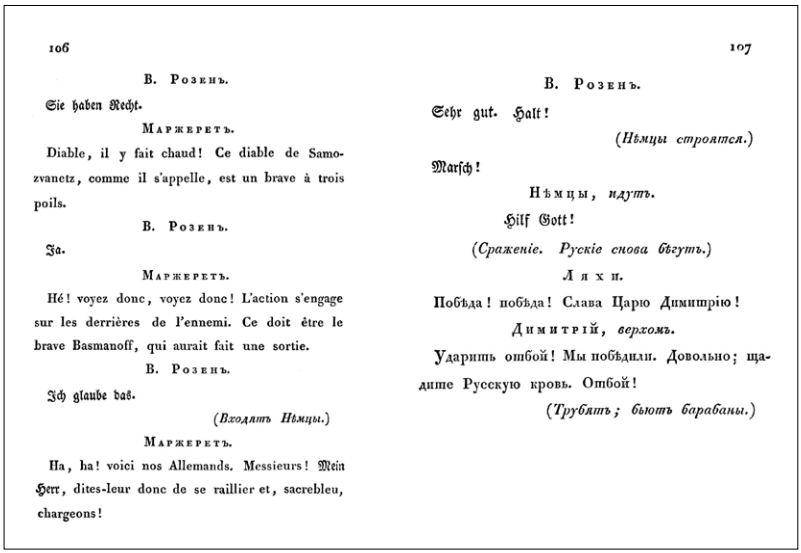
как, например, в романе Умберто Эко «Маятник Фуко». Значит, в таких случаях нужно воспроизводить различия. А с какой точностью это воспроизводить? Положим, шрифт с засечками можно противопоставлять шрифту без засечек. А внутри категории «шрифтов с засечками»? Нужно ли отличать при электронном воспроизведении Garamond от Times? Зависит от того, имеется ли это различие в издании и как оно нагружено — семантически? эстетически? И нужно решить, что мы воспроизводим — текст? внешний вид издания? Это разные вещи. Главное, что такой упрощенной номенклатурой шрифтов всё отнюдь не исчерпывается. Вот есть задача, которая до сих пор не имеет стандартного решения. Немецкий готический шрифт («фрактура») — исторически сложившийся графический вариант латиницы; это не другой алфавит, а другая гарнитура. Привычный нам вариант латиницы, именуемый «антиква», и фрактура отличаются не составом букв, а начертанием.

М. М. Кроме некоторых знаков типа умлаута…

И. П. Умлаут может обозначаться как точками, так и отдельной буквой «е» (ä = ae, ü = ue и т. д., причем иногда *е* располагается не после, а над *а* или *и*), имеются особые лигатуры (слитные написания двух букв), но это дела не меняет. Суть в том, что в Юникоде нет специального диапазона, где находились бы готические буквы: у них те же самые кодировки, только гарнитура другая. Появляется шрифтовая зависимость, то есть в *одном* шрифте мы не можем воспроизвести разницу между готикой и антиквой, а она иногда нужна. Известно, что немецкие книги могли вплоть до конца Второй мировой войны печататься на выбор — готикой или антиквой. И скорописи было тоже две, причем иногда эта разница семантизировалась. Но допустим, что в таких случаях разница, как правило, имеет чисто оформительский характер (хотя это не всегда так).

А вот другой пример. У Пушкина в «Борисе Годунове», в сцене битвы на равнине идет разговор на трех языках — по-русски, по-французски и по-немецки. И в оригинальном издании, и в современных академических и научно-массовых изданиях используются три шрифта: для русской речи — кириллица, для французской — антиква, для немецкой — готика. В электронных изданиях без специальной шрифтовой подгрузки воспроизвести эту специфику невозможно, и все тексты «Бориса Годунова» в интернете эту особенность теряют. Будем во всем винить технику? Нет, просто нужно понимать, что́ нужно вос-

производить, а чем можно пожертвовать. Кстати, в переводах «Годунова» на другие языки это соответствие между шрифтами и языками тоже часто теряется. И есть даже научные работы, толкующие, как Пушкин изображает столкновение трех языков, используя только два шрифта.

106

В. Розенъ.

Sie haben Recht.

Маржеретъ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. Розенъ.

Ja.

Маржеретъ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розенъ.

Ich glaube das.

(*Входятъ Нѣмцы.*)

Маржеретъ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

107

В. Розенъ.

Sehr gut. Halt!

(*Нѣмцы строятся.*)

Marsch!

Нѣмцы, *идутъ.*

Hilf Gott!

(*Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ.*)

Ляхи.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій, *верхомъ.*

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(*Трубятъ; бьютъ барабаны.*)

Страницы из первого издания «Бориса Годунова»[1]

М. М. Как организована взаимосвязь между филологами и программистами? Вы ставите перед ними задачи?

И. П. Да, задачи всегда должны ставить те, для кого создается информационная система. К примеру, поиск в старой орфографии доступен сейчас всем пользователям, а до нашего заказа (то есть заказа очень узкой группы людей для очень конкретной цели) такой задачи не стояло. Мы с самого начала наметили цель — аутентичное воспроизведение печатного издания: структуры, пагинации, номенклатуры шрифтов, орфографии. Но при этом какие-то элементы мы всё же можем опускать, если примем соответствующее решения (ну вот мы, например, не воспроизводим

[1] Пушкин 1831: 105–106. Шрифтовое различие воспроизведено в большом и малом академических изданиях сочинений Пушкина.

колонтитулы). Но нас постоянно преследовали и будут преследовать вопросы: что сохранять, а чем допустимо пожертвовать? Например, разбивка на строки в поэзии обязательна, а в прозе она обычно не считается обязательным элементом. Но в некоторых академических изданиях (например, в изданиях Пушкина и Чехова) комментарии даются к такой-то строке на такой-то странице. Если строки не воспроизвести, комментарий повиснет в воздухе. Это один из тех многочисленных вопросов, которые встают перед специалистом по электронной текстологии.

Иные, но сходные вопросы встают относительно воспроизведения изображений. Конечно, понимание самого принципа аутентичности меняется. В конце 1990-х — начале 2000-х она осуществлялась через «глубокую» разметку (TEI, «глубокий» HTML): это логическая и семантическая разметка текстов, способная одновременно воссоздавать визуальное облик печатного издания — создавать представление о нем, близкое к исходному. Сейчас тренд другой — совмещение текстового и имиджевого представления: поиск идет по тексту, а результаты отображаются на картинку, факсимильно воспроизводящую исходную страницу. Так устроена коллекция Google Books, так устроена цифровая коллекция Национальной библиотеки Франции — Gallica. При таком подходе многие проблемы снимаются, но одновременно появляются новые, то есть это вовсе не панацея.

Возьмем уже обсуждавшуюся проблема поиска русского текста в старой орфографии. Как искать? Нужно, чтобы я набирал слово в старой орфографии, и чтобы при этом поиск осуществлялся только в старой орфографии? Но пользователь может не знать старой орфографии, и тогда он не сможет корректно сформулировать запрос. Иди знай, как пишется «осѣненнаго»; есть ли там ять и где именно? Да и дореформенная орфография существовала в нескольких вариантах — все возможные написания сможет перечислить разве что специалист по истории орфографии. Или набирать в одной орфографии, чтобы машина при этом искала в разных? Для этого был придуман алгоритм редукции старой орфографии к новой (он использован в ФЭБ и в большом Яндексе). Старая орфография более информативна, чем новая, она отражает этимологию (в заимствованных словах *ф* пишется в соответствии с *f* и *ph*, а *ѳ* — в соответствии с *th*), она различает омонимы типа «всѣ — все» (сейчас графическое противопоставление «все — всё» возможно, но не обязательно), «миръ» как отсутствие войны и «міръ» как вселенная (это искус-

ственное графическое различение, давно введенное, притом что эти понятия связаны друг с другом: ср. латинское *pax* в значении *universum*).

М. М. А у Толстого как? Это какой-то вечный спор…

И. А. Толстой колебался. Думал, как назвать роман: «Война и универсум» или «Война и перемирие»? Напечатал под названием «Война и миръ». А в 1913 году Павел Иванович Бирюков издал роман под названием «Война и міръ», но ведь «міръ» — это не ‘универсум’, а ‘общество’. На эту тему есть исследование у Эвелины Ефимовны Зайденшнур, крупнейшего текстолога-толстоведа[1].

Максим Шапир много писал о недопустимости модернизации орфографии в научных изданиях[2]. У нас с Николаем Перцовым есть статья в «Вопросах языкознания» о том, почему научные издания классики XIX века должны вернуться к воспроизведению аутентичной орфографии (авторской либо современной автору)[3]. Там разбирается в том числе и вопрос с «Войной и миром». Почему это важно? Потому хотя бы, что, например, у Маяковского поэма называется «Война и міръ» (‘война и общество’) — то есть не так, как в абсолютном большинстве изданий Толстого. А узнать об этом мы можем только из набранного петитом однострочного комментария в академическом собрании сочинений[4].

М. М. Игорь, вот вы показали, как важный, необходимый инструментарий предлагается сначала немногочисленным специалистам, потом всем гуманитариям, потом взыскательным читателям, а потом и «обычным» читателям-пользователям. Осыпают ли вас коллеги только благодарностями? Какие вообще отношения складываются с цехом? Ощутимо ли противодействие с его стороны? Например, под девизом: «Книжки надо читать, а вы потакаете тенденции читать с экрана».

И. А. Когда всё начиналось, приходилось многое выслушивать: «Зачем нам вся эта инженерия? Нужно ходить в архив, чувствовать запах старой бумаги. Надо обязательно листать, не до-

[1] Зайденшнур 1966: 67–68.
[2] Шапир 1999, 2001, 2002, 2003 и др. (собраны в кн.: Шапир 2009: 249–345).
[3] Перцов, Пильщиков 2011.
[4] Маяковский 1955: 444.

верять никаким копиям, пощупать первое издание»... Ну, я как человек, который достаточно много работает в архивах, знаю, как важно и листы потрогать, и на чернила посмотреть, и первопечатные издания в руках подержать, и не доверять никаким копиям, а посмотреть в оригинал и, если возможно, в несколько экземпляров печатного оригинала, ибо всякое бывает. Но это одна сторона вопроса. С другой же стороны, потратить два-три дня на поиски забытой цитаты в 16-томнике Пушкина — это роскошь недопустимая, и для этого совершенно не нужно нюхать запах корешков, а лучше 16-томник грамотно оцифровать и эту цитату быстро найти. О том, что в данном случае значит «грамотно», мы уже говорили. Ведь можно оцифровать и так, что ничего нельзя будет найти, а найдя — идентифицировать, и тогда эта оцифровка окажется для профессионала бесполезной. Я бы сказал так: читать или просто перелистывать удобнее бумажное издание, а работать удобнее с электронным.

М. М. Не сталкивались ли вы с содержательными, интересными возражениями от коллег?

И. П. Вначале возражения всегда шли «от консерватизма»: вот, есть некоторые сложившиеся, опробованные и апробированные практики, а эти новые инструменты их уничтожают. На самом же деле новые практики не уничтожают старые, а расширяют и дополняют их. Потому что никто не только не запрещает коллегам идти в архив, но и всё, что делается в сфере Digital Humanities, никак не отменяет традиционной архивной и библиотечной работы. Это первое.

Второе. Я до этого говорил только об электронных библиотеках, а ведь электронные библиотеки — не единственный способ работы с текстами, в том числе с литературными. Существуют лингвистические ресурсы. Например, создан Национальный корпус русского языка (НКРЯ), существуют другие, ранее созданные корпуса — Британский, Чешский. Они позволяют исследовать литературные тексты. В них есть специальные подкорпусы — так, существуют русский и чешский поэтический подкорпусы. С их помощью можно работать с формальными лингвопоэтическими параметрами поэтических текстов, там совершенно другие задачи, другой инструментарий. Речь не идет о жестком противопоставлении или-или: корпуса *или* библиотеки. Специалисту требуется и то и другое (а также третье — электронные архивы, и четвертое — электронные каталоги, и многое другое). Исто-

рически сложилось так, что я больше занимаюсь электронными библиотеками, хотя корпусный подход мне тоже близок и нужен. С другой стороны (если взять историю создания русских филологических и лингвистических электронных ресурсов), возможны и нередки случаи обмена информацией и компетенцией. Например, поэтические тексты XVIII века были в свое время переданы в Национальный корпус русского языка из РВБ.

Наконец, есть области, для которых этот инструментарий недостаточен. В последние годы я много говорю и пишу о том, что для авторской лексикографии и истории стиха ни электронные библиотеки, ни языковые корпуса не пригодны[1]. Разумеется, не я один об этом говорю. Действительно, если вы хотите создать словарь языка писателя, то важно охватить весь корпус его текстов и дифференцировать его хронологически. А обычное представление текстов в научном, или научно-массовом издании (возьмем, например, Жуковского в издании «Библиотеки поэта») таково, что текст дается в последней авторской редакции, а датируется годом создания первой редакции. Большое количество слов, которых не было в ранней редакции, появятся в поздней, но при таком представлении они окажутся датированы более ранним периодом. В случае Жуковского разрыв этот может составлять 30–35 лет — срок огромный. А 1820–1830-е годы — это годы ломки языка, очень быстрого его изменения. Зафиксировано словосочетание впервые в 1815 или же в 1845 году — разница принципиальна. В корпусе могут быть приведены некоторые разночтения, некоторые редакции. Формального сопоставления между разными редакциями нет нигде. В электронной библиотеке разные редакции есть, но они «есть» так же, как они есть на книжной полке: у вас имеется научное издание, в нем печатаются некоторые редакции, другие редакции печатаются в виде разночтений, в некоторых изданиях собран более полный корпус, в других — менее полный, следующее издание содержит поправки к предыдущему и т. д. В электронной библиотеке всё это есть в электронном виде, но это всё не формализовано. Вы не можете сделать качественный словарь языка писателя, просто взяв пять книг с полки. Точно так же вы не сможете сделать его, просто взяв тексты из электронной библиотеки. Но и на основе Национального корпуса вы тоже не сможете создать такой словарь. Требуется новый, специально препарированный корпус особого типа.

[1] Бодрова, Пильщиков 2013; ср. Пильщиков 2017; и др.

М. М. А в перспективе есть возможность делать новые типы справочных изданий? Например, словарь языка поэта по состоянию на такой-то год?

И. А. Я хотел бы их делать: хронологически дифференцировать подкорпусы с представлением всех дошедших до нас вариантов произведения. Чтобы все редакции и варианты текста были представлены в одной общей системе, и они были бы идентифицированы и датированы. Тогда у нас появится возможность использовать такие дифференцированные корпуса и для работ по авторской лексикографии, и для работ по истории стиха. Мы будем подсчитывать те или иные ритмические формы или языковые конструкции по конкретной редакции, точному году, а сейчас это требует дополнительной филологической работы. Мы вынуждены предварять профессиональный лингвистический или стиховедческий анализ традиционной работой с источниками, поскольку электронные ресурсы для этого пока не приспособлены. Но появляются новые способы подготовки и представления информации, новые виды разметки, новые инструменты анализа, хранения и поиска информации. Всё это дает профессионалу новые возможности.

Во-первых, компьютерные средства позволяют ускорить рабочий процесс, поскольку автоматизируются рутинные операции. Заполнение карточек с примерами или разметка ритмических форм (я нарочно беру примеры из разных сфер) занимают очень много времени, а дальше ведь довольно часто приходится всё делать вручную заново, поскольку нет общего хранилища, нет общей системы сопоставлений между разными фрагментами данных. Как только у нас появляется такого рода инструментарий, вместо 80 % процентов рабочего времени, уходящего на обработку материала, и 20 % времени, уходящего на его осмысление, мы можем получить обратное соотношение. У нас будет гораздо больше времени на размышления и выводы.

Во-вторых, это масштабирование задач. Оно становится возможно благодаря ускорению. Мне очень близок сциентистский пафос, скажем, Бориса Исааковича Ярхо, который боролся с импрессионизмом в науке, с «безответственным словоупотреблением»[1]. Давайте, говорил он, посчитаем то, что можно посчитать, а потом будем разбираться с остальным. А когда говорят, что вот такое описание вот такого-то цветочка характерно для такого-то

[1] Ярхо 2006: 356.

автора — это не наука. Наука, это когда мы посмотрим по текстам максимально доступного числа авторов, как именно они описывают цветочек, а дальше мы увидим, отличаются эти описания цветочка у разных авторов или нет. Это уже будет основа для научного исследования. Потому что фактов будет много, мы начнем их систематизировать и они будут верифицируемы, а наши выводы — фальсифицируемы. Не любой подсчет является наукой, но и заявление, что такое-то слово, скажем, у Баратынского звучит свежо и необычно, тоже не является наукой. Иногда оказывается, что оно звучит необычно только для невежественного исследователя, а для современников поэта это было вполне стандартное словоупотребление.

М. М. То есть в каком-то смысле появилась техническая возможность относительно легко выполнить заветы Ярхо? Или даже: исчезла возможность отговорки, чтобы их не выполнять?

И. П. Ярхо своим «точным литературоведением» вообще во многом предвосхитил Digital Humanities. Что касается его методики, то некоторые виды работ, которые он планировал провести (например, анализ прозы), были весьма трудоемки. Сам он называл этот процесс «“муравьиной” работой»[1]. А возражали ему так: зачем советские люди будут производить такое количество разнообразных подсчетов, если еще неизвестно, какой из них пригодится в народном хозяйстве? Сейчас ясно, что эти возражения снимаются хотя бы потому, что многое можно сделать с помощью компьютера и работа займет гораздо меньше времени. И формализованные результаты можно будет использовать в том числе на практике — они не будут оставаться какой-то игрой ума. Ведь и много позже одним из возражений против работ Андрея Анатольевича Зализняка по формальному описанию русского языка было такое: зачем нам формализованное описание русской грамматики?[2] У нас же есть школьная грамматика. Зачем нам знать, что у русского существительного не три парадигмы склонения, а гораздо больше? Но сегодня нам ясно, что без формализованной грамматики никакого поиска с учетом морфологии в интернете просто бы не было. Мы не смогли бы набирать слово в одном падеже и получать в результатах поиска то же слово в других падежах.

[1] Ярхо 2006: 554.
[2] Зализняк 1967, 1977.

М. М. Игорь, вы говорили о «масштабировании». Почему это важно?

И. П. Потому что постановка некоторых вопросов обретает смысл, только если ответ получен на большом материале, чтобы результат был статистически значим. Определить частотность какого-то параметра в маленьком рассказике под силу девятикласснику. А сравнить по такому же параметру, скажем, раннего Толстого с поздним — задача и по-настоящему интересная, и разрешимая только тогда, когда под рукой есть соответствующий инструментарий. И потом, как только появляется ускорение и масштабирование, возникает новая, большая система, а большие системы, как мы знаем, обладают свойством эмерджентности: в них появляются новые, не планировавшиеся при их создании связи, и благодаря этим свойствам появляются возможности постановки новых задач, которые раньше не ставились и которые никому не приходили в голову. Можно это описать как имманентный способ развития систем. Это уже вопрос, относящийся не только к цифровой филологии, но и к философии.

М. М. К философии медиа, во всяком случае.

И. П. Да. Вот у нас есть электронная среда, а раньше была печатная. Она нас меняет или мы ее меняем? Конечно, и то и другое. Возьмите спор Фридриха Киттлера с Маршаллом Маклюэном о том, что такое электронная среда: расширение возможностей человека или некая автономная саморазвивающаяся сущность?[1] Это напоминает старый вопрос, занимавший русских формалистов: что такое литература? Одна из социальных функций человека или же некоторый имманентный процесс? Разумеется, и то и другое. Это и имманентный процесс: попробуйте написать русское стихотворение, чтобы оно было стихотворением и чтобы оно вообще ни на что не опиралось, чтобы в нем не действовали законы русского языка, правила русской версификации. Это невозможно: какие-нибудь до вас существовавшие законы в нем обязательно начнут работать. С другой стороны, если бы мы могли это всё описать как полностью имманентный процесс, то мы действительно смогли бы запрограммировать следующего «Онегина», составить такую генеративную грамматику, которая могла бы писать гениальные стихи.

[1] Kittler 1993.

М. М. Но ведь уже делаются какие-то эксперименты в этом направлении.

И. П. Да, давно уже сформулированы принципы генеративной поэтической грамматики[1], и на их основе можно построить модель поэтической грамматики, скажем, Тютчева. Но попробуйте автоматически написать с ее помощью новое стихотворение Тютчева или хотя бы пародию на нее! Используйте какой угодно алгоритм, хоть в голове его прокручивайте, хоть в машине... Ясно, что можно создать генератор текстов (и множество таких генераторов давно уже создано), но это не значит, что вы создадите генератор культурно значимых текстов. Это совсем другое. Пока что роботы умеют писать только центоны — даже не полноценные пародии (хотя некоторые центоны у «автоматического поэта» Яндекса[2], который составляет стихи из поисковых запросов, — совершенно замечательные).

Что-то подобное происходит и с медиа. Ясно, что когда культура перешла от рукописи к книге, многое изменилось. Помимо элитарной литературы появилась массовая литература, которая при этом оказалась отделена от фольклора. Появилось огромное количество профессионалов печатного дела — литераторы, журналисты, газетчики. Вещь зажила по своим законам, да еще и начала надиктовывать нам наше поведение. Кто-то хочет совершить такой поступок, чтобы об этом написали в газете. Кто-то хочет прочесть автобиографию знаменитости. Дети могут захотеть стать космонавтом, журналистом, автором детективов... Ребенку XIV века и в голову бы не пришло стать ни автором детективов, ни космонавтом.

В чем отличие новых медиа от медиа эпохи Гутенберга? Принципиально изменилась ситуация с правом на републикацию. Если для эпохи Гутенберга авторское право — это «копирайт», право на изготовление копии, то сейчас право на изготовление копии поставлено под вопрос. Не только потому что копирование уже не занимает столько времени и сил, как раньше, но и потому что изменился его статус. Что такое копирование? Когда я смотрю на экране в удаленном режиме какой-то текст, я его уже фактически копирую. Идея копирайта, как она была сформулирована в 1830-е годы и окончательно кодифицирована в 1970-е, в течении 1990-х рухнула, стала абсурдом, тормозом, бревном на

[1] Жолковский, Щеглов 1996; и др.

[2] https://yandex.ru/autopoet/

пути прогресса — хотя бы потому, что нарушает право человека на информацию. Из механизма защиты писательского меньшинства она превратилась в авторитарный механизм именно из-за изменения среды, а у этой среды есть своя внутренняя логика, не зависимая от ее субъективного осознания. Ведь любое знание не существует как нечто полностью доступное субъективному сознанию. У физики как науки есть своя логика развития, но при этом нет ни одного человека, который знал бы «всю физику», или института, все члены которого в совокупности знали бы «всю физику». Есть то, что Поппер называл *objective knowledge*[1], — знание, которое превосходит всё, что знают отдельные физики (и не только физики). Попперовский подход к знанию — один из способов обозначить то, что́ мы сами делаем и что́ одновременно оказывает обратное воздействие на нас. Точно так же любая культурная деятельность оказывает обратное воздействие на деятеля.

М. М. Давайте вернемся к вопросу об эмерджентности.

И. П. Да, это очень важно: появление новых свойств, которых раньше не было, и возможность постановки новых задач. Например, некоторые модели речевой деятельности раньше не имели практического применения. Если в нашей модели происходит перебор каких-то вариантов, и теоретически таких вариантов — сотни и тысячи, то без практической возможности быстро перебрать эти тысячи вариантов такая модель остается отвлеченной игрой ума. Но такая модель может стать реальным инструментом познания с появлением автомата, который быстро исчисляет эти варианты. Это мы уже видели на примере «Грамматического словаря» Зализняка[2]. На следующем этапе мы начинаем моделировать такие процессы, о которых раньше никто не думал, потому что раньше их нельзя было смоделировать. Ну, один человек за пятьдесят лет мог бы просчитать тысячу вариантов, но какой в этом смысл, если для получения результата надо сравнить десять или сто тысяч? Здесь простой переход количества в качество. Некоторый результат появляется только тогда, когда вы сравнили сто тысяч или миллион вариантов, а вручную вы можете сделать только тысячу-две.

---

[1] Popper 1972.

[2] Зализняк 1977.

М. М. Значит, сегодня конкретным специалистам — лермонтоведам, тургеневедам — дан в руки невиданный дотоле в истории науки арсенал средств. Дало ли это неслыханные или просто ощутимые результаты?

И. П. Даже если говорить только о русской литературе и только о десятке ресурсов — Google Books, РВБ, ФЭБ, Библиотека Мошкова, электронная библиотека Пушкинского Дома, библиотека ImWerden, Национальный корпус русского языка, — они уже кардинально изменили филологическую практику. Все ли этим богатством пользуются? Нет, не все. Человек — существо консервативное. До него доходит не сразу, а когда доходит, он не сразу бросается менять свои привычки. Интересно, что нередко до провинции новшества доходят быстрее, потому что провинциальным исследователям могут быть недоступны традиционные формы библиотечного обслуживания — в их городе может просто не быть достойной «традиционной» библиотеки. То же касается зарубежных коллег — тех, у которых под рукой нет большой славянской библиотеки. А дальше всё зависит от установки. Если есть установка на то, чтобы фундировать каждое утверждение конкретными примерами из текстов, тогда вероятно, что появится желание и что-то обработать-посчитать. Но есть и такие «исследователи», которым достаточно почесать в затылке и сообщить миру, что Пушкин — русский гений.

М. М. Так заметен ли всплеск с появлением новых средств в этих областях?

И. П. И да и нет. С одной стороны, появились целые новые области знания, новые дисциплины — появилась компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика, практикующая совершенно новые подходы к работе с языковым материалом. С другой стороны, многое закостенело в своей консервативной нетронутости. То есть существенные результаты, несомненно, есть, но их меньше, чем могло бы быть, потому что представления специалистов в какой-либо области о возможностях автоматизации труда в этой самой области часто сводятся к формуле: «пусть придут и мне дадут». Но жизнь устроена так, что никто не может прийти и дать. Как программист может прийти и дать вам инструмент, если он вообще не знает, чем вы занимаетесь? А если он попытается себе это представить, то результат будет плачевным. Как в примере с библиографами и инженерами из Google Books: инженеры всё продумали, но не учли специфику библиографической работы.

М. М. То есть гуманитарий должен уметь сформулировать задачу на понятном программисту языке?

И. П. Да, мне кажется, я после многих лет работы в той сфере, которую сейчас начали называть Digital Humanities, стал своего рода специалистом по «переговорам» между филологами и программистами, я помогаю коллегам с двух сторон этого дигитального «фронта» найти взаимопонимание.

М. М. А вот практически? Можно отличить статью, написанную коллегой инертным и консервативным, работающим по старинке, от статьи, написанной по результатам машинной обработки большого корпуса?

И. П. Это сложный вопрос. Когда речь идет о верифицируемых данных и фальсифицируемых утверждениях (например, «такое-то выражение употреблялось в 1830-х годах крайне редко или, скажем, реже, чем в 1860-е»), то теперь это более-менее легко проверить: человек взял это из головы, из небольшой картотеки или посчитал по огромному массиву. Иногда исследователи склонны к неправомерным обобщениям результатов, полученных на ограниченном материале.

М. М. Но привносит ли электронная обработка данных в статью нечто, что ее сразу отличает от той, которая написана без такой обработки?

И. П. Это зависит от ученого. Возьмем пример из историко-литературной сферы: проблема формульности, цитации, интертекстуальности, взаимосвязей между текстами. Установление цитаты в художественном тексте может полностью перевернуть наши представления о нем — либо кардинально изменить его интерпретацию, либо пролить новый свет на историю текста. У любителей охотиться за цитатами бывает трудно понять, пользовались ли они машинным поиском. Я вот больше половины своих находок такого рода сделал в доинтернетную эпоху. Другое дело, что тогда я мог тратить годы на поиски одной цитаты, а теперь многое могу находить гораздо легче и быстрее. Но это не значит, что в сети легко всё можно найти, об этом мы уже говорили. В общем, я думаю, что такого четкого водораздела — между теми, кто пользуется в своих исследованиях современными информационно-поисковыми технологиями, и теми, кто работает «по старинке», — нет, по крайней мере пока.

М. М. Трансформируется ли исследовательское поле под влиянием нового инструментария?

И. П. Конечно. Нерефлективное «знаточество» теряет смысл: ученый, который просто знает много разрозненных фактов, уже не так интересен. С другой стороны, поскольку добывать разрозненные факты стало легко, а определенную ценность они всё-таки имеют, то нередко происходит подмена науки псевдонаукой. Ведь раньше огромная коллекция фактов, собранных традиционными методами, имела больший смысл, потому что благодаря «древесной» структуре знаний факты отбирались человеком, исходя из некоторой общей картины мира: факт — это листик на побеге, который растет на ветке, которая, в свою очередь, растет на большом дереве единого дисциплинарного знания. Пусть эти факты разрозненные, но это листики одного дерева. При новых подходах имеется возможность сразу же набрать эти листики, не зная, на каких ветках и каком дереве они растут. Но это общая проблематика современного знания: данные стало добывать легче, но умение анализировать данные, умение ставить вопросы сходит на нет.

М. М. Человек, который вручную отбирает эти листики, отбрасывает случайные совпадения, тогда как при массовой обработке неизбежна погрешность.

И. П. Это верно, есть плюсы и минусы, но они общие для разных видов знаний, не только для филологического. Доступность разного рода энциклопедической информации по разным аспектам знания из плюса легко становится минусом, потому что вместе с фактом тебе не предоставлен путь к этому факту. Раньше это знание добывалось так: ты вырабатывал методику его получения, и по дороге к факту — от дерева к ветке, от ветки к листику — встречал много интересного. Ну а когда «ствола больше нет», познающему непонятно, как один листик связан с другим. Даже если это знание какого-то нового типа — скажем, «ризомное», а не «древесное», — то у него должны быть свои способы организации и аккумуляции. Иначе знание опять «распадется» на множество мелких фактов и перестает быть знанием.

М. М. Хаос, который творился в оцифровке на заре информационной эры, отчасти продолжается. Необходимо ли вмешательство государства или академических институтов для регламентации оцифровки, для введения каких-то норм, для запрета хулиганства, пиратства, любительства?

И. П. Это большой, сложный, многоаспектный вопрос. Нужно ли поддерживать государственные и профессиональные начинания разного рода? Думаю, что нужно. Но когда государство начинает что-то поддерживать, оно регламентирует. И не всегда эта регламентация приносит благо. В России был период, когда, например, создание электронных библиотек поддерживали и государство, и научные фонды, государственные и частные. Было много разных инициатив, которые искали и находили себе поддержку. Видимо, рубеж столетий был кратковременным Золотым веком для этого направления Digital Humanities. Многое из того, что появилось тогда, продолжает существовать поныне. Но затем поддержка крайне сузилась. Так, разработка и создание электронных библиотек до определенного момента считались научной проблемой, а теперь переведены в ранг прикладных, инженерных задач. В результате профессиональные электронные библиотеки оказались практически брошены без системной поддержки. В России, в отличие от западной «цифровой гуманитаристики», я не вижу поддержки крупномасштабных проектов — исключения единичны. Что касается пиратства, то его запрещать, на мой взгляд, бессмысленно и даже вредно — нужно, как мы уже говорили, менять нормы в сфере авторского права. А любительство запретить и вовсе невозможно — можно только противопоставить аматёрству качественный профессионализм.

М. М. Какая разница между профессионалом и диггером? Раньше профессионал и был диггером…

И. П. Да он и сейчас иногда вынужден им быть. Есть же профессионалы разного типа. Есть революционеры, а есть собиратели. Есть те, кто совершает прорыв, кому важно наметить новое направление в целом и продвинуться вперед, посылая к черту подробности, а есть те, которые хотят как раз этих подробностей. Видимо, эти два типа профессионалов всегда были и останутся в будущем, как всегда останется значимым куновское противопоставление «научной революции» «нормальной науке»[1]. Другое дело, что само по себе нахождение подробностей стало иным, чем раньше. Но вместе с тем многие новые методы — это всего лишь новая форма старых. Человек, который не владеет методикой поиска информации в традиционной библиотеке, и в электронной библиотеке мало что найдет.

[1] Kuhn [1962] 1970.

М. М. Мы говорили об автоматизации рутинных процедур, об экономии времени. Не происходит ли простого перераспределения: сэкономленное время теперь должно уходить у профессионалов на освоение новых информационно-компьютерных методов?

И. П. Иногда происходит. Вот пример из личного опыта. То количество времени, которое я вложил в создание коллекций электронных текстов по Пушкину и пушкинской эпохе, конечно, вернулось сторицей, потому что с их помощью я добыл интересные результаты, получение которых без этого инструментария заняло бы гораздо больше времени. А ведь кроме этого был создан и дополнительный продукт, которым пользуются не только его создатели, но и другие люди. Традиционный «гутенберговский человек» постоянно что-то забывал и искал заново, а сейчас ситуация однажды найденного и удобно хранящегося решается всё-таки гораздо лучше, чем пятьдесят лет назад.

М. М. Но сегодняшний человек гораздо хуже всё запоминает…

И. П. А это уже обратная сторона легкости! Найти легко, но найденное уже не помнится.

М. М. К тому же запоминаются не только факты и истины, но и ошибки.

И. П. Не только запоминаются и сохраняются, но и множатся. Любой ошибочный текст размножается с той же скоростью, что и правильный. Более того, и при воспроизведении правильного накапливаются случайные ошибки. Это огромная проблема.

М. М. Кто-то работает с ошибками в базах?

И. П. В конкретных библиотеках такие специалисты есть. Тексты проверяют, ошибки находят и исправляют. О каких-то ошибках сообщают пользователи. Но в целом корректировка данных — это отдельная (и непростая) задача.

М. М. В заключение пара персональных вопросов от члена редколлегии Игоря Чубарова. Какие изменения в силу этих процессов претерпел художественный перевод?

И. П. Как практикующий переводчик, могу сказать, что новых полезных инструментов уже создано очень много. Я, например, пользуюсь корпусами параллельных текстов — они могут

ускорить знакомство с традицией перевода того или иного фрагмента памятника. Благодаря электронным библиотекам всегда можно посмотреть употребительность тех или иных слов и выражений. Например, когда я переводил с итальянского на русский трактат о Петрарке поэта-символиста Вячеслава Иванова, я должен был учитывать русские аналоги его итальянских оборотов. Поэтому его следовало переводить не на русский язык «вообще», а на русский язык Вячеслава Ивановича Иванова. Поскольку к тому времени на РВБ уже появилась электронная версия брюссельского собрания сочинений Иванова, я имел возможность найти в его русских сочинениях сходные контексты и выбрать те синонимы, которые с высокой вероятностью выбрал бы и он [1]. Да и от программ автоматического перевода есть прок, хотя еще десять лет назад казалось, что большой практической пользы от них не будет, и некоторые специалисты предрекали закат машинного перевода.

М. М. Не могли бы Вы прокомментировать рефлексию на современные способы хранения, переработки и трансляции данных, например, у Киттлера.

И. П. Мне предельно близок пафос Киттлера: изгнать Geist из Geisteswissenschaften [2]. И не потому что в них нет Geist'а, а потому что Geist должен определяться апофатически. При исследовании продуктов творческой деятельности всегда образуется какой-то «остаток», с которым мы не можем справиться посредством доступных научных методов. Но, по-моему, нужно сначала применить доступные методы, затем попытаться разработать новые и только потом то, что останется, объявить, если захочется, не подлежащим естественнонаучному изучению Geist'ом. А когда у нас всё Geist, это может означать только одно: людям лень заниматься наукой и они свои вольные фантазии выдают за результаты исследований. Ярхо, которого мы не раз сегодня вспоминали, называл таких гуманитариев скорострельными интуитивистами и добавлял с сожалением: «не любят люди работать» [3].

---

[1] См. Иванов [1931] 2006.
[2] Kittler 1980.
[3] Ярхо 2006: 122.

Беседа вторая

Что такое филология и как ей выжить в современном мире

(«Арзамас», 2016)

Кирилл Головастиков. Давайте начнем с места в карьер. Что такое филология?

Игорь Пильщиков. Думаю, определения филологии будут отличаться в зависимости от того, на каком языке мы обсуждаем этот вопрос и в какой культурной парадигме мы находимся.

Первоначально под филологией понималось историческое, лингвистическое и литературное изучение классической античности — древнегреческой и древнеримской культуры во всех ее аспектах. В этом значении термин «филология» сохранился и в современной англо-американской культуре, а также французской и других романских культурах.

Но в немецкой культуре в XIX веке выработалось представление о национальных филологиях, и методы, которые раньше применялись к изучению классической древности, стали применяться к изучению собственной культуры. Русская культура эту традицию позаимствовала у немцев.

Ирина Калитеевская. Но с тех пор представление о филологии сильно изменилось?

И. П. Да. Вопрос о том, что такое филология, к началу XX века встал снова. Филология к тому времени мыслилась как многоаспектное изучение языка, культуры и словесности, но постепенно началось активное размежевание дисциплин филологического цикла. Например, лингвистика — сначала историческая, а потом и синхронная — начала осознавать себя как отдельную науку со своими специфичными задачами. Это связано не только с име-

нем Фердинанда де Соссюра: великий польско-русский ученый Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ прямо заявлял, что для того, чтобы лингвистика могла нормально развиваться, ей нужно отмежеваться от филологии[1].

В этот период и начинаются новые размышления о том, что такое филология. Другой польско-русский ученый Фаддей Францевич Зелинский определял ее как изучение истории в аспекте словесности и словесности в аспекте истории[2].

В 1940-е в этом же немецко-польско-российском русле даст свое определение филологии Григорий Осипович Винокур. Уже пройдя через размежевание лингвистики, фольклористики и истории литературы, произошедшее под знаменем русского формализма, он определяет филологию как науку, которая заново синтезирует эти разошедшиеся дисциплины. И вот, будучи профессиональным лингвистом, с одной стороны, и профессиональным пушкинистом, с другой, Винокур, защищая докторскую диссертацию, говорит, что эти два вида деятельности он для себя не разделяет[3].

Винокур мог так говорить, потому что к тому моменту уже родилась такая дисциплина, как лингвистическая поэтика. Ее основатель, друг Винокура Роман Якобсон и его пражские коллеги понимают, что изучать язык, не учитывая его поэтической функции, невозможно; что поэзия — это одна из форм существования языка, может быть даже высшая (в России об этом говорил еще Потебня, позже — символисты и прежде всего поэт-филолог Андрей Белый)[4]. Поэтому нет лингвистики без поэтики и нет поэтики без лингвистики.

Третьей к этой связке присоединилась история литературы. Опыт формализма показал, что история литературы, которая в России рубежа XIX–XX веков традиционно строилась на позитивистской, чисто эмпирической фактографии, невозможна без соотнесения с теорией литературы (у нас благодаря Александру Николаевичу Веселовскому[5] ее стали называть поэтикой, переосмыслив восходящее к Аристотелю понятие). На этом этапе образуется новая связка — синтез истории литературы, теории ли-

---

[1] Baudouin de Courtenay 1904: 23.

[2] Зелинский 1902.

[3] См. Винокур [1944–1946] 1981: 4.

[4] Потебня 1862; Белый 1910а; Cercle Linguistique de Prague 1929; Jakobson [1935] 2005: 41; Mukařovský [1936] 1938.

[5] Веселовский [1870–1906] 1913.

тературы и лингвистики, который тоже получает название «филология».

Наконец, в этой связке всегда незримо присутствует история, ведь нам надо прочесть текст, который дистанцирован либо культурно, либо исторически, либо — чаще всего — культурно-исторически. Получается, что филология занимается не изучением языка самого по себе, не изучением истории литературы самой по себе, не изучением фольклорных форм или жанровых форм самих по себе, а занимается изучением всего этого — для того, чтобы прочитать и понять конкретный, исторически и культурно дистанцированный текст. Филология, таким образом, это наука, которая занимается интерпретацией текста и извлечением из него исторически корректных смыслов. Исторически корректных — то есть не произвольных, «вчитанных» в текст интерпретатором, а тех, которые, как можно предположить, вкладывал в него автор и вычитывали из него читатели-современники. И тогда, как говорит тот же Винокур, филология становится «моментом» в любом исследовании[1]. Даже если мы математики и изучаем историю математики!

Собственно, такое понимание филологии в упрощенном виде отразилось в советской и российской университетско-академической номенклатуре. В упрощенной — потому что если филологический факультет состоит из лингвистов и литературоведов с их подразделениями, то где же, собственно, сама филология? Ведь для того, чтобы усвоить чужую мысль, нужно сначала понять текст, который эту мысль содержит, или, точнее, служит средством ее передачи.

К. Г. По-вашему, такое понимание филологии и сейчас сохраняет статус-кво? После всех испытаний постструктурализмом и интердисциплинарностью?

И. П. Нет, такого статуса-кво, собственно, никогда и не было. Что касается нынешнего статуса… Филология, конечно, наука интердисциплинарная — но самоограничивающаяся. А новая (условно, постпостструктуралистская) интердисциплинарность не ограничивает себя и включает самые разные науки — и психологические, и политологические, и социологические, и вообще какие угодно — в зависимости от сиюминутных нужд исследователя и от интеллектуальной моды. С этой точки зрения фи-

[1] Винокур [1944–1946] 1981: 47–50.

лология снова оказывается слишком узкой, немодной и в общем отодвигается на второй план. Часто определение «филологический» звучит как упрек в догматичности, стремлении навязать тексту некоторый единственный смысл. Такие критики считают, что никакое адекватное описание исторически конкретного смысла невозможно, поскольку текст всё время попадает в новые контексты, обретает новые смыслы — а филология занимается неизвестно чем: реконструирует некоторую фикцию и с этой фикцией носится.

И. К. А у вас есть ответ на это обвинение?

И. П. Начнем с того, что такого рода возражения звучат не ото всех гуманитариев. Например, лингвист понимает, что слово многозначно и текуче: его значение меняется со временем, регулируется узусом, окончательно определяется только в контексте, но может многообразно модифицироваться, например в художественной или философской речи. Но понимая всё это, лингвист никогда не скажет, что любое слово может иметь любое значение и что словари не нужны. Такая идея с точки зрения любого лингвиста будет абсурдной. И даже современный «интердисциплинарный» литературовед, который пытается читать текст на чужом языке, всё равно пользуется словарями, чтобы этот язык выучить.

Даже из таких элементарных примеров видно, что, каким бы нестабильным и многозначным ни было слово в художественной словесности, нельзя сказать, что оно может значить «всё что угодно». Следовательно, мы можем как-то определять конкретные смыслы. Даже если мы не можем определить их позитивно, через исчерпывающий список, то мы можем определить их апофатически, через отрицание: например, обоснованно утверждать, что такое-то конкретное слово не могло иметь таких-то конкретных значений в этот конкретный период времени, а утверждать обратное — это неоправданная модернизация.

В противном случаем мы занимаемся интерпретацией, не ограниченной ничем, кроме нашего воображения. Это, во-первых, просто скучно. Во-вторых, даже наше воображение культурно детерминировано: когда мы начинаем понимать это, мы понимаем, что воображение автора и его первых читателей тоже было ограничено культурно. А как именно ограничено? Задавая этот вопрос, мы возвращаемся в исходную точку — к тому, что мы назвали филологией.

И. К. Да, хотя, наверное, упрямый критик филологии не согласится и с этими аргументами.

И. П. Конечно, это мы возвращаемся — а кто-то продолжит настаивать: всё это не интересно и не нужно, а интересно и нужно сделать текст актуальным. В этом-то и заключается главный вопрос, что значимо — сделать текст актуальным сегодня, для сегодняшних целей и интересов, или, наоборот, понять, в чем актуальность этого текста в ситуации его создания, для той эпохи, когда он был создан. Из этих альтернатив филология выбирает вторую. Михаил Леонович Гаспаров любил говорить, что филолог — это человек, который отказывается от себя во имя текста, а постмодернист, свободный интерпретатор, отказывается от текста во имя себя[1]. Гаспаров считал, что первое — это наука, а второе — нечто вроде художественного творчества.

Эта оппозиция вообще очень значима. Между читателем и текстом есть дистанция, которую приходится преодолевать, и мы можем либо приблизить себя к тексту, либо приблизить текст к себе. Еще Шлейермахер в своей лекции 1813 года говорил, что бывают разные переводы: одни приближают читателя к тексту, другие — текст к читателю[2]. Первые мы можем назвать филологическими, а вторые, наоборот, актуализирующими, политизирующими — антифилологическими.

К. Г. Есть ли у вас ощущение, что сейчас гуманитарные науки перестали пользоваться доверием общества — особенно на фоне бешеной моды на информационные и компьютерные технологии?

И. П. Эта ситуация не нова, вспомним хотя бы спор физиков и лириков в 1960-е годы: наука развивается как бы синусоидально.

Для каждой науки рано или поздно встает вопрос: а какое у нее практическое применение. Ведь многие открытия делаются просто из любопытства, без расчета на практическое использование — или с расчетом, который не оправдывается. При этом открытие может найти себе неожиданное применение. Без диссертации Андрея Анатольевича Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка» (1965) и его грамматического словаря, в котором формально-алгоритмиче-

[1] Гаспаров 1979; 2000а: 98–100.
[2] Шлейермахер [1813] 2000.

ски описаны все типы русского словоизменения (то есть склонения и спряжения) [1], в современном русском интернете не работал бы поиск с учетом морфологии — и вообще непонятно, как можно было бы работать с информацией на русском языке. Но когда Зализняк проводил свое исследование, оно казалось бесполезным — и это было одним из аргументов против структурных подходов к изучению языка в 1960-е годы.

Конечно, тот же самый упрек можно адресовать и физикам-теоретикам, и математикам — но общество почему-то, по счастью, надеется, что их результаты когда-нибудь пригодятся. А относительно гуманитарных наук общество колеблется: иногда оно верит в их пользу, а в другие исторические периоды считает, что это всё ерунда, которая нигде пригодиться не может.

За последние два десятилетия мы столкнулись с быстрым и внезапным развитием компьютерно-информационных технологий. Это связано и со стремительным повышением производительности компьютеров, и с увеличивающейся скоростью передачи сигнала, и с новыми возможностями шифрования данных. Многие вещи, которые раньше были плодом умозрения и в ближайшем будущем даже не предвиделись, вдруг стали реальностью. Культурный и экономический ландшафт на рубеже XX–XXI веков кардинально изменился, подобно тому, как экономическую ситуацию городов XIX века изменило появление железных дорог. Соответственно, техника и технология оказались в центре общественного сознания — а они диктуют науке принцип утилитарности.

И. К. Что делать в этой ситуации гуманитарной науке?

И. П. Ну, может быть, попытаться извлечь из этой ситуации какую-то пользу. Например, сейчас стал развиваться квантитативный, статистический подход к языкам и текстам. В 1930-е годы работы пионера в области статистического исследования литературы Бориса Исааковича Ярхо никого не привлекали, он был одиночкой. После войны его труды не печатали, и хотя в русской филологии точные методы уже применялись, ограничивались они преимущественно стиховедением и некоторыми областями лингвистики. Теперь все заговорили о Digital Humanities — но ведь задачи дигитальной филологии во многом совпадают с задачами, которые ставил перед собой Ярхо.

[1] Зализняк 1965 (ср. 1967), 1977.

К. Г. Приведите, пожалуйста, пример — что сейчас гуманитарные науки могут, чего раньше не могли.

И. П. Например, Ярхо изучал историю жанра[1]: оказалось, что если выделить всего несколько жанровых признаков трагедии, причем таких, которые формулируются в виде числовых параметров (количество явлений в пьесе как мера подвижности действия, количество действующих лиц и т. д.), то можно с числами на руках показать, как эволюция трагедии делится на периоды (ранняя классика, поздняя классика, ранняя романтика, поздняя романтика и т. д.), и установить границы между этими периодами. А сравнивая между собой два разных жанра, сосуществующих в одну эпоху (Ярхо взял для сравнения комедии и трагедии), можно эти жанры формально дифференцировать: найти квантитативные признаки, по которым они отличаются друг от друга, вычислить пропорции их сочетаний в разных текстах и определить место промежуточных экземпляров (трагикомедий) на шкале между прототипической трагедией и прототипической комедией. Ярхо всё это подсчитывал вручную, результаты были очень интересными, но продолжения не воспоследовало: в официальном рескрипте было сказано, что это слишком трудоемко и не под силу одному человеку или даже небольшому коллективу.

А сейчас главный идеолог «квантитативного формализма»[2] и «дистанцированного чтения»[3] Франко Моретти предлагает делать то же самое, но с помощью компьютеров. Когда мы просто читаем и интерпретируем тексты, то сколько текстов мы можем изучить? Один текст, десять текстов, пусть сто текстов — ну в крайнем случае тысячу, а ведь их гораздо больше. Как пишет Моретти, есть несколько тысяч викторианских романов, которые никто никогда не прочтет[4], — но мы до сих пор читаем Теккерея или Диккенса и хотим знать, в чем их специфика. Чтобы понять специфику шедевров, надо знать культурный фон, на котором они создавались. Что делать? Выход — изучать эти несколько тысяч романов дистантно, выявив некоторые формализуемые признаки, по которым уже сейчас компьютер может анализиро-

[1] «Комедии и трагедии Корнеля (Этюд по теории жанра)» (Ярхо 1999/2000; 2006: 403–549); «Распределение речи в пятиактной трагедии (К вопросу о классицизме и романтизме)» (Ярхо 1997; 2006: 550–607).

[2] Allison et al. 2011.

[3] Moretti 2013.

[4] Moretti 2009; 2013: 179–210.

вать большие текстовые объемы (это и есть быстрое, «дистанцированное» чтение, distant reading, противопоставленное медленному, пристальному чтению — close reading). То, что Ярхо делал вручную, сейчас делается с помощью цифровых технологий.

И. К. А что может дать статистическое изучение викторианского романа тем, кто вообще филологией не интересуется?

И. П. Кто-то скажет: ничего. Однако исследователи из Стэнфордской литературной лаборатории говорили мне, что, например, компании, занимающиеся интернет-торговлей, очень интересуются тем, как товары (фильмы, книги, аудиозаписи) распределяются по жанрам. Скажем, покупателю нравится кино в жанре film noir. А как узнать, что́ из нашего ассортимента покупатель отнесет к этому жанру, а что нет? И речь идет не о десятке, а о сотнях наименований. Между тем именно эти механизмы изучаются методом дальнего чтения.

Что здесь является основным продуктом, а что побочным? Разработанная методология, применимая к разным текстам, или новая интерпретация конкретных текстов? Зависит от потребителя: для филолога побочным продуктом будет улучшение продаж фильмов нуар в каком-нибудь интернет-магазине, ну а для интернет-магазина побочным продуктом будут по-новому прочитанные Диккенс и Теккерей.

К. Г. То есть у Digital Humanities, получается, большое будущее?

И. П. У цифровой филологии, с одной стороны, большое будущее, а с другой стороны, довольно много проблем. Технология развивается быстро, а рефлексия по ее поводу формируется гораздо медленнее. Одна из главных проблем Digital Humanities — что они должны делать: отвечать на вопросы, которые уже были поставлены в гуманитарной науке независимо от компьютеров, или научиться задавать новые вопросы, которые именно наличие компьютера помогает поставить? Первый тип задач уже успешно решается. Допустим, мы хотим оценить репертуар стихотворных размеров какой-то эпохи, чтобы сравнить его с репертуаром другой эпохи, и хотим увеличить выборку в 10 или в 100 раз — тут-то компьютер нам и поможет. Но сама по себе задача была поставлена еще в докомпьютерную эпоху.

Со вторым типом задач сложнее. Скажем, появление корпусов коренном образом изменило лингвистику: языковеды ста-

ли совсем по-новому подходить к отбору и подаче материала. Это легко представить хотя бы на примере двуязычных словарей: вы больше не пользуетесь напечатанным словарем, а обращаетесь к интернет-словарю, основанному на пополняемом корпусе, и вместо закрытого и неизменного списка слов, значений и примеров у вас появляется открытый и динамично пополняемый список. Кое-какие задачи такого рода учится ставить молодое компьютерное стиховедение. Здесь не место вдаваться в подробности, но важно прийти к тому, чтобы компьютерный подход помогал формулировать новые теории, а не только проверять старые.

И. К. Не кажется ли вам, что гуманитарные науки просто проиграли коммуникативную, пропагандистскую битву остальным наукам? Среди людей на улице многие смогут что-то объяснить про коллайдер, но никто — про Соссюра или Деррида.

И. П. Я совершенно не уверен, что люди, о которых вы говорите, понимают, как устроен адронный коллайдер. Я думаю, что если у ста человек с улицы спросить, как работает электрическая лампочка, то половина из них не сможет ответить четко и по делу. Развитие техники приводит к тому, что она становится всё более и более автономной от нас: сейчас мы не чиним сами то, что еще 50 лет назад чинили сами — автомобиль, например. Это во-первых.

Во-вторых, откуда человек знает про коллайдер — не отчеты же ЦЕРН читает? Нет, конечно, он читает популярные пересказы. Значит, они есть и их много. Качественные популярные пересказы Соссюра тоже есть, но их уже мало. А качественных популярных изложений того, о чем писал Деррида, совсем немного — я могу вспомнить только книгу Наталии Сергеевны Автономовой (да и то, можно ли назвать ее научно-популярной?) [1]. А почему у одного явления качественных дайджестов больше, а у другого меньше? Видимо, потому, что на одно общественный спрос больше, а на другое меньше — мы вернулись к исходному тезису.

К. Г. А если вдруг кто-то займется хорошим пиаром гуманитарной сферы, это изменит что-то, или проблема в самой гуманитарной сфере?

[1] Автономова 2011.

И. П. Возможно, это даст плоды. В конце концов, нельзя сказать, что спрос на гуманитарную проблематику отсутствует, он есть. Более того: он немедленно удовлетворяется разного рода непрофессиональной деятельностью. Псевдоистория и любительская лингвистика существуют и процветают, потому что людям интересно получить ответы на вопросы, откуда пошла есть Русская земля, откуда взялось существительное «рука» или прилагательное «русский». Им интересно, кто написал «Гамлета» или «Тихий Дон» и о чем, собственно, говорится в том или ином стихотворении — а то вроде бы красиво, но непонятно. Здесь качественный ликбез очень важен — и ваш собственный, «Арзамаса», пример показывает, что заниматься таким ликбезом можно и нужно.

А вот с продвижением гуманитарных дисциплин на другом уровне — академическом, университетском и так далее — всё гораздо сложнее. Грубо говоря, вы не сможете изменить номенклатуру дисциплин в Московском университете, какой бы сайт вы ни вели, какой бы журнал или серию книг ни издавали.

И. К. За рубежом в каждой науке существуют свои звезды — которые ходят на телепередачи и так далее. Может ли кто-то из современных гуманитариев стать звездой в России?

И. П. Как я уже сказал, если массовый интерес не удовлетворяют профессионалы, его возьмутся удовлетворять непрофессионалы. Они собирают аудитории, и в каком-то смысле их можно назвать звездами. Можно ли заменить такую звезду настоящей научной звездой? Видимо, можно. От чего это зависит? Наверное, от того, как та или иная научная дисциплина умеет себя поставить, есть ли у нее внутренняя гигиена и способ отсеивать некачественное и признается ли эта ранжировка соседними дисциплинами. Если гуманитарные науки утрачивают эту внутреннюю гигиену, то у них оказывается очень мало возможностей экспортировать свою систему ценностей вовне. Что мы видим: у литературоведов нет внутреннего единства предметной области, нет единых стандартов оценки результатов, нет даже вразумительного разделения на школы. А если у нас внутри дисциплины нет такой системы ценностей, как же мы можем ее экспортировать?

К. Г. Я как раз хотел спросить про интерес массового человека и происхождение слова «рука». В 2013 году вы дали моим коллегам из «Ленты.ру» интервью про лингвистическую

и культурную историю русского мата[1]. Этот текст прочло много десятков тысяч человек, а затем он был запрещен Роскомнадзором — ретроактивно запрещен, потому что закон о недопустимости мата в СМИ был принят позже. Как вы оцениваете это событие? Пришла ли к вам слава, например?

И. П. Насчет славы — не знаю. Мне кажется, это была первая научная (ну, не научная, а научно-популярная) публикация, которая была открыто, незакамуфлированно запрещена в XXI веке в России. Мне доводилось слышать очень высокие оценки этого интервью и от ученых, и от журналистов. Но никакого общественного резонанса, как мы помним, этот запрет не вызвал, что само по себе ненормально.

С одной стороны, общественного резонанса не было отчасти потому, что всё равно текст никуда не пропал: от того, что его Роскомнадзор запретил на «Ленте», он из сети не исчез. С другой стороны, текст на «Ленте» и текст просто в интернете — это не одно и то же. Потому что научно-популярная публикация в профессиональном печатном или сетевом издании — это экспликация системы ценностей, которую какая-то группа людей, обладающих определенным культурным статусом, пытается предложить другим людям.

Статья, напечатанная в солидном журнале, имеет большее воздействие на читателя, чем статья, напечатанная черт знает где. Хотя и в солидном журнале может быть напечатана полная чушь, а черт знает где может быть напечатана прекрасная работа, но тем не менее «место имеет значение». Вам же не придет в голову воздвигнуть кафедру в троллейбусе и начать там читать лекцию по истории философии? Значит, дело не только в теме, не только в способе подачи материала и не только в содержании, а в совокупности всех этих факторов. Правильное позиционирование может дать результат, неправильное — не может.

Итак: нужно ли вести разумную политику в области гуманитарного просвещения? Да, нужно. Потому что, если просто писать тексты и отправлять их в информационный космос, они там так и будут болтаться, как Омар Хоттабович из сказки Лагина. Сейчас текстов в сети не просто много — их запредельно много,

[1] Интервью было опубликовано 2 апреля 2013 года под заголовком «Запретная филология». 8 июля того же года редакция Lenta.ru получила предписание Роскомнадзора с требованием удалить публикацию как содержащую «нецензурную брань».

несколько миллиардов. Эти объемы уже в миллионы раз превосходят то, что человек способен прочитать. И если у вас нет никаких ориентиров в этом информационном пространстве, то вполне возможно, что вы никогда не встретитесь с интересующим вас текстом.

Беседа третья

Филологические электронные библиотеки: вчера и сегодня

(«Рутения», 2018)

Здравствуйте! С вами я — Роман Лейбов, куратор сайта Ruthenia.ru. Мы продолжаем наши беседы в прямом эфире с людьми, причастными к современной русской филологии в широком смысле этого слова и к ее цифровому измерению. Сегодня мы встречаемся с Игорем Алексеевичем Пильщиковым. Здравствуйте, Игорь Алексеевич! Наверное, мы будем по-прежнему на «ты»?

И. П. Да, вряд ли стоит после стольких десятилетий знакомства переходить обратно на «вы».

Р. Л. Первое, о чем мы должны поговорить, это ситуация, сложившаяся вокруг Русской виртуальной библиотеки. Это один из двух ресурсов, которыми, наверное, пользуются все. Во всяком случае, все, кто сознательно занимается филологической деятельностью. Оба содержат электронные репринты научных или авторитетных изданий русской классики и к обоим ты имеешь прямое отношение. Первый, где ты главный редактор, — ФЭБ — не очень активно развивается, насколько я понимаю (об этом можно будет поговорить потом). Второй, где ты научный редактор, — РВБ.

Некоторое время назад наш друг Евгений Горный, создатель и технический мотор РВБ, «кликнул клич по всему Житомиру», как это сказано у Булгакова, и пытался собрать методом краудфандинга деньги на дальнейшее развитие проекта. Если я правильно понял, получилось не очень. Это меня тревожит, потому что, как и все мы, я заинтересован не

только в устойчивости работы РВБ, но и в ее развитии. Некоторые люди знают, что, например, издание Пушкина делал Томашевский, но при этом сайтами пользуются, как дикари, не представляя, кто за ними стоит.

И. П. Действительно, ситуация с редакторами и организаторами электронных библиотек похожа на ситуацию с научными изданиями и переводчиками. Их никто не знает. Это такой безымянный биг-бэнд, без которого, однако, произведения не будет. Как филологи мы понимаем, что это неправильно: мы должны знать, что мы читаем Пушкина в редакции Томашевского, что мы читаем не Джойса и Шекспира, а их произведения в соответствующих переводах. Это одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что электронные библиотеки выполняют сразу две или более функций. Они не только аккумулируют и распространяют информацию, как традиционная библиотека. Они становятся одним из инструментов исследования, потому что с помощью электронных текстов можно сделать то, чего нельзя было сделать с помощью книг. При этом бумажный текст тоже лежит в основе исследования, но не является для него инструментом. Электронная библиотека благодаря своему функционалу заходит в эту область, превращаясь из хранилища в инструмент.

Вторая проблема заключается в том, что традиционным библиотекам много лет, десятилетий и столетий, а если брать предыдущие стадии существования и развития библиотечного дела, то и тысячелетий. Там тоже есть традиции и инновации, есть над чем думать и работать, но в мире электронных библиотек нет готовых стандартов: нельзя прийти в университет, проучиться три, пять или десять лет и в результате этого получить профессию «создатель электронных библиотек». Это слишком молодая область, в ней стандарты складываются по ходу дела. Что уж говорить, если интернет был создан в 1991 году, зона .RU появилась в 1994, РВБ — в 1999, ФЭБ — в 2002 году. С точки зрения культурной истории одного-двух поколений это мизерное время. Это то, что рождалось у нас на глазах, в чем мы стараемся принимать посильное участие.

Получается, что само по себе *создание* — проблема не рутинная, а исследовательская. Поскольку мы, приступая к делу, еще не очень хорошо понимали, что́ мы собирались создать. Когда продукт готов, оказывается, что мы получили совсем не то, что задумывали, всё нужно переделывать, и так много раз. По истечении некоторого времени проекты сами себе оказываются не равны.

Эта работа трудозатратная, а значит, она и финансово затратная, потому что либо люди занимаются ей в свободное от основной работы время, либо получая какую-то компенсацию. Компенсация, понятное дело, возможна нескольких типов: институциональная, если проект существует при каком-то учебном или научном заведении, или грантовая, если мы формулируем конкретные задачи, выделяя из большого проекта субпроекты.

РВБ: страница-заставка

Р. Л. Для этого, заметим, тоже желательна институциональная привязка.

И. П. Да. Сейчас в России и ЕС для того, чтобы получать гранты, нужно иметь аффилиацию с учебными и научными заведениями. Но само по себе это не проблема, потому что, в отличие от 1990-х и нулевых годов, когда приходилось ходить по институтам и университетам и объяснять людям, зачем нужны электронные библиотеки, сейчас все всё понимают. Более того, родилось поколение, для которого цифровые ресурсы были всегда, то есть оно не представляет себе мир без этого. Я уже слышал от студентов: «Мы думали, что РВБ и ФЭБ были всегда».

Р. Л. Для них это и есть «всегда».

И. П. Действительно. Первое чтение могло быть с экрана, а не с бумаги, и именно с этих сайтов. Мы говорим о жизни одного поколения, но если считать поколением 25 лет, то эти 25 лет у филологического интернета и электронных библиотек уже

есть. Однако здесь есть интересная особенность. Проекты традиционно разделяются на два типа. Проекты собственно исследовательские, когда мы ставим научную проблему и хотим ее решить. В этом смысле продукт оказывается даже менее важным, он лишь способ получения некоторого научного интеллектуального результата, а также способ его демонстрации. И проекты не научные, а технологические, связанные с техническим развитием. Оно может быть принципиальным, но это не research, а development, если использовать англоязычную терминологию.

То, что одна и та же антиномия с немного разными словами имеется в разных языках, показывает, что такое представление о нетождественности науки и техники, научного исследования и технологического процесса существует. Вопрос в том, что и то и другое — некие конструкты, в беспримесном виде они не существуют нигде. Чистых наук типа математики, теоретической физики, теоретической поэтики, для которых нужны только лист бумаги и карандаш, очень мало. По большей части всё время появляются какие-то прикладные аспекты, а с ними и технологические вопросы. С другой стороны, развитие технологий в последние несколько десятилетий явным образом ускоряется, этот процесс не носит предсказуемого эволюционного характера. Что-то мы предсказываем, а что-то появляется совершенно неожиданно. Говорить о том, что «развить уже существующее — это чисто технологическая задача, не требующая никакого интеллектуального усилия, а только усидчивости, поэтому с просьбами о поддержке такого рода проектов, пожалуйста, идите в другие инстанции», не совсем верно.

Хотя верно или нет — вопрос абстрактный. Посмотрим на конкретику. В конце 1990-х — начале нулевых годов задача создания электронных библиотек считалась научной задачей. Например, в российских фондах поддержки науки для них была специальная категория. Но около 2004 года, как я помню, в российской классификации видов деятельности «создание электронных библиотек» превратилось в деятельность рутинную, технологическую. Наполнение библиотеки контентом или развитие ее функциональности сами по себе перестали квалифицироваться как научная работа. В результате можно было, конечно, продолжать развивать электронные инструменты именно как инструменты, но лишь постольку, поскольку они помогали решать научные проблемы. Это привело к тому, что сфокусировать проект именно на развитии, каком-то определенном направлении развития

электронной библиотеки, пользуясь только такими грантами, стало невозможно. Можно заниматься какими-то другими делами, а в качестве прикладного аспекта этой другой деятельности что-нибудь развить: добавить текстов, поэкспериментировать с поиском. Но только для того, чтобы получить какие-нибудь исследовательские результаты. Это принципиально изменило распределение финансов в обсуждаемой области.

Насколько я понимаю, сейчас довольно значительные средства в России вкладываются в создание электронных коллекций при традиционных библиотеках, что очень хорошо и полезно. Образец в свое время дала Национальная библиотека Франции (Bibliothèque nationale de France), которая начала разрабатывать цифровую коллекцию Gallica и связала, причем очень эффективно, три вещи: собрание книг, электронный каталог, который ранее существовал в виде карточек и печатных книг, и электронную библиотеку, привязанную к этому каталогу. В России по этому пути пошли Национальная и Государственная библиотеки (РНБ и РГБ). В то же время, несмотря на существование разных электронных библиотек и Ассоциации электронных библиотек, планомерного развития профильных электронных библиотек при поддержке Академии наук и разных министерств, которое мы видели в начале 2000-х годов, больше не наблюдается. Оно в течение последнего десятилетия постепенно сошло на нет. Если в первой половине 2000-х годов мы могли получать научные гранты от фондов на развитие РВБ и ФЭБ, именно на создание и развитие электронных библиотек, то затем эта системная поддержка прекратилась.

ФЭБ, с одной стороны, был по своим объемам масштабнее, чем РВБ, а с другой, вошел в стадию технологического обновления. Мы работали как с размеченными и распознанными текстами, так и с изображениями. Во всем мире настало время, когда при показе стали объединять изображения и тексты. В той же «Галлике» был период, когда книги в формате pdf были без текстов, а тексты существовали отдельно и были взяты из корпусного проекта Frantext. Потом всё изменилось, появились технологии «образ + текст». В 2008 году pdf стал открытым форматом, появился проект Google Books, который соединил электронные факсимиле с возможностями поиска (хотя поисковый аспект в Google Books не так хорошо проработан). Это изменило наше представление о том, как должна быть устроена электронная библиотека. ФЭБ подошел к развилке: развиваться в старом фор-

мате уже не имело смысла, а на новый технологический поворот нужны были средства. Они нужны были не только на разработку новой технологии (она была разработана), а на то, чтобы перевести уже имеющийся массив информации в новую форму или хотя бы эффективно совместить раннее подготовленную информацию и новую. Кстати, Gallica не смогла этого сделать, они просто всё переделали: все тексты из Frantext'а вернулись обратно в базу данных Frantext, а связка «образ + текст» была создана заново. Но у Национальной библиотеки Франции очень мощная бюджетная поддержка. А ФЭБ в определенный момент был заморожен, то есть он функционирует, работает, но новые тексты туда не добавляются. Была разработана технология «ФЭБ 2.0: образ + текст», но именно к ФЭБ эта технология не применялась, она осталась в прототипе, хотя командой, которая ее разработала, она используется в других проектах, в частности, в известном в России нефилологическом проекте «Электронная библиотека “История Росатома”». Сейчас, когда мы делаем разного рода экспериментальные сайты, новые базы данных для своих научных исследований, мы тоже пользуемся этой технологией, но объединить ФЭБ 2.0 с ФЭБ 1.0 без потери уже наработанной информации оказалось (пока) невозможно.

Главная страница ФЭБ

РВБ тоже развивалась не только на энтузиазме создателей, но и на гранты, которые мы получали в конце 1990-х — начале 2000-х. Затем эта поддержка сошла на нет, то есть можно было

делать какие-то отдельные проекты, но не целенаправленно развивать библиотеку. С РВБ до определенного момента было несколько проще, потому что там все тексты были в одном формате — это распознанные тексты с логической разметкой, которая позволяет их визуализировать близко к печатному оригиналу, как и в ФЭБ. В свое время мы колебались, по какому пути пойти — использовать TEI или возможности HTML, и в результате был использован HTML в пятой версии, позволявший решать задачи, которые ставила перед собой РВБ. В РВБ мы не собирались совмещать образ и текст, то есть создавать электронное факсимиле с поиском. Тем более, что как раз в последние десять лет в области русской классической литературы и ее исследований очень активно развивается библиотека ImWerden Андрея Никитина, с которым у тебя недавно была беседа, привлекшая всеобщее внимание (это радует)[1]. Андрей много сделал для подачи текстов в виде электронных факсимиле с возможностями текстового поиска. Но появился новый challenge, а именно переход на миниатюрные девайсы вроде смартфонов, произошедший точно так же, как в свое время переход от стационарных компьютеров к ноутбукам. Экран стал меньше, он перестал использоваться в одной позиции, горизонтальной или вертикальной, и появилась необходимость в адаптивном дизайне. Старый дизайн, как у ФЭБ, вообще не умещается в эти форматы, он рассчитан на широкий экран, который может быть разделен на окна. РВБ была более приспособлена к небольшому экрану, но ненамного. То, что мы там за пятнадцать с лишним лет понаделали, стало неудобно читать через смартфон. Тогда у Горного появилась идея сделать эти тексты более доступными.

Исследований в ФЭБ больше, а разнообразных авторов и их текстов больше в РВБ. Эти библиотеки взаимно дополняли друг друга, что неудивительно, поскольку в обоих проектах команды пересекались. Тем не менее у них, особенно у РВБ, большая часть аудитории — не филологи, а студенты и даже школьники. Для того, чтобы сохранить широкую аудиторию и одновременно самим жить в новой реальности (мы ведь и сами всё больше читаем с экранов телефонов), была организована трансформация. Здесь Горный стал идеологом и мотором, он взялся за изучение того, что нужно сделать и как. С 2017 года идет процесс перевода РВБ

[1] Эфир от 18 февраля 2018 года, https://www.youtube.com/watch?v=niQJWoWfVHE

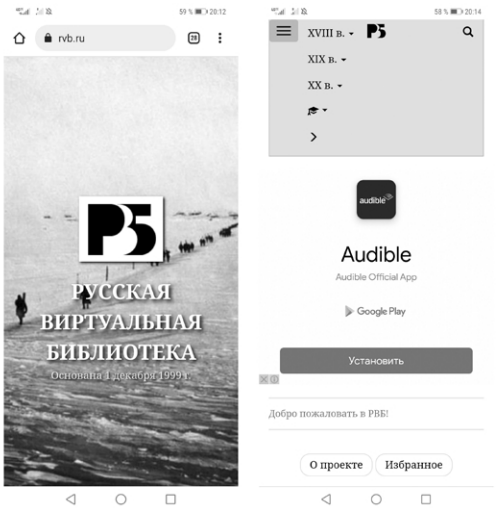
из старого неадаптивного дизайна в новый, заодно проверяются тексты, исправляются застарелые ошибки, налаживаются гипертекстовые связи между текстом, комментарием и другими текстами, обновляется навигационно-информационная часть. Например, мы стараемся сделать так, чтобы главная страница, посвященная каждому автору, была максимально информативной. Для этого я, подобно писателю XVIII века, составляю компилятивные справки. То есть читаю все имеющиеся энциклопедические статьи об авторе, читаю о нем монографии и составляю идеальную, с моей точки зрения, статью, которая могла бы заменить весь набор разрозненной информации и предоставить ее пользователю всю сразу; плюс основные ссылки по темам.

Ссылки — это вообще болезненный вопрос. В ФЭБ мы в свое время пытались создать большой каталог ссылок. Первые пять лет вели, но потом забросили, потому что интернет очень быстро меняется. Мы знаем, что среднее время жизни сайта в интернете — два года. Даже если информация сохраняется, она меняет адрес, меняет форму представления, трансформируется. Идея присваивать идентификаторы (Digital Objects Identifiers, DOI), конечно, существует, но большинство цифровых объектов в интернете существуют вне DOI, имея свои URLs, которые меняются. Чтобы линки оставались актуальными, за ними нужно следить. Вести большой каталог неинституциональными силами стало просто невозможно, потому что объем информации в сети огромен. Идея вести каталог ссылок на коленке в свободное от работы время — это примерно как идея завести Книжную палату, которой надо заниматься по вечерам. Но если речь идет лишь о рекомендательной сетевой библиографии, не огромной, сводной, а всего по нескольким десяткам авторов, то это более реально. Однако и она занимает время, делается небыстро, потому что постоянной финансовой поддержки нет. Вряд ли пользователи об этом задумываются, но реальность такова, что РВБ и ФЭБ уже почти десять лет существуют без постоянной финансовой подпитки, фактически на энтузиазме разработчиков и случайных заработках.

Р. Л. Случайные заработки — это реклама?

И. П. В первую очередь я имею в виду гранты, которые удавалось получать на конкретные разработки. Для них требовалось сделать что-то в рамках электронной библиотеки. Я говорил об этом выше. Второе — это реклама, которая раздражает пользователей.

Р. Л. Она смущает, особенно когда я в аудитории открываю РВБ, хотя мне Google временами начинает подсовывать какой-то *чертзнаетчто.com* в качестве первой ссылки. (Я уже помню, что если это автор из школьной программы, то нужно в запросе дополнительно писать RVB.) И вот у меня выскакивает стихотворение Пушкина, уж не знаю, какое, а внизу реклама медицинских средств или анатомических упражнений, которые мою аудиторию, состоящую из юных девушек, не очень интересуют, зато приводят в оживление. Я, правда, всегда объясняю, что так устроен мир.

Главная страница мобильной версии РВБ с рекламой от Google

И. П. Индивидуальный пользователь может значительную часть рекламы отключить программными средствами, но опять же, если он хочет хоть как-то поддерживать эти проекты, лучше этого не делать. Если нужно показать текст в аудитории, можно временно отключить рекламу. На ФЭБ она не прижилась из-за разных технологических сложностей: там довольно много устаревшей разметки, начались технические конфликты. На РВБ реклама так или иначе живет, это деньги, которые хоть как-то позволяют поддерживать существование библиотеки, но не позволяют ее развивать. Для того, чтобы завершить переход на новый

дизайн и не прекращать информационное пополнение, нам нужны средства (я сейчас говорю про РВБ). Одновременно с переходом на новый дизайн мы активизировали подготовку информации — как новых текстов, которых не было в сети, так и текстов, которые в других местах были доступны, но недостаточно хорошо вычитаны, либо были нужны для целостности нашего информационного фонда. Мы дублируем информацию в РВБ и ФЭБ, хотя и не очень значительно. Например, издания Жуковского, Есенина и Гоголя отчасти совпадают в ФЭБ и РВБ, а издания Пушкина не совпадают вообще.

Р. Л. На РВБ Пушкин малый академический, я правильно помню?

И. П. На РВБ гихловский, он же худлитовский, десятитомник[1]. Когда ФЭБ еще не был открыт в интернете (он перед этим в течение нескольких лет существовал как локальная версия), уже были сделаны электронные версии большого академического[2] и четвертого малого академического изданий[3]. Эти две линии эдиционной пушкинистики к тому моменту были «покрыты», поэтому мы решили сделать в качестве дополнения третью — это издания худлитовские. В ней тоже были два десятитомника: более ранний, 1950-х — 1960-х годов, и более поздний — 1970-х[4]. Поздний хуже, потому что там комментарии сокращены и есть некоторые недочеты.

Почему выбирается то или иное издание? Идеальных изданий ни у одного автора нет. Нет такого, которое отменяет все прочие, любая селекция — это компромисс. Мы руководствовались принципом дополнительности: чтобы были разные издания. Когда Пушкинский Дом начал составлять свою электронную Пушкинскую коллекцию, то там появилась установка на то, чтобы представить *все* издания Пушкина: отдельные прижизненные издания, публикации в журналах, последующие авторитетные издания. Понятно, что рано или поздно мы, видимо, будем иметь в сети все авторитетные издания Пушкина. Но для того чтобы академические институты взялись за такую работу, нам всем в свое время, лет двадцать назад, приходилось проводить пропа-

[1] Пушкин 1959–1962.
[2] Пушкин 1937–1949.
[3] Пушкин 1977–1979.
[4] Пушкин 1974–1978.

гандистско-просветительскую работу, убеждать коллег в том, что это нужно и что за этим будущее. Теперь у ИМЛИ есть электронная библиотека, и Пушкинский Дом, помимо собственной библиотеки с разными разделами, открывает новые электронные проекты. Я думаю, что в них слышно эхо наших пропагандистских усилий двадцатилетней давности.

Р. Л. Можно было бы сказать, что это сделали бы какие-то другие люди, но это сделали именно вы.

И. П. Речь идет не о роли личности в истории, хотя кто знает? Речь идет о функции. Случилось так, что это были мы. Ну, и не только мы одни.

Так вот, в какой-то момент мы сели и посчитали, сколько нам нужно на этот рывок по переводу библиотеки в новый вид и по организации конвейера для изготовления и трансформации электронных текстов на РВБ. Для того, чтобы это всё приняло достойный вид, чтобы это был нормальный процесс, а не отдельные рывки с большими паузами, нам нужно хотя бы разовое большое вливание грантового типа. Ситуацию с грантами я описал. Получить грант на создание новой системы еще можно, но получить исследовательские деньги на то, чтобы радикально трансформировать существующую систему, сейчас фактически нельзя. Это уже считается development-проект.

Мы решили, что раз у РВБ два миллиона читателей — библиотека всем нужна, — то, если эти два миллиона скинутся по чуть-чуть, то мы вполне можем собрать средства, которые нам нужны для того, чтобы за год такое обновление провести, а заодно добавить в библиотеку академические издания нескольких значимых авторов. (Например, у нас в планах академический Лермонтов.) Запланирована кооперация с соответствующими академическими институтами, которые готовили печатные издания. Были и другие планы, которые мы подробно описали: Горный записал ролик-сообщение с подробным рассказом о них и объявил краудфандинг на сайте «Планета». Цель была — собрать один миллион рублей. Нам казалось, что при двухмиллионной аудитории это не очень большая сумма, тем более что примеры сбора таких и даже бóльших средств на гуманитарные проекты были.

Кончилось это тем, что несмотря на наши призывы и призывы разных сочувствующих, ничего не получилось — а сочувствующие были. В частности, на меня произвела сильное впечатле-

ние фраза Галины Юзефович о том, что «РВБ как воздух — мы им дышим, но не думаем, откуда он берется». Эта фраза потом даже была вынесена в интервью Горного на сайте «Год литературы»[1]. В общем, удалось собрать только 10 % заявленной суммы. А поскольку мы неопытные собиратели краудфандинга, то даже эти деньги мы получить не смогли.

Р. Л. Что это значит?

И. П. По условиям «Планеты», надо собрать не менее 50 % от заявленной суммы, иначе деньги возвращаются дарителям. На самом деле мы совершили оплошность, потому что деньги не просто возвращаются, а дарители имеют возможность получить у «Планеты» деньги путем оформления разных сложных документов. У меня сложилось впечатление, что большая часть людей, которые дали какие-то небольшие суммы, просто махнет рукой на это, потому что затраты сил на оформление бумажек, сканирование их и отсылку для того, чтобы получить обратно свои пятьсот рублей, не оправданы. Я это точно знаю, потому что были жалобы от тех, кто хотел поддержать нас. В результате эти деньги распылились: частично остались на «Планете», частично вернулись к дарителям, потому что были и большие взносы. Что здесь можно было сделать? Можно было повести себя аккуратнее и объявить меньшую сумму, но тогда и то, что мы могли бы сделать, было бы менее планово разумным.

Может быть, эти рассуждения были ошибочны, но опыта у нас никакого не было, поэтому мы здесь проиграли дважды: не только не смогли набрать заявленную сумму, но и не смогли получить даже те 10 %, которые собрали. Теперь мы будем дальше думать, что делать и как жить. Может быть, это тот же принцип, который действует в научном мире в грантовой системе. Мы же знаем, что реальный научный проект — это предприятие многолетнее, а чаще десятилетнее, за три года его сделать невозможно, можно проработать, как максимум, один аспект или собрать готовые наработки. То есть ты стартуешь, к концу третьего года у тебя что-то начинает получаться, а дальше ты либо находишь средства для продолжения, либо всё замораживается. Реальность же такова, что никто многолетние проекты не поддерживает, а если можно получить поддержку, то она всегда очень ограничена по времени — от года до пяти лет, а дальше ты должен всё пере-

[1] Горный, Визель 2018.

формулировать, то есть не продолжать, а делать заново на имеющемся базисе.

Р. Л. Думаю, что надо связаться с теми людьми, которые успешно организовывали сборы для других проектов. У меня есть еще косвенное соображение о том, что ваши мысли о необходимости мобильных форматов просто не доходят до старшего поколения, которое в основном занимается распределением денежных средств.

И. П. Тем не менее уже 80 % пользователей интернета пользуются им с экранов мобильников.

Р. Л. А те 20 %, которые нет, — они как раз сидят в правлениях фондов... Пожалуйста, давай перечислим еще раз, для чего нужны деньги. Во-первых, приведение форматов в соответствии с новыми требованиями аудитории, причем аудитории демократической, не только для академических ученых, у них старые книги, в конце концов, на полке стоят. А вот когда я лектор, я демократический человек, мне в аудитории этот текст нужен. Вдруг мне в голову пришло, что я не все тексты на лекции имею под рукой, тогда я открываю РВБ или ФЭБ, но в первую очередь РВБ, потому что там разные издания «Библиотеки поэта» очень неплохо представлены, в том числе редкие, которые не во всякой библиотеке есть. Это первое. Второе — это вычитка и параллельное исправление ошибок, которые действительно есть, и мы знаем, что это проблема электронных репринтов, реально существующая.

И. П. Это же и плюс, потому что ошибки можно исправить в отличие от бумажного издания.

Р. Л. Да. Третье — это развитие библиотеки за счет наполнения новым контентом, то есть оцифровка того, чего не было.

И. П. Да, оцифровка или исправление существующих электронных копий. Иногда проще оцифровать заново, чем исправить то, что имеется, а иногда, наоборот, проще исправить то, что имеется, но недостаточно хорошо оцифровано, чем цифровать заново. Это добавление новых книг в библиотеку. Но в развитие входит еще и обновление средств подготовки новых изданий.

Для того чтобы библиотека пополнялась постоянно, у нее должен быть конвейер для подготовки информации и план дей-

ствий. Когда одна книга появляется в сети и становится доступной пользователю, какая-то десятая или пятнадцатая книга в это время только идет под сканер и у нее впереди весь этот процесс. Это значит, что деятельность обретет неспорадический характер; кроме того, любое массовое производство более эффективно, чем штучное. Если мы каждую книгу делаем новым молотком, то на поиски этого молотка и привыкание к нему уходит значительное количество сил и времени. Поэтому во всех библиотеках существует то, что можно назвать конвейерным производством. Его можно сделать более широким или более узким, но оно в любом случае масштабируемо. Это производство «заточено» не на одну книгу, а на много разных, причем с учетом их разнообразия, ибо мы не можем все книги делать одинаково. А поскольку меняется сам цифровой мир, и меняется он очень быстро, этот конвейер нельзя сделать раз и навсегда.

Одна из проблем электронных изданий такая: мы что-то сделали в самом новом формате, прошло немного времени, и этот формат устарел, его уже надо конвертировать. Если этого не делать, то наступает печальный момент, когда этот формат уже не читает никто и ничто. Действительно, во всем мире в разные периоды оцифровки бывало так, что уже собранная информация выбрасывалась в никуда и процесс начинался заново, потому что было проще с новыми средствами заново оцифровать.

Р. Л. Есть прекрасная история про то, как коллеги читали электронные материалы к конкордансам Томаса Шоу[1]. Это целый детектив про чтение старых носителей. Там были ленты с данными по русской поэзии[2]. Обращаясь к слушателям, я скажу, что не нужно думать, что завтра того же не случится с привычными нам форматами. Легко случится. Этот самый pdf много лет существовал сначала закрытым, потом открытым. За этим нужно следить всё время, как и за изменением

[1] Shaw 1974, 1975a, 1975b, 1985.

[2] Дэвид Дж. Бирнбаум и его коллеги из Питтсбургского университета получили из Пушкинского центра при Висконсинском университете в Мэдисоне кассеты, подготовленные основателем центра пушкинистом и стиховедом Дж. Томасом Шоу (1919–2011) для изучения поэзии Пушкина, Баратынского и Батюшкова на компьютере UNIVAC в период с 1969 по 1973 год, использовавшиеся в исследовательских целях до 1982 года, и с тех пор не обновлявшиеся. Часть данных с кассет удалось перевести в XML. См. https://sites.pitt.edu/~djbpitt/pushkin.html

технической среды. Когда мы переходим на другие экраны, нам нужны другие тексты.

И. П. Казалось бы, такая незначительная вещь — экран, но это часть общего процесса трансформации инфопространства. Мы не знаем, что из этого процесса через несколько лет станет решающим, причем настолько, что тем, что мы понаделали десять лет назад, уже невозможно будет пользоваться. Более того, мы не знаем, не появится ли что-то такое, что изменит мир так, что будет проще начать всё делать заново, чем переделывать старое. А это значит, что мы опять откатимся к ситуации, когда еще ничего не было. Нам кажется, что идет аккумуляция электронных текстов, но в ней довольно часто происходит откат назад, как с тем же pdf. Сейчас любой человек делает сканы, распознает их, выкладывает на сайты и распространяет через торрент, но мы же знаем, что большая часть этих файлов непригодна для профессиональной работы. Если вы хотите их взять и сделать из них что-то, то окажется, что их надо очень долго чистить и исправлять, а иногда проще отсканировать заново. Если условное начальство считало раньше, что интернет не нужен, то теперь оно считает, что там всё есть. Это очень частая фраза, которая звучит в ответ на то, что нужно готовить информацию. «В интернете же всё есть!» Это не так, потому что там есть, мягко говоря, далеко не всё. Если брать имеющиеся печатные тексты, не думаю, что даже 50 % имеется в электронной форме.

Р. Л. Конечно нет. Статистика по Google Books говорит об этом.

И. П. Можно ожидать, что тут тоже будет распределение 20 % на 80 %: «20 % людей выпивают 80 % пива». Примерно то же самое было при переходе из рукописной эпохи в эру Гутенберга. Отнюдь не все рукописи были напечатаны, процентов восемьдесят так и осталась в виде манускриптов, потому что появляется новый медиум, и люди начинают писать для него. То есть самоценная рукопись перестает существовать, а существующие начинают использоваться для совершенно иного процесса. Если у нас есть какой-нибудь напечатанный роман, то его рукопись часто является не текстом этого романа, а разными фрагментами разных редакций, которые исправлялись в другой рукописи, потом в гранках и верстке. Нет рукописного текста этого романа. Тексты стали порождаться в печатном виде. То же самое происходит и в постгутенберговскую эпоху: огромное количество текстов по-

рождается сразу в цифровом формате, поэтому ожидать, что всё книжное богатство будет переведено в электронный вид, наивно. Более того, чтобы эти 20–25%, которые нам нужны обязательно, появились и были всегда, а не исчезли вместе с очередным технологическим поворотом, тоже нужна большая и серьезная работа. Люди это редко понимают, поэтому мир держится на разных маленьких группах энтузиастов, которые своей деятельностью покрывают то, что интересно им, но чем больше таких энтузиастов, тем больше сфер оказывается покрыто. Однако энтузиаст энтузиасту тоже рознь: он бывает более профессиональный, а бывает менее. Кроме того, у отсутствия планирования есть свои плюсы, но есть и свои минусы — это вечный вопрос. Как лучше действовать: широким фронтом и планово или ризомно-горизонтально? Ясно, что нужно и то, и другое, но когда нет ни того, ни другого, то рано или поздно наступит стагнация.

Р. Л. В общем, нужны какие-то поддерживающие институты. Я своим студентам пытаюсь внушить, что не бывает «текста в интернете», бывает текст в РВБ, на ФЭБ, в НКРЯ. Я бы хотел здесь упомянуть всех сотрудников РВБ, чтобы люди понимали, кто еще стоит за проектом.

И. П. Один из основателей РВБ Владимир Литвинов, наш старый друг и соученик еще по Тартускому университету.

Р. Л. Восточная тартуская фракция ушла в РВБ. Уральская и восточнее.

И. П. У нас есть еще один сотрудник, который занимается как раз подготовкой средств и собственно подготовкой электронных изданий — это Шогди Нагиб Сурур[1]. Периодически в делах РВБ активно участвует Сергей Логичев. Ему принадлежат некоторые программные средства, с помощью которых в течение более чем десяти лет производилась разметка текстов на РВБ. Они могут использоваться для статистического анализа текста.

Р. Л. Мы не поговорили о проектах Литвинова, которые он делал на базе текстов, выложенных в РВБ. Статистика совершенно уникальная и незаменимая в ряде случаев.

[1] Шогди Нагиб Сурур (1962–2019) — программист, один из пионеров рунета, сын египетского поэта Нагиба Сурура.

И. П. Можно связать эти две темы. РВБ и ФЭБ задуманы как профессиональные библиотеки, но при этом рассчитаны одновременно на более широкую территорию, то есть на студентов, аспирантов и школьников.

Р. Л. Проекты типа поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка профессиональные.

И. П. Да, конечно. В этом, с одной стороны, сила, а с другой стороны, организационная слабость, потому что с точки зрения профессионального сообщества задача развития становится не научной, а технологической. А с точки зрения широкой аудитории, составляющей большую часть тех миллионов, которые приходят на сайты библиотек, такой задачи не существует, они просто не подозревают о ее существовании. Одна из причин неудач в обращениях к публике за помощью состоит в том, что непрофессиональная аудитория не понимает, что всё это не существует само по себе в космосе, что оно не выросло, как дерево. Даже дереву дождя может не хватать. И эта ризомная структура дает сбой, потому что ядерная аудитория, готовая поддерживать такие проекты, слишком малочисленна по отношению к более широкой публике. А библиотека по определению не может быть рассчитана только на профессионалов. Даже профильная библиотека всегда открывает свои двери для более широкой аудитории — сначала для аспирантов, а потом и для тех, кто просто интересуется темой. Это видно по библиотеке любого института, там всегда можно встретить заинтересованного школьника.

Беседа четвертая

Интернет и филология: портрет исследователя в интерьере эпохи

(«Горький», 2020)

Мария Нестеренко. Расскажите о вашем детстве: какие книги вы читали, кто руководил вашим чтением и насколько это было важно для вас?

Игорь Пильщиков. Я родился в Новосибирске. В детстве много болел, сидел дома, и одним из главных развлечений было чтение. Читал всё подряд, от романов до энциклопедий, в старших классах полюбил поэзию, которую раньше ненавидел, но идеи «изучать» литературу у меня не было, то есть филологом я тогда стать не хотел. У нас дома была большая библиотека, потому что родители очень любили книги, хотя оба были не гуманитариями, а военными инженерами.

Я не знал точно, куда хочу поступать. Учился я в очень хорошей школе: там отлично преподавали английский, физику и математику; были и специализированные физмат-классы, и специализированные английские классы. Поэтому я всегда колебался между «физиками и лириками» (как формулировали это противопоставление лет за десять до того, как я пошел в первый класс), между двумя полюсами, естественно-научным и гуманитарным. Окончив школу, я сперва решил поступать на истфак и поехал в университет подавать документы. А у Новосибирского университета была своя специфика — он подчинялся Сибирскому отделению Академии наук и вообще был (и остается) полноценной частью новосибирского Академгородка, который был заложен в конце 1950-х годов как один из будущих центров советской науки. Там знаменитые физфак и мехмат. Гуманитарные кафедры появились в университете не сразу, уделялось им несколько мень-

ше внимания, чем естественно-научным, и они были объединены не в «гуманитарные факультеты», а в один-единственный гуманитарный факультет, где историки и филологи учились вместе, хотя, конечно, была специализация по отделениям и кафедрам.

Когда я приехал сдавать документы в приемную комиссию, то увидел, что к историкам стоит большая очередь, а к филологам — они в той же комнате документы принимали — очередь маленькая. Я сдал документы на филологическое отделение. Проучился год, мне очень понравилось. И я решил, что я филолог. Но диплом филолога я в конце концов получил не в Новосибирском университете, а в Тартуском.

М. Н. Почему же вы тогда ушли из Новосибирского университета и выбрали Тарту?

И. П. Скорее не я ушел, а «меня ушли». Факультетскому партийному начальству не понравилось мое разнузданно-нонконформистское поведение. На «ленинском зачете» — было такое мероприятие — меня заклеймили как «антипода социалистического образа жизни» (смешно звучит, да?). Но из университета всё-таки не выгнали, позволили уйти самому. Шел 1985 год, весной умер Черненко, вскоре началась перестройка, после апрельского пленума 1985 года мы почувствовали какую-то свободу. Через год я уехал в Тарту — точно так же, как туда уезжали абитуриенты из других городов.

Хотя я поступил в Тартуский университет еще до того, как по центральному телевидению показали лотмановские «Беседы о русской культуре» и Лотман приобрел огромную популярность, став на какое-то время масскультовой фигурой, — он и так был знаменит на всю страну как историк литературы и семиотик. О том, что происходит в Тарту, филологическая молодежь знала, потому что туда поступали абитуриенты из других городов — и те, кто не мог рассчитывать на учебу в университете в Москве, Питере или Киеве из-за процветавшего там полуофициального антисемитизма, да и просто те, кто был настроен нонконформистски. В Тарту были и другие «землячества», не только из названных городов — например, была группа студентов из Челябинска (одним из челябинцев, окончивших в эти годы Тартуский университет, был основатель О.Г.И. и «Нового издательства» Евгений Пермяков).

Как это получалось? Обычно кто-то один узнавал о существовании такого университета в Эстонии и о том, что туда принима-

ют иногородних, ехал туда, поступал, вливался, так сказать, в студенческие ряды, а потом о тартуской жизни «по сарафанному радио» узнавали оставшиеся дома товарищи. Они тоже начинали читать тартуские «Семиотики»[1], книги Лотмана: «Анализ поэтического текста», комментарий к «Евгению Онегину», биографию Пушкина[2]. И приезжали в Тарту небольшими группами — поступать. Некоторые до отъезда успевали закончить несколько университетских курсов у себя дома. Так в конце 1980-х годов в Тарту образовалось небольшое новосибирское землячество.

М. Н. Кто еще входил в него?

И. П. Первым из Новосибирска, задолго до остальных, в Тарту уехал Анатолий Величко — ныне инженер-программист, поэт и переводчик (в эпоху «Живого Журнала» известный как lj-user a_v). За год до меня уехал Евгений Горный, в будущем один из первопроходцев русского литературного интернета. В 1986 году уехал я и, одновременно со мной, Вячеслав Попов. Впоследствии он долгое время работал литературным редактором, а в последние годы получил широкую известность как поэт, но мы-то знали его как поэта уже давно, еще с академгородковских времен.

Было еще несколько человек, расставшихся с Новосибирском, — кто по недоброй воле разных людей в университетской администрации, кто вдохновившись общим порывом. Я думаю, отъезд нам всем пошел во благо. И дело не только в Тартуском университете. В позднесоветский период Прибалтика была для приезжих из России аналогом Запада. О том, чтобы попасть за границу, мы тогда и мечтать еще не могли, но, когда мы впервые увидели центр Тарту с этими маленькими домиками по улице Рюйтли (Рыцарской — то есть Дворянской; а тогда она называлась «Улицей 21 июня» в честь просоветского госпереворота 1940 года), это произвело на нас умопомрачительное впечатление. Я испытал потрясение, после которого даже Западная и Южная Европа не поразили меня так, как они обычно

[1] «Труды по знаковым системам» с логотипом «Σημειωτική» на обложке выходили с 1964 по 1992 год как серия Ученых записок Тартуского университета (вып. 1–25). Открыла серию монография Ю. М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике» (Лотман 1964). Впоследствии издание обособилось и ныне выходит под названием «Sign Systems Studies» (1998–..., vol. 26–...).

[2] Лотман 1972, 1980, 1981.

поражали впервые туда попавшего советского человека. Первой страной, которую я увидел за пределами СССР в 1990 году, была Италия. Она была изумительна и грандиозна, но я не был шокирован: инициирующий культурный шок был уже пережит в Тарту.

М. Н. Кто у вас был научным руководителем?

И. П. Как правило, в те годы тартуские студенты, интересовавшиеся литературой XIX — начала XX века, разделялись на две группы, два мини-потока, которые записывались в соответствующие спецсеминары. Одни шли к Юрию Михайловичу Лотману на семинар, посвященный концу XVIII и началу XIX века, другие — к Заре Григорьевне Минц, на семинар, посвященный следующей «грани веков», концу XIX и началу XX. Доминировали эти два потока, хотя были и другие.

Я поступил в семинар Лотмана, это был последний или предпоследний семинар, который он вел. В перестроечные годы он стал подолгу бывать за границей, куда его до этого долго не выпускали[1], и через год после нашего поступления перестал принимать в семинар новых студентов, но оставался моим научным руководителем вплоть до диплома. Когда был готов текст моей дипломной работы о французских автопереводах и античных интертекстах у Баратынского, Лотман спросил меня: кого мы позовем в оппоненты — Вацуро (по французской части) или Гаспарова (по античной)? Я опешил и выбрал Гаспарова. За полгода перед этим его избрали в Академию наук, так что у меня была рецензия на дипломное сочинение, написанная и подписанная членом-корреспондентом АН СССР Михаилом Леоновичем Гаспаровым. Это ломало привычные иерархии.

М. Н. Потрясающе! А как вы остановили свой выбор на Баратынском?

И. П. В университете я долго не мог найти тему, которая бы меня полностью захватила. Сейчас мне это кажется странным, потому что темы придумываются сами собой, и я с радостью готов дарить их энтузиастам, если таковые найдутся, потому что на многое просто не хватает рук. Но тогда это было трудно: материал усваивался гораздо быстрее, чем сейчас, а идеи, связанные с постановкой проблемы и пониманием того, куда поведет

[1] В отсутствие Лотмана семинар вел Роман Лейбов.

исследование, из-за нехватки опыта приходили не сразу. Поэтому я пробовал разное.

Еще на втором-третьем курсе я занялся переводами Жуковского и Тютчева и наткнулся на очень интересную тему, открытую Юрием Николаевичем Тыняновым в работе о Тютчеве и Гейне[1], — многочисленные случаи фонетического перевода, когда поэт переводит не буквальный смысл, а звук оригинала. Есть целая линия в истории русского поэтического перевода, «Жуковский — Тютчев — Мандельштам»: переводчики вслушиваются в звучащий стих, и это звучание, с их точки зрения, передает глубинные смыслы адекватнее, чем пословный перевод. Потом я не раз возвращался к этой теме, да и сейчас продолжаю ею заниматься. Первая статья, которую я напечатал в 1991 году, была именно об этом[2], а самая свежая ее англоязычная версия опубликована совсем недавно в журнале «Studia Metrica et Poetica»[3] — это стиховедческий журнал, который выходит в издательстве Тартуского университета под редакцией Михаила Лотмана, Марии-Кристины Лотман и вашего покорного слуги. В студенческие времена я наткнулся на эту тему случайно и буквально на следующий год ее забросил, увлекся другими вещами. А когда нужно было браться за диплом, то почти наугад выбрал Баратынского.

О Баратынском пишут довольно много, но о его поэтическом языке — удивительно мало. Как говорил Григорий Осипович Винокур, «текстов Баратынского рука филолога до сих пор, можно сказать, почти совершенно не касалась», — и добавлял: «я нахожу это несправедливым по отношению к памяти одного из самых замечательных русских лириков»[4]. Кроме того, у Баратынского были автопереводы собственных стихотворений на французский язык — вещь малоисследованная. А меня всегда привлекало многоязычие в жизни и в литературе. Случай Баратынского, с одной стороны, типичен для его времени, для дворянской русско-французской культуры, а с другой — необычен, поскольку резко своеобычна поэтика Баратынского. Баратынский чужд той музыкальности, которая свойственна Жуковскому, он работал не с «музыкой стиха», а с интеллектуальными, квазифилософски-

[1] Тынянов [1922] 1977: 385.
[2] Пильщиков 1991.
[3] Pilshchikov 2016.
[4] Винокур [1944] 1990: 245.

ми построениями, с необычными смысловыми конструкциями, словосочетаниями, выбором слов.

У Гаспарова в «Записях и выписках» есть полусерьезное замечание про гибридность (идея, в свою очередь, восходит ко вполне серьезной идее Ярхо) [1]: каждого поэта Серебряного века можно описать как гибрид двух его литературных учителей [2]. Поэтов Золотого века тоже можно так описывать. Если Пушкин, как нам подсказал еще Белинский, — это «Жуковский плюс Батюшков», то Тютчев, например, — это «Державин плюс Жуковский», а Баратынский — это «Державин плюс Батюшков». Это совсем другая традиция, но это тоже билингвическая культура.

Сначала я зацепился за более-менее очевидное — автопереводы Баратынского, а потом заинтересовался и другими аспектами его поэтики. Но один из них был мне интересен с самого начала — это построение квазифилософского поэтического дискурса, благодаря которому Баратынский становится «метафизическим поэтом» в английском смысле этого термина. Неслучайно Бродский, много сделавший для того, чтобы перенести английскую метафизическую поэзию на русскую почву и абсорбировать ее в собственную поэтику, из поэтов Золотого века особенно ценил именно Баратынского и указывал на него, а не на Пушкина, как на свой главный стилистический ориентир [3]. А «Осень» Баратынского — не пушкинскую «Осень»! — считал своим главным жанровым ориентиром, текстом, задавшим в русской лирике особый жанр «большого стихотворения», к которому тяготел и сам Бродский [4].

Уже после окончания университета я написал статью о Бродском и Баратынском [5], но увлечение Бродским и его английскими источниками (Джон Донн и его школа), по-видимому, подспудно подтолкнуло и к внимательному чтению Баратынского. Вернувшись к изучению Баратынского в начале нынешнего столетия, я увидел нечто новое: что фоном для его поэтического языка была французско-русско-славянская языковая стихия, и у него часть

---

[1] Ярхо 2006: 262–264, 565–566, ср. 648.

[2] Гаспаров 2000а: 233.

[3] См. заметки о русских поэтах пушкинской поры (Бродский [1986] 2001) и слова о Баратынском в Нобелевской лекции, которая при этом озаглавлена цитатой из Баратынского (Бродский [1987] 2003: 46).

[4] См. Найман [1989] 1997: 37.

[5] Pilshchikov 1993.

архаизмов — это псевдоархаизмы, некоторые из них построены по французской модели, а маскируются под церковнославянскую. Некоторые обороты, оставшиеся гапаксами в русском поэтическом языке, на самом деле — кальки с французского[1]. Мы привычно противопоставляем раннего Баратынского — галломана, которого называл «маркизом» Пушкин (сам носивший в Лицее прозвище «Француз»), — и архаизирующего позднего Баратынского, но в сущности Баратынский до конца жизни оставался человеком смешанной («креализованной», как говорили тартуско-московские семиотики) франко-русской культуры.

Вообще все мы очень любили стихи. Мне представляется, что русская культура 1970-х и 1980-х годов — это культура преимущественно поэтическая, хотя, возможно, я преувеличиваю. В истории русской литературы есть периоды прозы и поэзии, а это был период, который иногда называют Бронзовым веком, сравнимым, с точки зрения господства поэзии, с Серебряным и Золотым веками, которые тоже были эпохами поэтическими. Символический триумф Бронзового века — Нобелевская премия Бродского. Поэзия, многоязычие, трансформация языка разговорного в поэтический — эти темы постепенно стали для меня главными. Потом мне стало интересно узнавать, как то, что изучаю я, до меня изучали другие. Хотелось разобраться: ведь было сказано много умного и интересного, но далеко не всё сегодня понятно, потому что изменился и язык науки, и характер научного мышления. Мы уже не можем читать ученых конца XIX — начала XX века без историко-научного комментария, требующего глубокого погружения в их интеллектуальную и языковую среду. Так я заинтересовался русской литературной теорией — прежде всего русским формализмом в разных его ипостасях.

М. Н. Раз уж вы заговорили про поэзию, то каких поэтов, современных вам, вы читали в Тарту? Что до вас долетало?

И. П. Первым увлечением, еще дотартуским, был Бродский, в те годы полузапрещенный. Когда я впервые его прочел, то был изумлен: неужели так можно писать по-русски? Ардисовские сборники[2] достать было трудно, и стихи Бродского распространялись в машинописных и даже рукописных копиях. Для меня

[1] Пильщиков 2004; Pilshchikov 2015.

[2] Сборники, выходившие в издательстве «Ardis» (Энн-Арбор, Мичиган, США).

и даже для тех, кто чуть младше меня, Бродский — еще не персонаж далекой истории, а старший современник. В 1992 году я успел увидеть и услышать его на поэтическом фестивале в уэльском городке, который называется Hay-on-Wye (это маленький город, в основном состоящий из букинистических магазинов). Из небольшой группы тартусцев, которых привезла в Hay-on-Wye биограф Бродского Валентина Полухина, под объектив вместе с поэтом попал я — точнее, часть меня: прядь волос, рукав куртки и книга, в которую Бродский вписывает инскрипт. Всё перечисленное сохранилось и может быть предъявлено любопытствующим. Теперь это фото опубликовано, в иконографии Бродского оно носит название «Иосиф Бродский подписывает книги во время фестиваля литературы и искусства в Хей-он-Уай в Уэльсе в 1991 году. В очереди — студенты Тартуского университета»[1]. Multaque pars mei vitabit Libitinam.

А в Тарту не только доходили тексты, но и приезжали сами поэты. Кроме того, можно было выбираться в Москву и Петербург (тогда еще Ленинград), чтобы с ними знакомиться. Ярчайшим событием был приезд в Тарту Пригова. Люди немосковские, в том числе я, не имели предварительного представления о Дмитрии Александровиче Пригове, это было чем-то абсолютно новым для нас, мы даже не знали, чего нам ждать. Будут это серьезные стихи, несерьезные стихи, как это вообще будет звучать?

М. Н. «Кикимора»?

И. П. Нет, «Кикимору» я увидел и услышал много позже, в середине 2000-х, когда мы одновременно с Приговым оказались в Пизанском университете. Помню, как Пригов, окончивший Строгановку, во время вечерней прогулки по Пизе показал мне, после какой секции начинает искривляться Пизанская башня (ее пытались выпрямить непосредственно в процессе возведения, поскольку «падать» она начала, еще не будучи достроенной). А тогда в Тарту он читал самое разное: только что, в 1988 году, вышла подборка стихов Пригова в журнале «Юность» — в разделе «Испытательный стенд» («Счастье, счастье, где ты? где ты?» и еще несколько текстов)[2]. На советской бумаге, без ассоциаций со всем своим концептуальным и концептуалистским фоном они

[1] Бродский 2000: иллюстрации на вклейке между с. 352 и 353 (и последующие издания).

[2] Пригов 1988.

смотрелись очень странно, и было непонятно, что это вообще такое, — не хватало контекста.

Замечу, что первая поэма Тимура Кибирова «Лесная школа» и его «Послание к Л. С. Рубинштейну», напечатанные в 1989 году рижской газете «Атмода»[1], напротив, сразу произвели сильнейшее впечатление: при первом знакомстве постмодернистский псевдотрадиционализм Кибирова кажется более доступным, чем неоавангардизм Пригова. Тем более, что Пригов — из тех поэтов, которые не существуют вне собственной интонации. Есть поэты, у которых поэтические тексты неотделимы от индивидуальной интонации, то есть исполнять их по-другому, не по-авторски, просто невозможно — таков, например, Высоцкий, таков же и Пригов. А есть поэты, которые, наоборот, отделяют свои тексты от личной интонации, как, например, Блок, который читал свои стихи максимально неэкспрессивно, чтобы текст стоял сам за себя, а не служил средством самовыражения для исполнителя (поэтому мы теперь любим слушать старые записи стихов Блока в эффектном исполнении Багрицкого, а не самого автора; хотя, наверное, кто как).

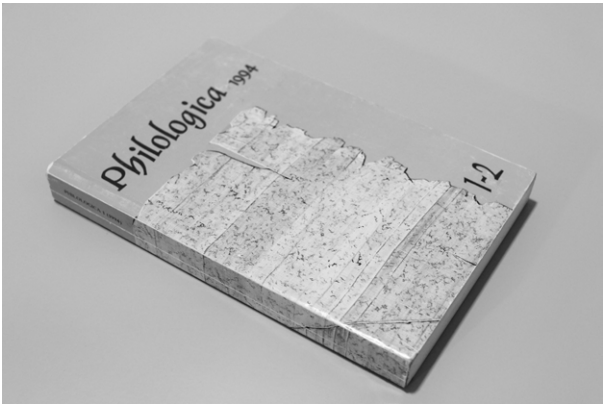
И вот что Пригов смог сделать. Он сумел за первые минуты своего выступления воссоздать для тех, кто еще ничего о нем не знал, нужную атмосферу и минимально необходимый контекст. Я помню, как зал сначала слушал напряженно, потом аудитория расшевелилась, кто-то первым расхохотался, и пошло-поехало. Первое отделение закончилось на ура «Большой крокодилой», которая «по улицам слона водила». Потом Пригов гулял по Тарту со студентами, мы говорили о его поэтике — о столкновении дискурсов, о сериализации текста. Какие-то вещи, которые сейчас совершенно очевидны, тогда приходили в голову внезапно и, по крайней мере, казались неожиданными. Помню, я сказал тогда, что он пишет не отдельными стихотворениями, а книжками — это традиция модернистская: вот и Блок пишет циклами, которые складываются в книги, а книги в тома, многие тексты без этой циклизации не имеют смысла, какие-то стихи вне цикла он просто не стал бы печатать. Наверняка Пригов знал это и без меня, но, когда я об этом говорил, это были мысли вслух, пришедшие на ходу. А в 1990-е годы, когда мы время от времени виделись с Дмитрием Александровичем в Москве, вопрос о сериализации приобрел, так сказать, новую актуальность.

[1] Кибиров 1989a, 1989b.

Тут мне понадобится биографическое отступление. В 1991 году я уехал по программе межуниверситетского обмена из Тарту в Англию и провел четыре года в Килском университете, где работал Британский нео-формалистический кружок под руководством Джо Эндрю и Криса Пайка. Это были ученики Энн Шукман, переводчицы работ Лотмана, выпускники Оксфордского университета; их учителя переводили на английский работы русских формалистов и структуралистов — была в Оксфорде такая замечательная серия «Russian Poetics in Translation». Нео-формалистический кружок переместился в Кил, там они издавали и продолжают издавать журнал «Essays in Poetics», где я тоже печатался. Там же работала Валентина Полухина, и к этому времени относится поездка в Хэй-он-Уай. Но в России в середине 1990-х происходило много чего нового и интересного, а еще больше ожидалось и предвкушалось, и я уехал из Англии в Москву.

Еще до отъезда в Англию я познакомился с Максимом Ильичом Шапиром, и мы осуществили его давнюю мечту — начали издавать собственный филологический журнал. Первый том двуязычного журнала по русской и теоретической филологии «Philologica» был готов к печати зимой 1994/95 года. А на презентацию второго тома «Филологики» в московском музее Вадима Сидура в 1996 году были приглашены не только филологи, но и поэты. Был Рубинштейн, был Пригов. И когда Пригов заговорил о своем проекте по написанию 24 000 стихов к началу нового тысячелетия (24 тысячи — по образцу 24 песен «Илиады» и «Одиссеи»), Шапир предложил «встречный проект»: если неоавангардный поэт может написать такое количество стихов, то у него должен быть и читатель, способный всё это прочесть. Предложение-вызов прочесть все эти тексты — тоже, разумеется, до конца тысячелетия — само по себе было неоавангардным жестом. (Я говорю о «неоавангарде», чтобы отличать современные явления от «исторического авангарда». Впрочем, «современное» буквально на глазах становится историческим.) После презентации Шапир регулярно приходил к Пригову домой и читал все его стихи подряд в хронологическом порядке. Результатом этих штудий стала статья Шапира «О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)», содержащая разбор раннего стихотворения Пригова «Широка страна моя родная» (1974) и далекоидущие выводы о природе свободного стиха[1].

[1] Шапир 1999/2000; 2015: 237–256.

Первый том журнала «Philologica» (1994)

М. Н. Вы начали издавать журнал и оказались в аспирантуре Московского университета…

И. П. Я закончил Тартуский университет, поступил в магистратуру, но уехал в Англию. Тартускую магистратуру я закончил, но защищаться не стал. В Англии я поступил в аспирантуру, но там тоже защищаться не стал. В середине 1995 года я оказался в Москве — с разнообразными филологическими интересами, но без степени. Я поступил в аспирантуру Московского университета, где моим научным руководителем стал Александр Анатольевич Илюшин, с которым меня познакомил Шапир. Илюшин — еще один мой старший современник, которого я высоко ценю как поэта.

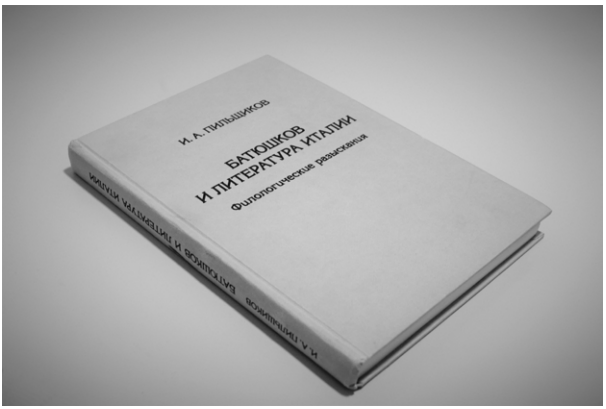
М. Н. Недавно вышла книга его стихов.

И. П. Да, она была представлена на недавних Илюшинских чтениях в МГУ, я тоже в них участвовал. Книга примечательна, в частности, тем, что в ней впервые под именем подлинного автора напечатана главная илюшинская литературная мистификация — стихотворения, приписанные поэту-декабристу Гавриилу Батенькову (раздел «Мнимый Батеньков») [1].

М. Н. Чем вы занимались как исследователь у Илюшина?

И. П. Темой, которая незадолго до этого возникла, как у меня часто бывало, довольно неожиданно. В последние советские годы

[1] Илюшин 2020: 354–378.

И. А. Пильщиков, «Батюшков и литература Италии» (2003)

у тартуской кафедры стали устанавливаться связи с иностранными университетами — один, Килский, я уже упомянул, другим был университет города Бергамо в Италии. Это и был первый город, который я увидел за границей. Там я дважды побывал по программе студенческого обмена и за две поездки выучил на летних курсах итальянский язык. Но поначалу итальянский находился для меня вне сферы собственно филологических интересов, у меня не было никаких исследований, связанных с итальянским языком и литературой.

М. Н. А как же «Батюшков и литература Италии»[1]?

И. П. Вот, рассказываю. Уже после Италии, в Англии, выясняя для себя генезис поэтики Баратынского, я заинтересовался Батюшковым. В это время в Кил на полгода в качестве поэта-резидента была приглашена Ольга Александровна Седакова. Ее любовь к итальянской культуре хорошо известна. Она очень удивилась, что я интересуюсь Батюшковым и, зная при этом итальянский, совершенно не занимаюсь батюшковской италоманией, которая тоже общеизвестна, но практически не исследована. Между тем легендарный итальянский русист Витторио Страда собирался издавать по-итальянски сборник «Русские в Италии», и Седакова предложила ему заказать мне для этого сборника статью о Батюшкове. Статья вышла, когда я поступал в аспирантуру МГУ и мне нужно было выбрать тему для кандидатской диссер-

[1] Пильщиков 2003.

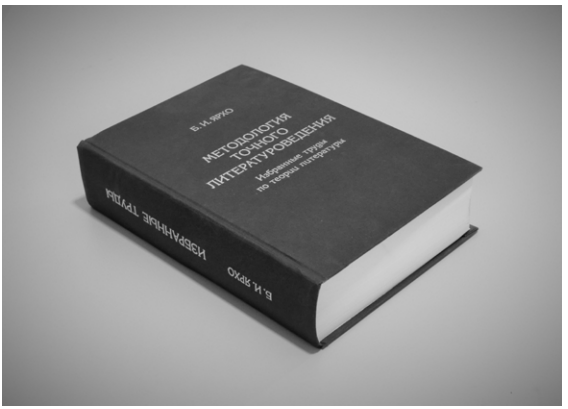
тации[1]. А потом из диссертации я сделал книгу. Некоторые темы долго прорастают — если воспользоваться растительной метафорой, а если воспользоваться гастрономической — долго маринуются. У меня такое очень часто бывает: меня захватывают какие-то темы, но они долго маринуются, периодически я к ним возвращаюсь и в конце концов получается что-то, на мой взгляд, интересное. Между статьей о Батюшкове и литературе Италии и книгой под этим заглавием прошло 10 лет.

М. Н. Я подступаюсь к формалистам и удивительному то́му Ярхо[2], которого вы подготовили вместе с Мариной Акимовой и Максимом Шапиром.

И. П. Общий замысел издания принадлежал Шапиру — он, кажется, первым после Гаспарова «заболел» Московским лингвистическим кружком (МЛК) и работами Бориса Исааковича Ярхо. В Тарту интерес к МЛК был невелик по сравнению с интересом к Опоязу, хотя первая работа Гаспарова о Ярхо и первые фрагменты из «Методологии точного литературоведения» были напечатаны в 1969 году в тартуской «Семиотике»[3], а в знаменитую тартускую хрестоматию по теории литературы, составленную Игорем Аполлониевичем Черновым[4], вошли и отрывки из работ Ярхо. В известной статье Бориса Андреевича Успенского, посвященной генезису московско-тартуской школы, об этой школе говорится как о синтезе московской лингвистики и петербургского литературоведения[5]. Под петербургским литературоведением имелись в виду работы опоязовцев, в первую очередь Тынянова, и работы Григория Александровича Гуковского, в первую очередь ранние, 1920-х годов. Под московской лингвистикой подразумевался новый московский структурализм, который был связан с МЛК лишь опосредовано: например, научным руководителем Вячеслава Всеволодовича Иванова был Михаил Николаевич Петерсон, второй председатель МЛК.

Когда я познакомился с Шапиром, он уже открыл множество неизвестных страниц в истории МЛК. Вернее, даже не страниц, а архивных листов. В 1990 году 27-летний Шапир издал том ра-

[1] Pilshchikov 1995.
[2] Ярхо 2006.
[3] Гаспаров 1969; Ярхо 1969.
[4] Чернов 1976.
[5] Успенский 1987.

Б. И. Ярхо, «Методология точного литературоведения» (2006)

бот Винокура по лингвистической поэтике с обширным историко-научным комментарием[1], взяв за образец знаменитый том Тынянова, подготовленный Евгением Абрамовичем Тоддесом, Александром Павловичем Чудаковым и Мариэттой Омаровной Чудаковой («Поэтика. История литературы. Кино»[2]). Винокур был первым секретарем и предпоследним председателем МЛК. В 1992 году Шапир работал в библиотеке Массачусетского технологического института (MIT) — в архиве Романа Осиповича Якобсона, члена-учредителя и первого председателя МЛК. Неопубликованная статья Якобсона о Московском лингвистическом кружке была потом напечатана в «Филологике»[3]. Шапир не только «переоткрыл» Винокура, но и разыскал — и начал публиковать — работы Максима Максимовича Кенигсберга, рано умершего любимого ученика Густава Шпета. По своим установкам Шпет и Кенигсберг были максимально далеки от установок кружковцев-эмпириков — Якобсона, Ярхо, Бориса Викторовича Томашевского. Раскол между эмпириками и феноменологами-шпетианцами привел к распаду кружка. Благодаря работам Шапира и беседам с ним я смог оценить разнообразие интересов МЛК: от феноменологической поэтики Кенигсберга до квантитативной поэтики Ярхо. В первом томе «Филологики» Шапир на-

[1] Винокур 1990.
[2] Тынянов 1977.
[3] Якобсон [1977] 1996.

печатал большую работу Кенигсберга «Анализ понятия “стих”»[1], а для следующих томов Марина Акимова подготовила две работы Ярхо по синхронному и диахронному анализу жанров[2]. После этого мы смогли подступиться к «Методологии точного литературоведения», которая так и оставалась до того времени ненапечатанной. Том с «Методологией», двумя работами по теории жанров, библиографией и комментариями вышел весной 2006 года. Он был посвящен памяти Гаспарова, который успел увидеть часть верстки этой книги, но не дожил до ее выхода. А в августе того же года умер Шапир — совсем молодым, в возрасте неполных 44 лет.

Ярхо с его квантитативным подходом к разным аспектам и областям художественной формы оказался созвучен тому новому, о чем мы раньше и не думали, а именно тому, что сейчас называется Digital Humanities. В 2019 году вышел спецвыпуск «Журнала по литературной теории» («Journal of Literary Theory»), подготовленный энтузиастами Digital Humanities Франком Фишером и Борисом Ореховым при участии Марины Акимовой. В спецвыпуск вошли английские переводы статей Ярхо, Гаспарова и Шапира, а редакторское предисловие, озаглавленное «Data-Driven Formalism»[3], намечает непосредственную связь между тремя поколениями московского формализма и постформализма, с одной стороны, и Digital Humanities, с другой. Для меня самого эти области долгое время не связывались друг с другом напрямую, хотя я одновременно занимался и тем, и другим. Отдельно были филологические штудии по истории литературы, истории поэтического языка и по истории самой филологии, отдельно — эксперименты с литературой, филологией и текстологией в только что появившемся интернете.

В декабре 1999 года открылась РВБ, по поводу которой Роман Лейбов недавно заметил, что РВБ — это проект тартуских выпускников[4], а через три года — ФЭБ. В общем, это были такие параллельные сюжеты — полдня я занимался филологическими исследованиями, полдня — электронными библиотеками. Или день — одним, день — другим. Поначалу у меня не было мыслей о том, что эти задачи складываются в какой-то единый паззл. А сейчас я каждый год читаю в UCLA (Калифорнийский университет

[1] Кенигсберг 1994.
[2] Ярхо 1997, 1999/2000.
[3] Fischer, Akimova, Orekhov 2019.
[4] См. с. 60 наст. изд.

в Лос-Анджелесе) курс, в котором рассказываю о том, что Ярхо был прямым предшественником современных Digital Humanities, и о том, что Digital Humanities — это не только квантитативные методы исследования, но и способы, и инструменты их осуществления, то есть автоматизация рутинных исследовательских процедур и визуализация их результатов. Однако эта связка возникла у меня постфактум.

М. Н. Вы можете подробнее рассказать о Digital Humanities?

И. П. Сам термин появился в середине 2000-х годов, гораздо позже, чем многие гуманитарные интернет-проекты. В 2004 году он был использован в названии антологии «A Companion to Digital Humanities»[1], а в следующем году — в названии альянса организаций «Alliance of Digital Humanities Organizations» (ADHO), который с 2006 года проводит ежегодные конференции «Digital Humanities»[2].

Хотя подходящего термина не было, было другое — оживление разных сфер научной и технологической деятельности, которое произошло благодаря тому, что компьютеры стали доступны всем и появилась всемирная сеть, которая их связывает. Полузабытые и отодвинутые на интеллектуальную периферию вопросы использования компьютера для изучения художественных текстов и математизации гуманитарного знания вновь стали актуальными. После Sturm-und-Drang'а 1960-х годов и постструктуралистской реакции на структуралистский сциентизм наступило разочарование в возможностях применения точных методов в гуманитарных науках, которое достигло апогея в 1990-е. Интерес к квантитативной поэтике долго оставался периферийным, а увлечение Гаспарова и Шапира работами Ярхо многими воспринималось как чудачество, желание продемонстрировать знакомство с чем-то немейнстримным. Однако новая среда, получившая условное название электронной или цифровой, перевернула отношение ко всем этим вещам. Из периферии они вновь переместились в центр, прямо-таки по тыняновской эволюционной модели[3]. К тому же у нас уже была компьютерная лингвистика — значит, рано или поздно должна была появиться и компьютерная поэтика.

---

[1] Schreibman, Siemens, Unsworth 2004.

[2] https://adho.org/conference (сама конференция проводилась и раньше, но получила новое название только в 2006 году).

[3] Тынянов [1924] 1977: 257–258.

М. Н. Что-то уже удалось сделать в этой сфере?

И. П. Что-то удалось, но всё же во многих отношениях компьютерное стиховедение и компьютерное литературоведение находятся в положении отстающих и догоняющих. Если в 1930-е годы, в эпоху пражского структурализма, лингвистическая и поэтологическая мысль шли «рука об руку» и даже «нос в нос» (вспомним работы Романа Осиповича Якобсона, Николая Сергеевича Трубецкого и других членов Пражского лингвистического кружка), то к началу XXI века мысль теоретико-литературная безнадежно отстала от лингвистической хотя бы в том смысле, что мы не можем пользоваться всеми современными лингвистическими методами с той же легкостью, с которой первое поколение струтуралистов-поэтологов пользовалось современным им лингвистическим инструментарием. Эту мысль в последнее время не раз высказывал лингвист Дмитрий Сичинава, и я с ним полностью согласен, то есть с прискорбием вынужден согласиться.

Отставание отчасти перенеслось и в электронную сферу, но, как всякое отставание, оно не абсолютно. Кое-что мы всё-таки умеем делать не хуже, а то и лучше, чем лингвисты, — я говорю о работе с текстами и культурными контекстами. Всё, что связано с проблемами компьютерной текстологии, то есть переводом традиционной печатной формы в электронную, с трансформацией гутенберговской культуры в постгутенберговскую, — это, конечно, дело рук тех филологов, которые заинтересованы в том, чтобы в новой электронной среде развивалась полноценная филологическая жизнь.

Лингвистические корпуса обслуживают далеко не все гуманитарные задачи, а электронные библиотеки — далеко не все лингвистические. Однако уже давно началось движение этих типов ресурсов навстречу друг другу. Лингвистические корпуса стали включать подкорпусы поэтических текстов, специфицированных с точки зрения их стиховой структуры[1]. Лингвисты начали строить корпуса параллельных текстов[2] с целью контрастивного изучения

[1] Поэтический подкорпус НКРЯ, Башкирский поэтический корпус, Корпус чешского стиха, Персидский поэтический корпус (см. указатель на с. 187–188 наст. изд.).

[2] См., например, группу параллельных корпусов НКРЯ и параллельные корпусы переводов, созданные Борисом Ореховым (по «Слову о полку Игореве», «Поэтике» Аристотеля, русским и французским поэтическим

сопоставляемых языков, а потом и самих проблем перевода, в том числе художественного, — эти задачи близки к филологическим. И наоборот: электронные библиотеки стали инкорпорировать элементы лингвистических корпусов — в первую очередь параллельных и поэтических.

Так что же такое Digital Humanities? Это зонтичный термин для обозначения целого ряда дисциплин, связанных с компьютерами, интернетом и гуманитарными науками. Возьмем определение, которое дает программа Digital Humanities Стэнфордского университета. Помимо того, что Стэнфорд — один из признанных университетов-лидеров, это то место, где уже десять лет функционирует Стэнфордская литературная лаборатория, основанная Франко Моретти. Вот стэнфордское определение: «Digital Humanities — это набор практик и подходов, сочетающих использование компьютерных методов с постановкой гуманитарных проблем»[1]. Получается так: постановка проблем — старая, гуманитарная, а средства — новые, компьютерные. Но, по всей видимости, это только первый шаг в развитии Digital Humanities. Следующий шаг — переход от использования новых средств для решения старых задач к ситуации, когда сами задачи ставятся по-новому.

Далее, объектом Digital Humanities становится новая интернет-культура и весь комплекс отношений между интернет-культурой и «гутенберговской культурой». Выходит, что Digital Humanities — это «зонтик», покрывающий всё пространство «цифры»: от «цифры» в смысле формализованного, математизированного исследования разных гуманитарных объектов и средств, с помощью которых исследование проводится, — а это уже не бумага и ручка, но интернет и компьютер, — до изучения «цифровых» сообществ и культур, возникших в процессе этого развития.

М. Н. Расскажите о вашем новом проекте по сравнительной поэтике и сравнительному литературоведению.

И. П. В этом проекте соединились едва ли не все мои интересы, о которых мы сегодня говорили. Это информационная си-

текстам первой трети XIX в.). Существует большое количество параллельных корпусов переводов Библии.

[1] «The Digital Humanities are a collection of practices and approaches combining computational methods with humanistic inquiry» (https://digitalhumanities.stanford.edu/about-dh-stanford).

стема по переводной поэзии и литературной компаративистике. Меня и моих коллег интересует прежде всего поэтический перевод, но это наш личный интерес, можно было бы делать такой же проект по переводной прозе. Другая проблема, которая очень меня занимает, — это возможность подступиться к формализации литературной теории, к систематическому описанию ее терминов и понятий. Еще одна проблема — как преодолеть недостаточность лингвистических корпусов и электронных библиотек для решения филологических задач: лингвистические корпуса недостаточно филологичны, а электронные библиотеки недостаточно лингвистичны.

Приняв всё это во внимание, мы с коллегами начали работать над проектом, который получил название «Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение» (СПСЛ). В проекте сотрудничают две команды — филологи из Института мировой культуры МГУ, который основал Вячеслав Всеволодович Иванов (здесь тоже прослеживается пунктирная связь с московско-тартуский школой), и команда ФЭБ, которая продолжает работать в сфере электронных библиотек и информационного поиска. Кроме того, помогают приглашенные исследователи. «Со стороны филологов» в проекте участвуют Вера Полилова, Анастасия Белоусова, Андрей Добрицын, Марина Акимова, Ксения Трунина (называю не всех), «со стороны технологов» — Константин Вигурский, Сергей Трифонов, Алексей Поляков, Роман Кокшаров, Дмитрий Блау (тоже называю не всех).

Проект ФЭБ был законсервирован несколько лет назад — последнее обновление датировано 31 декабря 2015 года. Тем не менее, мы продолжали думать над тем, как развивать и пополнять библиотеку дальше, придумали много нового — в частности, коллеги разработали новые методы совмещения факсимильного и текстового представления произведений, что сейчас технологически возможно и филологически необходимо. Хотя всё это не было применено к ФЭБ, многие идеи теперь реализованы в библиотечной подсистеме нового проекта. Новая информационная система состоит из четырех подсистем, и библиотечная подсистема — это то, что первоначально задумывалось как «ФЭБ 2.0», а стало «СПСЛ 1.0». Разница лишь в том, что ФЭБ посвящен русской литературе, а СПСЛ — сравнительному стиховедению, поэтике и литературоведению.

Следующая идея заключается в том, что некоторые тексты из тех, что представлены в библиотеке, а именно переводы

и оригиналы, должны составить параллельный корпус. При этом корпус должен быть ориентирован не на лингвистические, а на филологические задачи. Нас в первую очередь интересует не соответствия между словами и словосочетаниями (хотя, надеюсь, до этого мы тоже дойдем), а соотношения между текстами, то есть те кластерные взаимоотношения, в которые вступают переводные и оригинальные тексты. Известен парадокс теории перевода: оригинал один — а переводов много. Как может быть множественное эквивалентно единичному?[1] Если мы построим модель их отношений, то она не будет выглядеть как один текст (перевод), «параллельный» другому (оригиналу). Это, скорее, пучок: от оригинала во все стороны расходятся лучи, и набор таких лучей тоже интересно устроен. Мало того, что переводов много, не каждый перевод независим: бывают переводы-посредники — когда переводчик переводит не прямо с оригинала. Такой посредник может быть на том же языке, что перевод, а может быть на третьем языке по отношению к оригиналу и переводу. Помимо отношений между оригиналом, переводами и переводами-посредниками, есть еще отношения между оригиналом и текстами, которые легли в его основу. Например, стихотворный оригинал поэтического перевода может пересказывать какую-нибудь древнюю прозаическую басню — и этот протоисточник тоже включается в систему. Возникают пересекающиеся цепочки, которые мы назвали кластерами, или пучками, и стали их визуализировать в виде списков и графов.

Библиотеку и корпус мы дополнили еще двумя подсистемами. Одна их них — это энциклопедия, содержащая информацию об авторах текстов. Во-первых, энциклопедия — это место, где эксплицирована база данных авторов, которая нужна для того чтобы формально отождествлять одного и того же автора в разных произведениях. Во-вторых, нас интересуют дополнительные биобиблиографические сведения об авторе — ведь это реальная историческая личность, а не просто формальный ярлык, объединяющий группу произведений, и эта личность обладает некоторыми свойствами, релевантными для понимания созданных ею произведений. Последняя подсистема — это тезаурус, включающий в себя литературоведческие термины, — как те, которые мы сами используем в метаданных произведений и поисковых параметрах (метр, рифма, клаузула и т.д.), так и — шире — все тер-

[1] Торор 2008: 255.

Главная страница СПСЛ

мины, которыми пользуются авторы исследований по стиховедению и сравнительному литературоведению. Некоторые из этих исследований уже попали в библиотеку, другие могут быть включены в будущем. Глоссарий терминов, структурированный так, чтобы в нем отражались логические связи между понятиями, которые выражают эти термины, называется тезаурусом.

Итак, в информационной системе СПСЛ имеются Корпус, Библиотека, Энциклопедия и Тезаурус. Каждая из четырех подсистем выполняет определенную функцию. Но «фишка» даже не в этом, а в том, что все подсистемы плотно связаны друг с другом. В основе интернета лежит более старая, чем World Wide Web, идея *гипертекста*, которая возникла еще в 1960-е годы прошлого века. Гипертекст — это текст, в котором объединены и связаны между собой разные тексты. Традиционная печатная книга — в сущности, тоже гипертекст или, по крайней мере, «протогипертекст». Когда вы листаете академическое издание, вы видите там текст, его варианты, комментарии к этому тексту, сопроводительные статьи, вы всё время переходите по ссылкам от одного фрагменту к другому. Когда в 1960-е годы возникла идея электронных текстов и связей между ними, предполагалось, что такие связи должны быть реализованы с помощью новых технических средств, чтобы переход стал частью электронной книги, а не операцией, которую мы проделываем вне книжного пространства. Нам больше не нужно держать в голове, что именно мы хотели посмотреть, не нужно думать о том, куда мы хотим перейти, мы просто нажимаем на кнопку и попадаем в другое ме-

сто. Правда, когда вы щелкаете по ссылке, вы имеете очень приблизительное представление о том, куда она вас приведет.

Что изменилось в концепции гипертекста за последние десять лет? Появилась мысль, что гипертекст может быть не просто системой связей, — он может быть системой связей, имеющих определенный смысл, определенную семантику. Появилась идея семантической сети, Semantic Web[1], то есть такого гипертекста, в котором каждая ссылка не просто представляет собой отсылку от одного текста к другому, а отсылку, которая открыто объявляет, чем она сама является. В основе гипертекста, связывающего четыре наших подсистемы, положена идея о том, что эти связи должны быть сопряжены с конкретной семантикой. Внутри системы все связи определены и эксплицитно обозначены: мы сразу видим, что одна связь, по которой мы хотим перейти, есть связь между оригиналом и переводом, другая связь — это связь между текстом и комментарием, третья — между исследованием и текстами, которые в нем исследуются, и так далее. Пока что эти связи описаны по небольшому числу параметров, но их смысл эксплицирован. В этом большой потенциал, за этим будущее.

[1] См. Gronas, Orekhov 2018.

Беседа пятая

Библиотеки цифровые и бумажные двадцать лет спустя

(«Logos Review of Books», 2020)

Михаил Маяцкий. Здравствуйте, Игорь! Как говорится, вас не нужно представлять читающей публике. Но мы это всё же коротко сделаем. Вы…

Игорь Пильщиков. Как известно, Роман Якобсон отвечал на этот вопрос: «Я русский филолог. И точка». Хочется ответить так же. А если чуть подробнее, то, выражаясь казенным языком, у меня две главных «сферы деятельности»: научно-преподавательская и научно-редакторская.

В первой сфере — две «гемисферы»: собственно научная работа (исследования в области русской поэзии, сравнительного литературоведения, стиховедения, истории гуманитарных наук) и университетское преподавание (я профессор русской литературы в UCLA, где читаю также один из курсов по Digital Humanities).

Во второй сфере тоже две половинки: редактура профессиональных журналов и сборников (в частности, я соредактор англоязычного стиховедческого журнала «Studia Metrica et Poetica», который выходит в Эстонии в издательстве Тартуского университета) и разработка-создание-ведение информационных систем (электронных библиотек) по литературе и литературоведению.

М. М. Вашему детищу, ФЭБу, скоро двадцать лет. Какие уроки можно извлечь по итогам этих двух первых десятилетий? Что бы вы сделали иначе?

И. П. Конечно, ФЭБ — детище коллективное, а не только мое, так же как и два других больших проекта, в которых я участвую, — РВБ и СПСЛ. Русская виртуальная библиотека открылась в дека-

Обложка первого выпуска журнала «Studia Metrica et Poetica» (2014)

бре 1999 года, Информационная система «Сравнительное литературоведение и сравнительная поэтика» — в декабре 2019 года[1]. Их действительно разделяет двадцать лет, для нового цифрового мира — большой срок. ФЭБ открылся в 2002 году, но работа над ним началась на несколько лет раньше. В университеты уже поступили студенты-русисты, которые родились после того, как были запущены РВБ и ФЭБ. Они удивляются, что кто-то из живущих сделал это своими руками, для них эти библиотеки были «всегда».

Какие уроки? Не думаю, что если б мы (я и мои коллеги) вернулись на двадцать лет назад, то сделали бы что-то по-другому. Не потому, что это было сделано идеально, нет, а просто потому, что иначе это были бы не мы, а какие-то другие люди. По ходу дела что-то хотелось переделать — и переделывалось. Если накопленный опыт не удавалось реализовать в том же проекте, то мы пытались, хотя бы частично, использовать его в следующем.

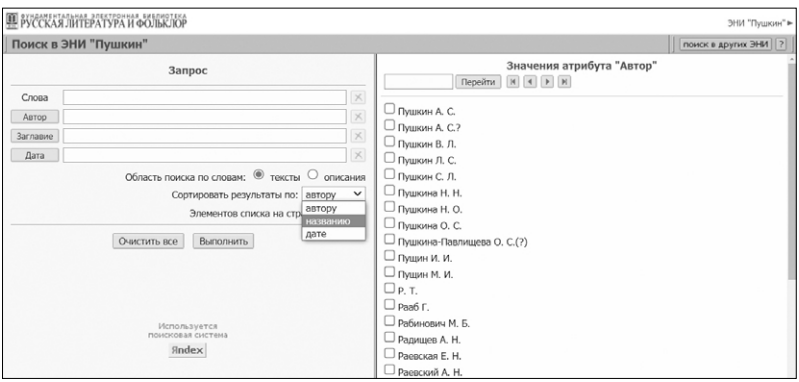
Например, сайт ФЭБ так и не был переработан с использованием новой технологии, соединяющей текстовый поиск и демонстрацию факсимильного изображения печатного текста. Но такая технология, первоначально разработанная для ФЭБ, теперь используется в СПСЛ (это совместный проект команды ФЭБ и Института мировой культуры МГУ). ФЭБ и РВБ оказались очень громоздки для маленьких экранов: двадцать и даже десять лет назад никто и предположить не мог, что 80 % интернет-трафи-

[1] См. Полилова, Пильщиков 2019.

ка будет идти не со стационарных компьютеров и даже не с ноутбуков, а с телефонов. Сейчас РВБ обретает новый респонсивный дизайн — тексты стало удобно читать с любого девайса (практически переделка осуществляется силами одного человека — Евгения Горного, одного из первопроходцев отечественного «электробиблиотекостроения», без какой-либо спонсорской поддержки). ФЭБ не переделывается: по ряду причин проект был заморожен в 2016 году; пользоваться библиотекой по-прежнему можно, но она не развивается технологически и не наполняется новыми изданиями. Однако опыт был учтен: СПСЛ с самого начала делается в расчете на разные экраны и клавиатуры.

М. М. Были ли при создании ФЭБ совершены стратегические ошибки (или приняты неверные стратегические решения)?

И. П. Не знаю, можно ли это считать ошибками, но осталось много задач, которые так и не удалось решить — вполне вероятно из-за того, что задача была с самого начала поставлена не вполне корректно. Не удалось, например, создать полноценный общий поиск по всей библиотеке. Фактически ФЭБ — это не одна информационная система, а несколько десятков, сделанных по общему лекалу и доступных с одной главной страницы. Каждое «электронное научное издание» (ЭНИ) в ФЭБ — это автономная информационная система с собственным автономным поиском. Вероятно, нужно было с самого начала выстраивать общую по-

Страница поиска в ЭНИ «Пушкин» (ФЭБ)

исковую систему, а не надеяться, что впоследствии удастся интегрировать несколько десятков в одну.

Не удалось сделать из словарных и энциклопедических электронных изданий специальный инструмент, которым можно было бы пользоваться при работе с литературными ЭНИ. Словарно-энциклопедические и литературные ЭНИ просто существуют в библиотеке параллельно друг другу. Возможно, нужно было с самого начала строить справочные электронные издания както иначе, с расчетом на пользование ими «изнутри» литературных электронных изданий. Но я и сейчас еще не вполне представляю себе, как эту идею можно реализовать, хотя некоторые соображения есть.

М. М. Появились ли у вас сильные конкуренты, в стране или за границей (если это различие еще имеет смысл)? Чем они от вас отличаются (может быть, выгодно)?

И. П. Здесь трудно говорить о конкуренции: литература и наука о литературе — огромное культурное и социальное поле; я имею в виду, огромное в количественном отношении (качественно роль художественной литературы в современном обществе неуклонно снижается: с одной стороны, из-за роста интереса к нехудожественной литературе, non-fiction, с другой — из-за развития других форм креативности). Соответственно, в разработке инструментария для создания и наполнения электронных библиотек и корпусов, в разработке инструментария для анализа текстов наблюдается скорее нехватка ресурсов и форм сотрудничества, чем избыток рабочей силы и здоровая конкуренция.

За последние годы возникло несколько хороших электронных библиотек, посвященных русской литературе и ее изучению. Помимо старых проектов, таких как библиотека ImWerden, появились, например, электронные коллекции Пушкинского Дома — «Пушкинский кабинет» и электронная библиотека «Академические собрания сочинений». Это профессионально подобранные коллекции текстов в формате распознанных pdf-файлов, по которым можно осуществлять поиск. Однако аналитические и статистические инструменты в большинстве литературных и литературоведческих электронных библиотек до сих пор мало развиты. В этом отношении электронные библиотеки отстают от лингвистических корпусов, в том числе тех, которые пригодны для филологического использования — я говорю о корпусах параллельных текстов и корпусах поэтических текстов. Кстати сказать, та-

ких корпусов не так уж много — гораздо меньше, чем собственно лингвистических[1].

М. М. Не первое десятилетие мы все размышляем о судьбах бумажной книги. Выживет ли, переживет ли она цифровой поворот? Хватает и пессимистических, и оптимистических оценок и прогнозов. Какой лично ваш взгляд на будущее бумаги?

И. П. Я уверен, что бумажная книга не будет окончательно вытеснена электронной, хотя электронная уже берет на себя те функции, которые она выполняет лучше бумажной.

Бумажную книгу удобнее читать и перечитывать; но в электронной удобнее искать и находить информацию. Из электронного издания гораздо проще делать выписки (копировать — хоть всё издание, хоть любую его часть). Электронное издание неизмеримо более транспортабельно — в отличие от печатного, его вообще не обязательно возить или носить с собой, достаточно иметь пользовательский интерфейс и связь с хранилищем информации.

С другой стороны, бумажная книга — существенно более надежный носитель информации, чем электронная: мы знаем, как сделать так, чтобы печатное издание хранилось долго (как минимум несколько столетий), но мы не можем быть уверены, что все электронные издания будут своевременно конвертированы в обновленные форматы и в какой-то момент не превратятся в бессмысленный набор цифр. Такое, между прочим, уже не раз случалось: при радикальном изменении технологии оказывается проще сделать новое издание, чем переделать старое. Поэтому книга в сотни, если не в тысячи раз долговечнее своей электронной копии.

Есть еще и третья сторона в этой многосторонней проблеме. Многие документы (миллионы, если не миллиарды) изначально создаются в электронной среде. Как они будут храниться и передаваться следующим поколениям? Никто в точности не знает. Как будет выглядеть через пятьдесят лет творческий архив современного писателя? Не тысячи листов в папках, а тысячи файлов в разных форматах, в том числе безнадежно устаревших и никакими средствами не дешифруемых. И если компьютерная текстология уже добивается первых успехов, то компьютерной палеографии пока даже не существует.

[1] См. с. 78–79 наст. изд.

М. М. Мы с вами уже разговаривали на похожие темы, лет шесть тому назад[1]. Что изменилось с тех пор?

И. П. С тех пор пользование электронными ресурсами, электронными каталогами и вообще поиск профессиональной гуманитарной информации в интернете стал нормой и обыденностью. Никому уже не надо объяснять, зачем нужны электронные библиотеки. Зато приходится объяснять, почему до сих пор нужны — и всегда будут нужны — библиотеки традиционные. В UCLA я каждый год читаю курс, в котором рассказываю, как в докомпьютерную, раннекомпьютерную и современную эпохи решались сходные вопросы и разрабатывались сходные методы — и в области библиотечного дела, и в области информационного поиска, и в области квантитативных подходов к проблемам гуманитарных наук.

Знание того, как устроена традиционная библиотека, помогает создавать современные электронные библиотеки, да и сами «офлайновые» библиотеки давно уже имеют электронные каталоги, которые к тому же не только описывают печатные издания, но и предоставляют читателю их электронные копии. Кажется, первой такую модель реализовала Gallica — цифровая коллекция Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France, BnF), связавшая свои электронные издания с каталогом BnF. В России по этому же пути пошли РНБ и РГБ. Однако у них электронные коллекции не выделены в автономную информационную систему, как в BnF, а «спрятаны» за электронными каталогами, поэтому многие читатели до сих пор даже не подозревают о существовании этих коллекций и их доступности через интернет. Умение найти и идентифицировать книгу в традиционной библиотеке с помощью печатных библиографий и карточных каталогов помогает найти нужное с помощью электронных каталогов и поисковых систем.

То же и в других областях. Знание того, как устроен печатный конкорданс Стронга[2], помогает понять принципы работы электронных конкордансов. Знакомство со статистическими методами литературного анализа, которые начали развиваться задолго до появления первого компьютера, просто необходимо современным «дигитальным гуманистам».

М. М. Очевидно, что формализм был провозвестником и предтечей цифровой гуманитаристики. Какой свет бро-

[1] См. с. 9–32 наст. изд.

[2] Strong 1890.

сают современные Digital Humanities на формализм? И наоборот: как выглядят современные DH, если на них взглянуть глазами формалистов? Например, Бориса Исааковича Ярхо, который, видимо, удостоился бы звания отца-основателя DH наряду с Роберто Бу́зой [1], если бы его перевели на европейские языки, когда переводили Тынянова и Шкловского?

И. П. Разные формалисты отнеслись бы к DH по-разному. Поскольку формализм не сложился в единую доктрину, то можно говорить не о формализме как учении и даже не о «формалистической школе», а о формалистической повестке (agenda), к формированию которой имели отношение не только hardcore-формалисты, но и другие исследователи, в первую очередь члены Опояза и МЛК — в том числе те, кого обычно считают «парафомалистами» («попутчиками» формализма) и даже антиформалистами. Борис Эйхенбаум, относивший к представителям «формального метода» только опоязовцев и участников опоязовских сборников, не считал формалистом Ярхо [2], зато сам Ярхо считал себя формалистом [3], так же как и Максим Кенигсберг [4] — любимый ученик Густава Шпета, которого принято, и не без оснований, зачислять в антиформалисты.

В 2011 году Франко Моретти и Мэтью Джокерс, чьи имена первыми приходят на ум, когда речь заходит о Digital Humanities, назвали свой исследовательский метод «квантитативным формализмом» [5]. Тем самым они, с одной стороны, указали на свой главный источник вдохновения — русский формализм, а с другой — подчеркнули главное отличие. Они назвали свой формализм квантитативным, то есть количественным, в отличие от русского формализма, который, по их мнению, был формализмом квалитативным, изучавшим качественные, а не количественные различия между литературными структурами. Действительно, анализ текста, который сами формалисты называли морфологическим, а следующее поколение исследователей — структурным или структурно-функциональным, занимает важнейшее место в формалистической повестке. Однако тезис о новизне кванти-

[1] О его роли в развитии машинных конкордансов и DH в целом см.: Winter 1999; Хоки [2004] 2015: 39–40.
[2] Эйхенбаум 1927: 116 примеч. 1; см. Полилова 2011.
[3] Ярхо 2006: xviii.
[4] Кенигсберг 1922: 113; см. Шапир 1994: 83–84; 2015: 355–356.
[5] Allison et al. 2011.

тативного формализма верен лишь отчасти — только если вслед за Эйхенбаумом понимать под формализмом лишь его опоязовскую разновидность, канонизированную на Западе.

Если мы обратимся к истории Московского лингвистического кружка, то увидим, что с 1919 года активнейшее участие в его заседаниях принимали два исследователя, развивавшие статистические методы исследования стиха — это Борис Викторович Томашевский и Борис Исаакович Ярхо. Более того, Ярхо стремился распространить количественные методы далеко за пределы изучения стиха — на все области языка художественной литературы. И Томашевский, и Ярхо исходили из того, что квалитативный структурно-функциональный анализ поэтического текста должен быть дополнен квантитативным.

Приклеить на работы Томашевского и Ярхо общий ярлык «первого квантитативного формализма» меня принуждает инновация Моретти, противопоставившего квантитативные методы квалитативным. Ошибочно думать, что русские формалисты не занимались никакими подсчетами и не ведали статистики. Однако, по замечанию Михаила Юрьевича Лотмана[1], Ярхо и Томашевский считали разное и по-разному, у них была принципиально разная методология. Ярхо, подобно своим предшественникам — немецким филологам-позитивистам (таким, как Мориц Вильгельм Дробиш, Артур Людвих и Майер аус Шпайер), подсчитывал всё подряд и двигался путем индукции: обнаруживал закономерности и аномалии; изучая аномалии, выводил новые закономерности; и так далее. Томашевский шел к эмпирическому материалу дедуктивным путем, от теории метра и ритма, проверяя ее и уточняя. Лотман полагает, что эти различия могут быть сведены к различиям между двумя видами эмпиризма — бэконовским (индуктивные обобщения на основе непредвзятых наблюдений над чувственным опытом) и декартовским (дедукция гипотез из первоначальных принципов с последующей верификацией или коррекцией). По замечанию Питера Штайнера[2], та же самая черта разделяет позитивизм XIX века и постпозитивизм XX-го.

К методам Моретти ближе Ярхо, о существовании которого Моретти узнал лишь недавно. Между прочим, Ярхо задолго до Моретти изобрел «distant reading». Напомню, что Ярхо провел диахронический анализ 153 пятиактных трагедий 23 авторов, ис-

[1] См. Pilshchikov 2020: 29.
[2] См. там же.

пользуя всего четыре формальных признака (количество явлений в пьесе как мера подвижности действия, количество действующих лиц, количество говорящих персонажей в явлении и среднее отклонение от их среднего количества) [1]. Это и есть «дальнее, дистанцированное чтение» — сопоставление большого количества текстов по ограниченному числу формализованных параметров. Так же, как позднее у Моретти и ранее у Веселовского, объектом исследования у Ярхо становятся «единицы, намного бóльшие или намного меньшие, чем текст: приемы, темы, тропы или же жанры и системы» (это я цитирую Моретти, а не Ярхо) [2]. Разница лишь в том, что Моретти производил подсчеты с помощью компьютера, а Ярхо — вручную.

Для того чтобы понять специфику шедевров, надо знать культурный фон, на котором они создавались. Как подчеркивает Моретти, эффективно прочесть «великое непрочтенное» (the great unread — выражение Маргарет Коэн [3]) можно только дистантно, выявляя формализуемые признаки, по которым компьютер может анализировать большие текстовые объемы (big data). В этом преимущество быстрого, отстраненного, «дистанцированного» чтения (distant reading) перед медленным, пристальным чтением (close reading). Но сейчас исследователи приходят к консенсусу, что Digital Humanities должны совмещать оба подхода. Математическим и статистическим операциям предшествует структурный анализ, а за ними следует интерпретация количественных характеристик в терминах литературной структуры, функции и эволюции.

С другой стороны, в саму стратегию дистантного чтения вносятся методологические коррективы. В 2019 году вышла книга Теда Андервуда «Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change» [4]. Автор предлагает «новую версию» методологии Моретти, которую он называет «критическим дальним чтением» (critical distant reading). Суть ее заключается в предварительной формулировке «интерпретативной гипотезы» с ее дальнейшей проверкой. Как видим, эти антиномии были сформулированы не сегодня — и до сих пор не утратили актуальности.

---

[1] Ярхо 1997; 2006: 550–607.

[2] «...units that are much smaller or much larger than the text: devices, themes, tropes — or genres and systems» (Moretti 2013: 48–49).

[3] Cohen 1999: 23.

[4] Underwood 2019.

Однако современные Digital Humanities не исчерпываются формалистическим наследием. За словом «цифровой» в самоназвании DH проглядывает как минимум три значения: «количественный», «компьютерный» и «онлайновый». «Русский квантитативный формализм» является предшественником «цифровой филологии» только в первом значении. В задачи DH, помимо количественного анализа больших массивов данных и создания статистических моделей, входит автоматизация рутинных исследовательских процедур, разработка технологий дигитализации и визуализации данных, изучение «постгутенберговской» культуры и анализ взаимодействия гуманитарных практик докомпьютерной и компьютерной эпох.

М. М. Кто является типичным пользователем ваших электронных библиотек, идеальным и реальным? Проводите ли вы социологические или, как сейчас говорят, этнографические исследования вашей фактической аудитории?

И. П. Идеальными пользователями для нас являются филологи — студенты, аспиранты, преподаватели, исследователи. Однако доля их присутствия в трафике реальных пользователей невелика и вряд ли превышает 15–20 %. Основную массу читателей составляют школьники, поэтому пик посещаемости литературных библиотек приходится на самое начало и самый конец учебного года, а самыми спрашиваемыми произведениями становятся произведения из школьной программы. Литературный канон самовоспроизводится в новых медиа.

Разумеется, «простым школьникам» исследовательский функционал электронных библиотек ни к чему. Они не пользуются ни расширенным поиском (атрибутным или комбинированным атрибутно-лексическим, поиском с зональными ограничениями), ни указателями (авторов, заглавий, слов, стихотворных форм), ни сложной системой гиперссылок («текст — комментарий», «перевод — оригинал»). Их не интересует ни аутентичность воспроизводимого текста, ни возможность сравнить распознанный и представленный посимвольно текст с факсимильным изображением исходного печатного издания, ни точность его библиографической идентификации. Однако для профессиональных пользователей именно эти черты научных электронных библиотек являются главными. И, насколько я знаю, умение грамотно проводить информационный поиск всё больше ценится среди исследователей-гуманитариев, особенно среди ученых «средне-

го поколения». Старшее поколение, как мне кажется, до сих пор недооценивает возможности интернета, а младшее, напротив, слишком их переоценивает, теряя навыки пользования печатной книгой и традиционными библиотеками.

С увеличением числа малолетних читателей отчасти связана еще одна инновация последней пятилетки — усиление цензуры в интернете (разумеется, это не единственная причина, а может быть, и не главная). Причем речь уже идет не только о цензуре со стороны надзорных органов, но и о цензуре, осуществляемой искусственным интеллектом. Многие сталкивались с фактами «морального» цензурирования постов в Фейсбуке (например, запрет ренессансных картин за демонстрацию обнаженной натуры и т. п.). Иногда в таких случаях существует обратная связь — разумеется, не с роботом, а с модератором. В других случаях обратной связи не предусмотрено — как, например, в сервисе Google AdSense. Расскажу о недавних эксцессах. За последние несколько месяцев Google счел «неприемлемыми» сотни текстов русской классики в РВБ (от Карамзина до Газданова), обнаружив в них «Adult: Sexual content» (например, у Карамзина) или «Dangerous or derogatory content» (например, в доброй половине произведений Гоголя). На этом основании Google перестает показывать на соответствующих страницах свою собственную рекламу и, как следствие, лишает проект финансовой поддержки (РВБ существует только за счет рекламы). Это как если бы сторож, услышав лай сторожевого пса, не стал выяснять, по делу тот лает или нет, а сразу бы палил из ружья. Вместо того чтобы посмотреть самому или спросить у умного человека, сторож перепоручает все решения собаке. Ему так проще.

Абсурд? Разумеется. Мы видим, что существующие методы автоматической экстракции текстовой семантики пока несовершенны и дают очень неточные результаты; на их основании нельзя принимать никаких окончательных решений — таких, как решение о цензуре, сколь угодно «мягкой». Тем не менее компании-гиганты принимают подобные решения, не удосужившись получить корректную экспертную оценку. Почему они это делают? Наверное, потому что совсем в ней не заинтересованы. Проще, не разбираясь, выплеснуть с водой десяток младенцев, ибо оставшихся всё равно достаточно для получения прибыли. Точно так же часто действуют государственные органы, хотя цели их могут быть иными.

М. М. Можно ли сказать, что именно в научном, научно-издательском отношении электронные библиотеки пошли дальше или стали лучше академических бумажных изданий?

И. П. Они не лучше или хуже — они другие. С одной стороны, они могут мыслиться как надстройки над существующими печатными изданиями, которые дополняются новой информацией, новой метаинформацией и новой функциональностью. С другой стороны, мы уже вступили в эпоху, когда новые научные издания сразу делаются в цифровых интермедиальных формах. В обоих случаях одной из главных проблем, на мой взгляд, становится непрерывная поддержка и своевременное технологическое обновление информационной системы. При ее устаревании, которое при нынешних темпах технологического развития происходит очень быстро, информация рискует быть утраченной навсегда. Я не знаю, сколько просуществует необновляемый ФЭБ, но ясно, что не вечно.

М. М. Привлекаете ли вы к сотрудничеству пользователей по модели crowdsourcing? Готовы ли пользователи на бесплатную работу, невинно перефразируя Пушкина, «ФЭБа ради»?

И. П. Если исключить спорадических и «эгоистических» пользователей (а таких — абсолютное большинство), то оставшихся пользователей (назовем их активными или креативными, поскольку они — в полной мере или хотя бы отчасти — не только пользователи, но и создатели) можно разделить на три группы. Первая — это, собственно, dedicated team, то есть люди, которые работают над созданием библиотеки. Вторая группа — внешние эксперты, которые привлекаются для консультаций. Третья группа — широкая непрофессиональная аудитория заинтересованных читателей — любителей литературы, которые могут периодически сигнализировать об ошибках и недостатках. Читатели это делают, и это очень полезно.

Однако рассчитывать на то, что случайно встретившиеся энтузиасты смогут сделать какую-то большую серьезную работу, по-моему, не приходится. Результаты такого труда всегда требуется в лучшем случае доделывать, а в худшем — переделывать. Не думаю, что будущее научного электронного книгоиздания — за краудсорсингом. Штюрмерская эпоха в этой области закончилась, на повестке — кропотливая профессиональная работа. Но вопрос о формах ее оптимальной организации, как и раньше, остается открытым.

Беседа шестая

Гуманитарный интернет: электронные библиотеки, объединенные дигитальные архивы и цифровая текстология

(«Троицкий вариант — Наука», 2021)

Елена Пенская. Для начала давайте поговорим о проектах, связанных с цифровыми архивами, цифровой текстологией, которые для вас важны.

Игорь Пильщиков. Я бы ограничил термин «цифровые/дигитальные архивы»: всё-таки он подразумевает электронные версии традиционных архивохранилищ. А в более широком смысле продолжает употребляться понятие «электронная библиотека».

Я участвовал в создании нескольких электронных библиотек. Первой из них была «Русская виртуальная библиотека», которую мы разрабатывали вместе с Евгением Горным и Владимиром Литвиновым. Она открылась 1 декабря 1999 года, и на старте в ней были представлены всего четыре издания: 10-томное собрание сочинений Пушкина[1], стихи Батюшкова[2], «Творения» Хлебникова[3] и антология «Неофициальная поэзия»[4]. Все они делались по-разному: никаких стандартов не было, мы экспериментировали с подачей материала (воспроизводить или не воспроизводить структуру и пагинацию исходного печатного издания, иллюстрации и т. д.), с соотношением репродуцирования старой и добавления новой филологической информации (так, мы до-

[1] Пушкин 1959–1962.

[2] Критический текст на основе изд. Батюшков 1817 с примеч. И. А. Пильщикова (не окончено).

[3] Хлебников 1986.

[4] Расширенная версия поэтического раздела антологии «Самиздат века» (Сапгир и др. 1997). Сост. и ред. И. А. Ахметьев.

вольно быстро поняли, что в одном проекте практически невозможно совмещать библиотечную и текстологическую деятельность: либо мы воспроизводим существующее издание, либо делаем новое; гибриды же почти всегда неудачны). Однако с самого начала мы следовали базовому принципу: литературные тексты даются с «эскортом» справочного аппарата — комментариев и сопроводительных статей. Это — минимальное условие научности библиотеки (для нашей дисциплины научность может быть приравнена к «филологичности»). Сейчас в РВБ представлены авторитетные издания трех десятков русских классиков XVIII–XX веков, а также несколько объемных антологий, включающих произведения еще четырех сотен авторов. Библиотекой пользуется от полумиллиона до двух миллионов посетителей в месяц, в среднем около миллиона, причем большинство посетителей — школьники и студенты. Поэтому недавно мы начали планомерно пополнять библиотеку произведениями школьной и университетской программы. В целом по посещаемости РВБ и раздел классики «Библиотеки Максима Мошкова» стабильно занимают место в середине второй десятки литературных сайтов Рунета. Это и есть показатель популярности классического канона — не очень высокий, но стабильный, во многом поддерживаемый системой среднего и высшего образования. Уже много лет РВБ не имеет никакой финансовой поддержки, и это ставит под угрозу возможность дальнейшего развития проекта.

Вторым проектом стала Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). Ее мы создавали совместно с Константином Вигурским и его лабораторией инфотехнологий в тесной кооперации с коллегами из Института мировой литературы Российской академии наук. ФЭБ был открыт для пользователей 1 июля 2002 года, однако работа над ним как локальным (не сетевым) продуктом начались еще в середине 1990-х. Мы сразу сформулировали для себя различие между стратегиями двух библиотек: РВБ движется «вширь», ФЭБ — «вглубь». Авторов в ФЭБ меньше, но они представлены не одним, а несколькими авторитетными изданиями, а в «эскорт» входят важнейшие статьи и монографии об авторе, посвященные ему сериальные издания, библиографии произведений автора и работ о нем и другие релевантные материалы (например, музыкальные). Воспроизводятся все основные особенности исходных печатных изданий: структура, пагинации, номенклатура шрифтов. Издания, посвященные одному авто-

ру (в случае древнерусской литературы — произведению, в случае фольклора — жанру), образуют автономную информационную систему — структурированное «электронное научное издание» (ЭНИ) со своей системой поиска. В основе ФЭБ — десяток таких авторских ЭНИ (Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Маяковский…), а также специальные ЭНИ, в которых представлены академические истории русской литературы, литературные энциклопедии, словари русского литературного языка. К середине 2010-х годов стратегия воссоздания печатных изданий средствами глубокой разметки во многом исчерпала себя, поэтому мы «заморозили» проект: с 2016 года он не пополняется новыми публикациями. Однако ФЭБ не исчерпал себя как информационный ресурс: накопленная информация по-прежнему востребована профессионалами. Что такое ФЭБ в цифрах? Это полные тексты около 150 тысяч произведений 4,5 тысяч авторов (включая, разумеется, авторов комментариев, справочных и энциклопедических статей и т. д.), свыше 350 тысяч словарно-энциклопедических статей, около тысячи нотных текстов и фонограмм, тысячи факсимиле и иллюстраций. Посещаемость у ФЭБ была такой же, как у РВБ, но существенно снизилась за последние годы, когда ресурс перестал обновляться; те, кто остались, — это профессиональные пользователи по всему миру. Программное обеспечение ФЭБ также не обновляется; это значит, что в какой-то момент библиотека может просто перестать существовать.

В последние годы мы с коллегами из Института мировой культуры МГУ — и снова с Вигурским и его командой — разработали информационную систему «Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение», СПСЛ. Мы с Верой Полиловой уже рассказывали о ней на страницах «Троицкого варианта» в декабре 2019 года, когда проект был открыт для пользователей [1]. Это информационная система, объединяющая в себе несколько подсистем. Одна из них организована как электронная библиотека, а вторая, связанная с ней, представляет собой корпус параллельных текстов. Есть и другие подсистемы: «Энциклопедия» (со сведениями об авторах) и «Тезаурус» (структурированный словарь научных терминов) — и система поиска: полнотекстового лексического и атрибутного, по библиографическим и стиховедческим параметрам.

[1] Полилова, Пильщиков 2019.

Е. П. Как бы вы прокомментировали динамику развития цифровых библиотек и цифровых архивов? Их соотношение друг с другом? Как эволюционируют идеи и практики?

И. П. В самых общих чертах мне это видится так. Сначала в девяностые годы появляются первые энтузиасты; первый образец электронной библиотеки дал проект «Гутенберг» — большая коллекция электронных текстов в очень простых форматах, без специального внимания к текстологии, без расширенного поиска. Ее аналогом в России стала Библиотека Мошкова. Главный пафос первого этапа состоял в том, чтобы изготовить хоть какие-то цифровые тексты и начать ими пользоваться. Так сказать, не до жиру. Пусть сначала появятся тексты с ошибками, потом мы начнем их исправлять. Была большая надежда на пользовательское участие, на то, что пользователи будут интерактивно корректировать неточности. Хотя такие попытки периодически предпринимаются до сих пор (да и всякая библиотека имеет обратную связь — получает сведения об ошибках), но всё-таки такое сотворчество производителей и пользователей не стало главным направлением развития, то есть по большому счету не состоялось. Хотя, может быть, еще состоится в будущем, я не знаю.

Второй этап — профессионализация ресурсов. В какой-то момент стало понятно, что нужно оцифровывать не всё подряд и абы как, а делать ресурсы по интересам. Именно тогда и появляются обе библиотеки, которые я упомянул: РВБ и ФЭБ. И одновременно возникает новая установка у крупных традиционных библиотек — делать электронные копии своих печатных изданий и создавать коллекцию цифровых копий, которая превращается в электронную библиотеку.

Одной из первых, если не самой первой, на этот путь ступила Национальная библиотека Франции (Bibliothèque nationale de France, BnF), которая сформировала электронную коллекцию Gallica. Новшество заключалось в том, что для оцифрованных книг использовались библиографические описания, сделанные в самой библиотеке. Каталог BnF очень хорош, он существовал в печатном виде[1], а затем был трансформирован в базу данных, представлен в виде интернет-каталога[2], и дальше эти описания послужили идентификаторами для книг в электронной коллекции. Коллекция существует и сама по себе (как электронная би-

[1] Bibliothèque nationale 1897–1981.

[2] См. указатель на с. 187 наст. изд.

блиотека), и как приложение к каталогу — можно из каталога выйти не только на список книг в разных отделах BnF, но и на их электронные копии.

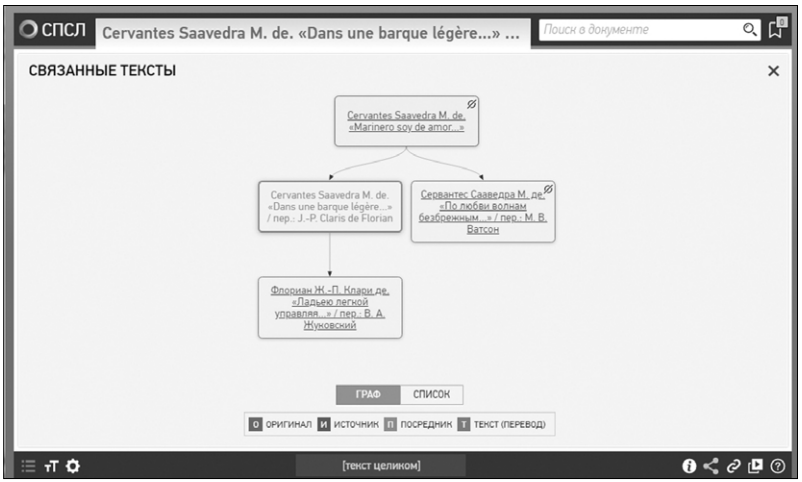
Этот путь оказался очень продуктивным, но, естественно, такое может позволить себе только большая национальная библиотека. В России его выбрали и Российская национальная библиотека в Петербурге, и Российская государственная библиотека в Москве. Однако у них есть по меньшей мере один минус, как мне кажется: электронные цифровые коллекции в обеих библиотеках работают так же, как Gallica, то есть как приложение к каталогу (и это очень хорошо), но не имеют собственного развитого интерфейса. В результате многие пользователи даже не знают о том, что в этих библиотеках есть крупные электронные ресурсы, не знают, что очень много книг, журналов, газет XIX и начала XX века оцифровано — и они находятся в свободном доступе. Внешними поисковыми системами (Google, Яндекс) эти коллекции не индексируются.

А сейчас, как мне кажется, идет этап новой профессионализации и спецификации, когда разрабатываются новые технологические средства или новые принципы построения электронных продуктов. Такие продукты должны быть настроены на эффективную работу с определенной областью знания и решать определенные профессиональные, а не только общепользовательские задачи.

Например, при подготовке корпуса параллельных текстов СПСЛ, в отличие от лингвистических корпусов, которые прежде всего построчно и пословно соотносят именно пару текстов — оригинал и перевод, мы занимаемся историей поэтических переводов, для которых важна множественность. Обычно это не два параллельных текста, а больше: бывают переводы-посредники, переводы с переводов и т. д., они выстраиваются в цепочки, и эти цепочки сложно переплетаются, то есть их уже нельзя назвать параллельными в узком смысле слова. И нам пришло в голову, что эти связи было бы удобно представлять в виде графа, пучка переводов, связанных определенными отношениями, — кластера, внутри которого тексты попарно параллельны. В упомянутой публикации в «Троицком варианте»[1] мы приводили пример — русские переводы 279-го сонета Петрарки, из которых шесть сделаны с итальянского оригинала, а один — с немецкого

[1] Полилова, Пильщиков 2019.

перевода-посредника. Вот аналогичный пример, чуть попроще, но и нагляднее, — романс из «Дон Кихота» Сервантеса, который переводчица начала XX века переводит с испанского, а основоположник русского поэтического перевода Жуковский — с французского перевода Флориана:

Кластер «оригинал — переводы», представленный в виде графа (СПСЛ) [1]

Marinero soy de amor
Y en su piélago profundo
Navego sin esperanza
De llegar a puerto alguno.

Siguiendo voy a una estrella
Que desde lejos descubro,
Más bella y resplandeciente
Que cuantas vió Palinuro.

По любви волнам безбрежным
Мореход любви плыву я,
Но не светит мне надежда,
Что могу войти я в гавань.

Путь держу я за звездою,
Что мне издали сияет —
Лучезарней и прекрасней,
Чем все звезды Палинуро.

[1] http://cpcl.feb-web.ru/text/frantsuzskaya-poeziya-v-perevodah-zhukovskogo_2001@s-102-1/

Yo no sé adonde me guía,
Y así navego confuso,
El alma a mirarla atenta,
Cuidadosa y con descuido.

Recatos impertinentes,
Honestidad contra el uso,
Son nubes que me la encubren
Cuando más verla procuro.

¡Oh clara y luciente estrella
En cuya lumbre me apuro!
Al punto que te me encubras,
Será de mi muerte el punto.

Мигель де Сервантес
(1605)

Приведет куда не знаю
Та звезда — плыву в смятеньи,
Беззаботный, полн заботы,
Устремясь к ней всей душою,

—
—
—
—

О звезда, твоим сияньем
Лишь одним живу, дышу я,
И в тот миг, как ты погаснешь,
В тот же миг умру и я.

Сервантес в пер. Марии Ватсон
(1905)

Dans une barque légère,
Hardi, tremblant, tour-à-tour,
J'errois sur la mer d'amour,
Ne sachant où trouver terre.

Un astre, mon seul espoir,
Me guidoit dans ma carrière,
Je voguois à sa lumière,
Je ne voulois que le voir.

—
—
—
—

Hélas! depuis qu'un nuage
Couvre cet astre si beau,
Les cieux n'ont plus de flambeau,
Mon cœur n'a plus de courage.

Ладьею легкой управляя,
Блуждал я по морю любви.
То страх, то смелость ощущая.
Нигде не открывал земли!

Одно прелестное светило
Сияло на пути моем;
Оно моей надеждой было,
Я видел путь и плыл по нем.

—
—
—
—

Но ах! с тех пор, как туча скрыла
Его сиянье от меня,
С тех пор на небе нет светила,
С тех пор лишен надежды я!

Astre charmant, reparois,	Взойди опять, звезда златая,
Prend pitié de mon jeune âge,	И путь мой снова озаряй,
Et sauve-moi du naufrage	Меня от бури сохраняя,
En ne me quittant jamais.	Вовек, вовек не покидай!
Сервантес в пер. Флориана (1798)	*Сервантес / Флориан в пер. В. Жуковского (1804)*

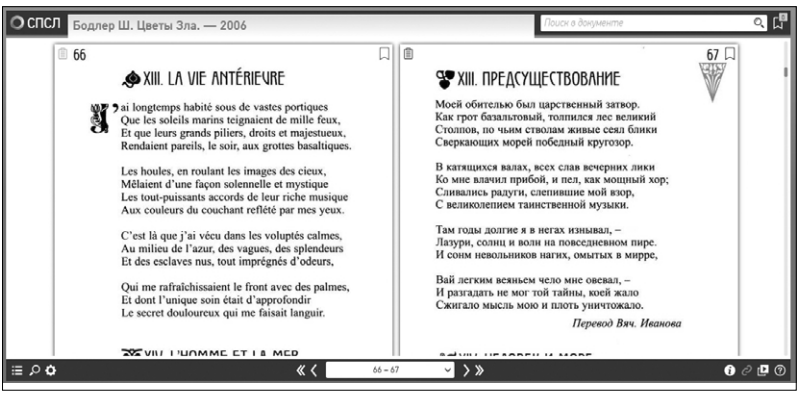
Тут есть некий парадокс: даже по числу катренов и по рифмам видно, что Жуковский передает французский текст, не заглядывая в испанский; но при этом он прекрасно понимает, что переводит великий роман Сервантеса (Жуковский перевел весь роман, а не только стихотворные вставки)[1]. Прямых соответствий между текстами Жуковского и Сервантеса нет, но есть соответствия между русским и французским текстом, с одной стороны, и французским и испанским, с другой. С первого взгляда видно, что непривычную для французской и русской традиций ассонансную рифмовку испанского текста Флориан (и вслед за ним Жуковский) передают точными рифмами, а Мария Ватсон — нерифмованными окончаниями. Если бы перевод Ватсон опирался не только на испанский оригинал, но и на перевод Жуковского, на схеме понадобилась бы еще одна стрелка, и наш граф бы замкнулся. Но оснований предполагать, что текст Жуковского выступил в роли перевода-посредника, у нас нет: хотя в позднем переводе тоже пропущено одно четверостишие, это не то же самое четверостишие, которое пропущено у Флориана и Жуковского.

Сейчас в публичной версии системы полностью приведены только два процитированных произведения из четырех, а два других, помеченных на схеме значком Ø, представлены только библиографическими и стиховедческими метаданными. Однако в тестовой версии — препринте, в котором готовится и «обкатывается» система, — эти тексты уже есть. А если бы еще не было, значки Ø служили бы для нас сигналом: нужно найти издания, в которых напечатаны эти произведения, и оцифровать их.

Установить соответствия между фрагментами в таком пучке уже гораздо сложнее, хотя эту задачу мы тоже перед собой ставим. Даже из приведенного выше примера видно, насколько по-

[1] Сервантес 1804–1806.

лезна синхронизация фрагментов. Однако нередко в переводах лирики соответствия между фрагментами неочевидны: перевод часто не эквилинеарен, в нем действуют компенсаторные механизмы (отсутствие эквивалента в одном месте или на одном уровне компенсируется наличием эквивалента на другом уровне или в другом месте), может переводиться не смысл текста, а звук и / или ритм и, наконец, какие-то фрагменты могут варьировать не оригинал, а перевод-посредник. Вот, например, сонет Бодлера в переводе Вячеслава Иванова:

Сонет Бодлера «La vie antérieure» в переводе Вяч. Иванова[1]

В первом полустишии сочетание глагола с наречием (*j'ai longtemps habité* ‘я долго жил’) передано сочетанием существительного с местоимением (*моей обителью*). Семантика передана приблизительно, зато звук воспроизведен очень близко: **l**[ɔ̃tã] (h)**abité** ≈ [**а**]**бите**+**ль**. Иванов не воспользовался возможностью передать заимствованным «портики» первое рифмующее слово сонета (*portiques*), но зато он воспроизвел саму рифму на -[ikə] (с произносимым в стихе «*е* немым»): «*portiques* : *basaltiques* : *mystique* : *musique*» ≈ «*великий* : *блики* : *лики* : *музы́ки*». Архаическое «*музы́ки*» семантически, ритмически и фонетически соответствует французскому «*musique*», но в переводе это слово завершает 8-й стих, а не 7-й, поскольку последовательность мужских и женских рифм в переводе инвертирована: катренам ЖммЖ у Бодлера со-

[1] http://cpcl.feb-web.ru/text/bodler_tsvety-zla_2006/$p66/

ответствуют катрены мЖЖм у Иванова. Соответствия оборачиваются несоответствиями, и наоборот.

Поэтому мы подошли к задаче построения параллельного корпуса с другой стороны. Лингвисты изучают параллельные тексты с установленными соответствиями между фрагментами, наращивая эти параллелизмы, а мы, литературоведы-компаративисты, изучаем кластер, репрезентирующий множественность переводов одного текста. Вот такими разработками специальных средств для специальных задач, по-видимому, и характеризуется нынешний этап развития электронных библиотек.

Другая характерная для нынешнего этапа черта — семантизация гипертекста. Как известно, гипертекст — основа интернета. Но, когда мы переходим по какой-нибудь гиперссылке, то, строго говоря, не всегда знаем, куда именно она ведет. Идея «семантической сети»[1], заключается в том, чтобы придать связям конкретное значение. Например, в СПСЛ эксплицированы связи между текстами, то есть обозначена либо связь оригинала с переводом, либо перевода — с переводом-посредником, либо оригинала — с его источником (например, прозаическим). Кроме того, для нас принципиально важны связи между текстом в корпусе и изданиями в библиотеке. В системе выделены довольно простые семантические категории. Ссылки от текста в корпусе идут либо к изданию этого текста, либо к комментарию, либо к исследованию об этом тексте, и наоборот. Получается своеобразный аналог развивающейся аннотированной библиографии.

При таком подходе весь гипертекст действительно оказывается насыщен смыслом. Судя по недавнему анонсу, на похожих принципах строится и новый проект НИУ ВШЭ «Осип Мандельштам Digital». Он стартовал лишь недавно, доступ к ресурсу был открыт в апреле 2021 года.

Е. П. Каков портрет сегодняшнего пользователя таких проектов?

И. П. В значительной степени работа по созданию библиотек проходит не на глазах у публики, и публика ею не очень интересуется. Кроме того, основная масса пользователей интернета не занимается поиском профессионально — это не филологи, которые уже научились работать с традиционными библиотеками и архивами, а теперь учатся работать с электронными: это

[1] См. Gronas, Orekhov 2018.

школьники, студенты и «просто читатели». Они щелкают по первым ссылкам, которые выдает поисковик, и тем удовлетворяются. Как правило, они даже не знают, что они читают, откуда и куда приходят, что это за библиотека.

Такова оборотная сторона демократизации информационного поиска. С одной стороны, вся информация становится доступной «в один клик», с другой стороны — пользователь теряет навык критической работы с информацией, отвыкает проверять ее и понимать, насколько авторитетен тот или иной источник, потому что представления о том, что это за источники, у массового пользователя интернета нет. Зато есть смешные мифы о том, что «в сети всё есть», что якобы любая книга доступна в интернете. Это, конечно, далеко не так.

Е. П. Насколько студенты владеют навыками работы с электронными библиотеками?

И. П. Многие студенты умеют искать тексты в интернете, умеют давать ссылки на электронные ресурсы, но довольно часто они, например, дают ссылки на разные тексты, скажем, Пушкина, по разным изданиям. Конечно, пушкинисты тоже не пользуются одним-единственным изданием, но они сознательно отбирают одно или несколько и цитируют по какому-то авторитетному изданию или по тому, которое удобно для их целей, а к другим обращаются, если основное издание в каком-то отношении неудовлетворительно. Кроме того, студенты часто произвольно цитируют одно и то же произведение то по одному, то по другому изданию. Это результат отсутствия базовых текстологических знаний, наивное представление, что существует только один текст «Евгения Онегина» или «Войны и мира». Между тем Пушкин печатал «Онегина» трижды (сперва поглавно, а затем отдельными изданиями в 1833 и 1837 годах). Принятая ныне критическая редакция-реконструкция, во-первых, не является единственно возможной, а во-вторых, не соответствует ни одному из этих изданий, а располагает текст, более-менее соответствующий тексту 1837 года (где, например, посвящение Плетнёву перенесено в авторские «Примечания к *Евгению Онегину*»), в соответствии с композицией издания 1833 года (которое открывается посвящением Плетнёву). Ряд строк, известных нам из изданий советского времени, перенесен в критическую редакцию из рукописей, и многие решения небесспорны. Так что на вопрос о том, как правильно читается та или иная строка «Евгения Онегина», нередко можно

дать два, а то и три разных ответа. Такую ситуацию можно называть «ситуацией текстологической неопределенности»[1]. Наличие в тексте таких фрагментов — не исключение, а правило. Даже у такой общеизвестной строчки Пушкина, как «Звезда пленительного счастья» (из послания Чаадаеву 1818 года), в действительности есть два равноправных варианта: «Звезда пленительного счастья» и «Заря пленительного счастья». Автографы стихотворения до нас не дошли, а в списках с примерно равной частотой встречаются оба варианта. До 1930-х годов предпочтение отдавали второму (именно его цитирует, например, Герцен в «Былом и думах»), а вариант со «звездой» утвердился как основной только в большом академическом издании 1937–1949 годов[2].

Толстой несколько раз печатал «Войну и мир», и тоже каждый раз по-разному. Если взять в расчет только отдельные издания, мы увидим, что автор так и не выбрал окончательной композиции для своего романа (не говоря уже об окончательном чтении отдельных фраз этого огромного произведения). Два первых отдельных издания 1868–1869 годов — шеститомные, а привычная нам разбивка на четыре тома появилась только в третьем издании 1873 года, причем Толстой колебался и просил Н. Н. Страхова «решить, как лучше: с старым разделением или по-новому»?[3] Далее, в третьем издании из текста романа были изъяты все историософские отступления и философская часть эпилога — они были напечатаны отдельно под заглавием «Статьи о 1812 годе». Наконец, Толстой перевел на русский многостраничные французские диалоги (иногда исправляя и самый их текст), таким образом лишив свое творение одной из ярчайших стилистических особенностей: роман о войне русских с французами наполнен французскими репликами, но по-французски говорят не французы, а европеизированная русская аристократия, владеющая французским лучше, чем русским. Последнее издание, которым руководил сам Толстой, — четвертое, 1880 года — по композиции и составу повторяет третье. Однако тексты, которые сегодня попадают нам в руки, не соответствуют ни одному из этих изданий.

Основой ныне принятого текста стало пятое издание романа, осуществленное Софьей Андреевной Толстой в 1886 году:

---

[1] Перцов, Пильщиков 2011: 11–14.

[2] Пушкин 1937–1949, т. II.1: 72 (этот полутом вышел в 1947 году).

[3] См. Зайденшнур 1955: 132.

она вернула в четырехтомную композицию первоначальный текст. А в шестом издании, вышедшем под ее наблюдением в том же 1886 году, французские тексты вновь заменены русскими, но историософские главы сохранены. С 1887 по 1930 год перепечатывался текст пятого издания 1886 года. Позднейшие публикации основываются на тексте второго издания 1869 года, однако восстанавливают толстовскую стилистическую правку 1873 года. Это можно сделать разными способами, и даже в двух тиражах томов «Войны и мира» 1930-х годов из юбилейного 90-томного Полного собрания сочинений Толстого текст разный. А в 1961–1963 годах в составе 20-томного собрания сочинений вышло новое издание романа, для которого была проведена фронтальная сверка всех печатных и рукописных редакций текста, и в него было внесено более двух тысяч локальных поправок[1]. Прочие издания опираются на одно из авторитетных, причем с разными вариациями. Какие, например, давать переводы французского текста — редакторские или толстовские? Наверное, толстовские, но ведь они не всегда соответствуют французским фразам, поскольку русский текст Толстой менял, а французский — нет.

Когда эти тексты переходят в сеть, проблема усугубляется, потому что одно и то же издание может быть на нескольких сайтах; иногда они там отождествлены как электронные версии одного и того же печатного издания, а иногда нет; иногда на разных сайтах воспроизведены разные издания, нередко с произвольными искажениями. При этом студент легко может дать три разных ссылки на одно и то же произведение Пушкина или Толстого то из библиотеки Мошкова, то из РВБ, то вообще непонятно с какого сайта — и не видит в этом проблемы. Культура идентификации источника утрачивается.

Е. П. Как наладить обучение в этой области?

И. П. Конечно, желательно разработать отдельный предмет. Есть разные дисциплины, которые гуманитарии привыкли считать вспомогательными: текстология, библиография, теперь к ним же относят интернет-поиск. Можно включить их в общую зонтичную дисциплину и назвать ее, например, «культура информационного поиска». Необходимо учиться искать информацию не только в интернете и в электронных каталогах, но и в традиционных библиотеках. Кроме того, нужны элементы архиво-

[1] См. Бендерский 2018.

ведения. Даже если в куррикулуме, избранном студентами, нет курса библиографии, им всё равно придется оформлять библиографию к курсовой и другим работам.

Е. П. А теперь я бы хотела поговорить о цифровизации литературных архивов, черновиков и записных книжек. Насколько это важно, на ваш взгляд? Всё-таки массовый пользователь работает с опубликованными текстами.

И. П. В интернете появляется всё больше архивных материалов. Речь идет как об описательной части архивов, то есть описях фондов со списками единиц хранения, так и об электронных копиях самих документов. Может быть, они нужны не очень широкому кругу читателей, но специалисты живут и работают в разных точках планеты и не всегда могут добраться до архивных документов, которые к тому же могут быть разрознены.

Рукопись — вещь хрупкая, и если ею слишком часто пользоваться, она быстрее изнашивается. Поэтому до эпохи интернета изготовляли фильмокопии, а еще раньше возникла культура факсимиле. Но фильмокопии не дают достаточно высокого качества изображения, а печатных факсимиле много не сделаешь — это дорогостоящая вещь.

Относительно недавно появились прекрасные печатные факсимиле пушкинских автографов, сделанные в Пушкинском Доме: восемь томов рабочих тетрадей Пушкина с комментариями и три тома болдинских рукописей[1]. Ясно, что с такими бумажными факсимиле удобно работать, потому что в них, в отличие от фильмокопий и фотокопий пушкинских рукописей, сделанных в 1950-е годы, воспроизведен цвет, у них высокое качество изображения. Цвет чернил помогает понять, одновременно или разновременно были сделаны записи и к какому из двух-трех слоев относятся отдельно выписанные слова. Кроме того, эти факсимиле фиксируют текущее состояние манускрипта. Пройдет сто лет, и, возможно, в этих рукописях что-то исчезнет — ведь карандаш стирается, чернила выцветают.

Ясно, что с электронными копиями плюсы только прибавляются. Во-первых, электронная копия доступна пользователю вне зависимости от того, где пользователь находится. А сейчас, когда мы оказались заперты по домам из-за пандемии, еще более очевидной стала необходимость доступа к такого рода инфор-

[1] Пушкин 1995–1997, 2013.

мации из любой точки планеты. Во-вторых, электронную копию можно увеличивать; можно фокусироваться на совсем микроскопических деталях текста, которые раньше удавалось рассмотреть только с лупой, а то и с лупой не рассмотришь. В-третьих, существуют способы специального сканирования, позволяющего проводить спектрографический анализ. С его помощью в рукописи можно увидеть то, чего невооруженным глазом не видно. Так, текстологи из Пушкинского Дома, работающие над созданием Объединенного цифрового архива Достоевского и спектрографией его рукописей, соотнесли типы чернил, использованных Достоевским для написания всех имеющихся в автографах дат, с типами чернил в документальных и творческих рукописях. Особо ценный материал дают письма, позволяющие связать место и дату, зафиксированные рукой самого писателя, с типом чернил, использованном в данном письме. База данных таких соответствий позволила, например, датировать записи из «Сибирской тетради» Достоевского, относительно которых у текстологов не было единого мнения и которые невозможно было датировать по содержанию или наблюдаемым невооруженным глазом палеографическим признакам[1].

Наконец, объединенные электронные архивы решают еще одну очень важную проблему. Есть масса случаев, когда произведения одного автора разбросаны по разным архивам страны или всего мира. Поэтому необходимость в таких проектах, как создание Объединенного архива Мандельштама или Объединенного архива Вячеслава Иванова, мотивирована тем, что документы рассредоточены: рукописи Мандельштама частично хранятся в Принстонском университете, частично в России; часть рукописей Вячеслава Иванова находится в России, а часть — в Риме, где он жил в эмиграции. Так что ближайшее будущее — за объединенными цифровыми архивами, тематическими или посвященными конкретной персоне.

Е. П. Сейчас немало говорят о расшифровке рукописей машинным способом. Насколько она налажена и необходима?

И. П. Один из аргументов в пользу дигитализации рукописей состоит в том, что большинство их не были и не будут переведены в печатную форму. Посмотрите картотеку архивных материалов по любой теме: вы увидите, что 70–80 % релевантных для темы ру-

[1] Баршт и др. 2012.

кописей не напечатаны, а в лучшем случае упомянуты или кратко процитированы. И это вполне обычное соотношение при переводе текстов на новые носители информации. Та же ситуация с печатными изданиями: из 130 миллионов условных книг (по подсчету Google) оцифровано около 40 миллионов, и то в основном благодаря нескольким мегапроектам (Google Books, Gallica).

Далее: в отличие от книг, «читать глазами» рукопись могут только специалисты по почерку данной эпохи, а иногда даже данного автора. Поэтому без distant reading[1] рукописи останутся «великим непрочтенным»[2] навсегда. Следовательно, нужно научиться читать их автоматически, а не просто представлять в электронной форме результаты традиционных методов чтения. Это — «движение вширь». Что же касается «движения вглубь», то по мере того, как распознавание рукописного текста будет становится всё более sophisticated, есть надежда, что появится возможность уточнить традиционные прочтения классических текстов, избавиться от тех сотен тысяч «НРЗБ», которые не удалось расшифровать даже лучшим текстологам. Уже сейчас многие программы оптического распознавания текста (optical character recognition — OCR) способны «прочесть» не только печатный, но и рукописный текст. Опция распознавания рукописного текста на многих языках включена в последние версии ABBYY FineReader. Этот российский продукт — не только отечественный, но и глобальный флагман в мире OCR. Так, еще в 2014 году ABBYY объявила о добавлении в FineReader опции распознавания медицинского почерка.

Разумеется, понадобится ручная редактура (универсальный принцип: «после сборки ручная доводка») — но ведь она зависит от нужной нам степени точности. Если наша задача — выбрать из корпуса в 100 тысяч рукописей все, где идет речь о продаже овец, или отделить рифмованные стихи от прозы, мы можем пренебречь множеством ошибок распознавания (предлогов, цифр, редких терминов).

Е. П. Понятно, что польза от цифровых рукописных архивов имеется. Но ведь эти растровые изображения — информационный хаос. Что с ними делать? Расшифровывать всё и создавать семантическую разметку? Какие исследователь-

[1] Moretti 2000: 56–58; 2013.
[2] Cohen 1999: 23.

ские задачи это позволит решить? И в чем принципиальное отличие задач, поставленных для рукописных big data?

И. П. Несомненно, возникнут специфические задачи, связанные с особенностями манускрипта как носителя информации.

Во-первых, это почерки: они имеют гораздо большее разнообразие и значимость, чем гарнитуры. Да, есть периоды, когда выбор шрифтового оформления культурно значим: например, выбор фрактуры («готики») или антиквы для немецкого языка в XIX–XX веках или выбор церковной либо гражданской печати в петровскую и послепетровскую эпоху в России. Но с почерками таких ситуаций гораздо больше. Во многие периоды различались почерки современные и архаические — вспомним, например, характерное для русского XVIII века написание буквы «в» в виде «#», которое в первой четверти XIX века быстро выходит из употребления. Были периоды, когда радикально различались женские и мужские почерки. Так, в Англии от аннинской до викторианской эпохи девочек учили писать более беглым и заостренным курсивным почерком, а мальчиков — более солидным и скругленным.

Во-вторых, остаются релевантными все другие палеографические признаки: сорт бумаги, водяные знаки и прочие, помогающие датировать рукопись. Какие-то задачи будут решаться автоматически или полуавтоматически (например, каталог почерков и начертаний отдельных символов), какие-то потребуют решения проблемы метаданных (например, создание унифицированных палеографических и археографических описаний; думаю, не все представляют себе, насколько это сложная и трудноразрешимая задача). Но всё это в конечном счете позволит ввести в научный и образовательный оборот миллионы рукописей, которые иначе останутся непрочтенными или, в лучшем случае, прочитанными одним-двумя исследователями. Между тем работы по оцифровке рукописей едва только начались. Я уже говорил о цифровых архивах Достоевского, Мандельштама и Вячеслава Иванова и ситуации с рукописями Пушкина. Больше у нас, кажется, ничего не оцифровано хоть с какой-то степенью полноты, только отдельные страницы или документы (я говорю о русской классической литературе). Только представьте себе: у нас нет оцифрованных рукописей Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Фета, Льва Толстого, Чехова, Горького, Брюсова, Блока, Маяковского, Хлебникова, Цветаевой, Ахматовой, Ходасевича, Замятина,

Зощенко, Бабеля, Пастернака, Солженицына, Бродского. Список можно продолжать до бесконечности.

Е. П. Как быть с теми правовыми вопросами, которые неизбежно возникают, когда открывается широкий доступ к документам?

И. П. Существующая система копирайта принципиально устарела в момент появления интернета, а сейчас, когда число текстов, распространяемых в электронной среде, существенно превзошло число всех прочих текстов, она устарела катастрофически, и предпринимаются серьезные попытки ее изменить. Я имею в виду такие инициативы, как директива Европарламента и Совета Европы № 1290/2013 о том, что все научные публикации, которые спонсируются грантами рамочной научной программы Евросоюза «Горизонт 2020» (2014–2020), должны быть опубликованы в свободном доступе — и для оплаты (издательствам) бесплатного (для пользователя) доступа выделяются целевые средства. Но это пока частичные решения, а менять всё нужно радикально, ведь в принципе изменились соотношения между оригиналом и копией, между чтением и копированием, так что существующая система — просто бревно на пути прогресса. 1–2 % коммерчески ориентированных авторов, возможно, и выигрывают от этого архаического распорядка, а все остальные авторы и читатели, наоборот, с трудом друг друга находят из-за имеющихся ограничений.

Как ни парадоксально, но есть один хороший пример влияния пандемии на электронный доступ — это временный доступ в цифровые собрания, который сейчас разрешен благодаря нынешней ужасной ситуации. В частности, такой доступ открыла большая электронная коллекция HathiTrust. Американские университетские библиотеки, которые предоставили Google свои фонды для оцифровки в Google Books, сохранили право на собственные электронные копии, и они хранятся в HathiTrust. Эту коллекцию можно считать полноценной электронной библиотекой; в ней есть профессионально составленный каталог, все издания корректно библиографически идентифицированы. Доступ к ним не полностью свободен: полнофункционально репозиторий доступен только для пользователей с университетским доступом. Вы можете работать со своего рабочего места, можете из дома, но для полноценного пользования коллекцией нужно быть аффилированным с университетом — участником кон-

сорциума. В этой электронной библиотеке можно знакомиться с книгами, перешедшими в общественное достояние. В 2020 году граница проходила по 1925 году. Книги, вышедшие из печати раньше, будут, за какими-то редкими исключениями, предоставлены для свободного копирования.

А по отношению к более поздним изданиям HathiTrust ведет себя даже жестче, чем Google Books. По результатам поиска HathiTrust показывает только число вхождений и номера страниц, но не дает цитат в виде snippet view, как Google Books; и там нет отдельных книг для частичного просмотра, как в Google Books. Но вот сейчас множество книг, изданных с 1920-х по 1980-е годы, открыто для временного доступа, их можно получить на ограниченное время — как в библиотеке[1]. Так же устроено еще несколько других цифровых хранилищ, которые намеренно начинают работать по модели традиционных библиотек, выдавая один экземпляр книги на время и без возможности копирования всего издания. И все убедились, что система взаимоотношений между автором, издателем и читателем за прошедший год не рухнула оттого, что был предоставлен доступ к десяткам тысяч малоспрашиваемых книг, которыми интересуются ученые: они всё равно не публикуются заново и даже у букинистов не всегда продаются. Остается только надеяться, что этот опыт будет как-то учтен, после того как пандемия закончится.

Е. П. Как, с вашей точки зрения, можно сбалансировать внутренние ведомственные интересы архивов и интересы исследователей?

И. П. Научный поиск имеет общекультурное, общечеловеческое значение, поэтому ограничивать его ведомственными интересами — это в принципе неправильно. Возникает вопрос, в чем заключаются интересы архива, может ли держатель информа-

[1] Временный доступ в чрезвычайной ситуации (Emergency Temporary Access Service, ETAS) был открыт для библиотек — участников консорциума 31 марта 2020 года (https://www.hathitrust.org/covid-19-response). В августе-сентябре 2021 года по мере возвращения американских университетских библиотек к нормальному функционированию доступ к электронным книгам HathiTrust постепенно деактивировался. Теперь, как и до разгара пандемии, коллекция предоставляет свободный доступ только к тем изданиям, которые перешли в общественное достояние (public domain).

ции ограничивать доступ к информации. Если для этого существуют экономические причины, например если архивам выгоднее ограничивать доступ, чтобы делать его платным, то этот вопрос должен решаться политическим или экономическим путем. То есть мы должны найти механизмы компенсации. Во многих архивах и библиотеках мира копирование по пользовательскому запросу может быть бесплатным, если речь идет об ограниченном объеме — до 250 страниц, как в Колумбийском университете, или до 100 страниц, как в Гарвардском. Выгода в этом случае двоякая: ведь если делается копия для пользователя, она остается в библиотеке. Уже оцифрованные материалы доступны пользователям бесплатно, один из многочисленных примеров — тот же Гарвард. Нужно поощрять более разумный подход, нежели просто продажа злосчастному исследователю копии каждой странички по кусочкам. А как финансировать этот процесс, компенсировать отсутствие непосредственного дохода (не очень кстати, большого) — отдельный вопрос.

К сожалению, иногда — особенно в России — приходится сталкиваться с консервативностью архивных работников, которые говорят исследователям: вот, тридцать лет назад все приходили и переписывали документы авторучкой, а теперь вы сидите и переписывайте. И не потому что это вредно для источника, ведь есть уже много безвредных способов копирования, таких как холодное сканирование или фотография без вспышки со специальным освещением; не обязательно полностью раскрывать переплеты. Все эти проблемы технически решаются. По-моему, очевидно, что это ненужные ограничения. Это охранительная позиция. Из-за того что у меня нет копий, по которым я могу перепроверить свои выписки, я снова иду в архив, а это бессмысленная трата и моего времени как исследователя, и времени архивиста, который, вместо того чтобы в десятый раз выдавать мне одну и ту же рукопись, мог бы заняться другими делами. Это, наконец, вредит и самой рукописи, которую лишний раз поднимают в зал и возвращают на место. Поэтому библиотеки и архивы должны быть заинтересованы в том, чтобы делались цифровые копии, и в том, чтобы они по возможности заменяли бумажные оригиналы.

Наконец, очень вредна отчетно-бюрократическая погоня за посещаемостью, ложное или, по крайней мере, одностороннее представление о том, что посещаемость и число читателей — это якобы главный признак эффективности библиотеки. Нет, би-

блиотека и архив — это прежде всего хранение. А как сделать так, чтобы снять антиномию хранения и пользования? Конечно, делать высококачественные копии и предоставлять доступ к этим копиям, не связанным с физическим местонахождением библиотеки и архива. Для этого электронные копии и интернет дают идеальную возможность.

Е. П. Есть особые типы закрытости, когда, например, сотрудники архива выполняют какой-то заказ издательства и под этим предлогом доступ кому-либо извне закрывается. Насколько такое действие легитимно?

И. П. Это вопрос к юристам. В советское и постсоветское время в ведомственных архивах, например, давался приоритет работникам соответствующих ведомственных институтов для работы с бумагами этого архива. Правомерность таких ограничений для меня сомнительна. С другой стороны, существуют ограничения во времени, ведь у каждого свой план. Но неужели оттого, что я пришел на пять минут раньше, у меня появляются какие-то юридические права на ту или иную рукопись? Мне это совершенно непонятно.

Как сказано в одной юмореске Жванецкого, «что охраняем, то и имеем; ничего не охраняем — ничего не имеем». Исследователь, получивший доступ к рукописи, иногда начинает «охранять» ее от «посягательств» других исследователей. Начинаются мелкие распри, которые очень вредят делу. Ведь с точки зрения универсального процесса публикации и функционирования информации ситуация, когда два человека хотят опубликовать один и тот же текст, очень редка. Главная проблема отнюдь не в этом, а в том, что огромное количество текстов не публикуется вовсе, то есть абсолютное (подчеркиваю: абсолютное) большинство текстов никогда не увидит свет. По сравнению с этим «жерлом вечности» вопрос о праве на первую публикацию низводится до частного вопроса о личных амбициях отдельного исследователя.

Е. П. Теперь — к цифровой текстологии. Расскажите, как вы работаете? И чем цифровая отличается от обычной? Проецируются ли исследовательские задачи на цифровые архивы?

И. П. Это целый комплекс вопросов. Главная, фундаментальная проблема возникла с самого начала и не разрешена, по-видимому, до сих пор. Заключается она в том, что невозможно с од-

ного типа носителя перенести информацию на другой так, чтобы всё было совершенно адекватно воспроизведено. Что-то важное обязательно теряется, что-то, наоборот, приобретается. Это как при переводе с языка на язык.

На первых этапах, в самом начале 1990-х годов, было много проблем со шрифтами; было трудно даже совместить в одном документе латиницу с диакритикой и кириллицу. Когда появился Юникод, эти проблемы удалось решить. Но до сих пор существуют разные небанальные задачи, которые в электронном издании решаются иначе по сравнению с печатным. Например, с точки зрения алфавитного состава латиницы готический шрифт («фрактура») и более привычный для нас шрифт типа «антиква» — это одни и те же символы (буквы, коды), но в разных гарнитурах. Значит, если мы не вводим в цифровую систему обязательную спецификацию гарнитуры, то мы это различие теряем. А если мы ее вводим, то доступ к нашему документу усложняется технически.

Технологии меняются, а нестандартные шрифтовые решения и средства их реализации, сделанные «на коленке», быстро устаревают, потому что следующий формат уже не учитывает всех этих шайбочек, привязанных веревочками, и вся эта самодеятельность просто пропадает. Универсальный, унифицированный процесс тоже не дает всех желаемых результатов. В Юникоде всё время появляются новые символы, но не все они представлены в каждом шрифте, и, опять же, невозможно всю человеческую графику вместить даже в огромную таблицу. Есть отдельные символы разных языков, которые по той или иной причине в Юникоде отсутствуют, и возникает вопрос, как их воспроизводить.

На следующей стадии развития интернета, после того как «плоский» текст перестал быть интересен, воспроизведение печатных текстов и создание их аналогов достигалось с помощью глубокой разметки. Такая разметка бывает двух типов: логическая и ориентированная на определенную визуализацию текста (не считая специальной разметки, например лингвистической или стиховедческой). Иногда две эти функции разметки текста дополняют друг друга, иногда совпадают, иногда вступают в противоречие. Так или иначе, стало возможным воспроизводить сложные тексты на интернет-странице в виде, близком к печатному изданию. Но трудозатраты огромны, и всё равно все тонкости не воспроизведешь.

Можно поставить вопрос иначе: а зачем воспроизводить символы, если мы можем дать изображения? Но минус картин-

ки в том, что невозможно скопировать фрагмент текста, невозможно наладить поиск. Дихотомия «текст vs. изображение» долгое время казалась неразрешимой, но в начале нынешнего века возник новый тренд, который сейчас побеждает. Пользователю представляется двухслойный документ, который содержит верхний слой — собственно изображение — и под ним текстовый слой; при этом документ однозначно соотносит эти слои между собой.

Вторая группа проблем — подача текста. Книжная текстология была ограничена тем, что, во-первых, в издании мало места, а во-вторых, пространство издания — двухмерное и ограниченное. Где разместить альтернативный текст (варианты) и метатекст (комментарии)? Как правило, альтернативный текст никогда не воспроизводился полностью. Теперь эти ограничения уходят.

Е. П. А как обстоит дело с рукописями?

И. П. В печатном издании практически невозможно соотнести рукопись и ее расшифровку. Даже вопрос о том, как подавать саму расшифровку, не решается однозначно.

В этом отношении русская текстология в свое время разделилась на два направления. В конце XIX века, в позитивистскую эпоху, когда исследователям стало интересно читать не только канонические тексты, но и всё написанное автором, когда всё стало восприниматься как документ эпохи, начали появляться издания, в которых воспроизводятся автографы и авторитетные копии. Их передавали с помощью транскрипций, когда текст размещался на печатном листе так же, как он располагался в автографе. Так сделано первое, дореволюционное академическое издание сочинений Пушкина[1]. Видно, что именно было исправлено, зачеркнуто или восстановлено.

Но, во-первых, это соответствие было не вполне очевидным, потому что в рукописи много направлений текста и взаимоналожений его фрагментов, а в транскрипции, конечно, можно что-то печатать вертикально или по диагонали, но всё равно соответствие получается не полным. Во-вторых, при таком формально схематичном соответствии теряется возможность связного, осмысленного прочтения текста.

Поэтому транскрипция была заменена послойным чтением рукописи, которое ввели текстологи 1920-х годов, — Борис

[1] Пушкин 1899–1916.

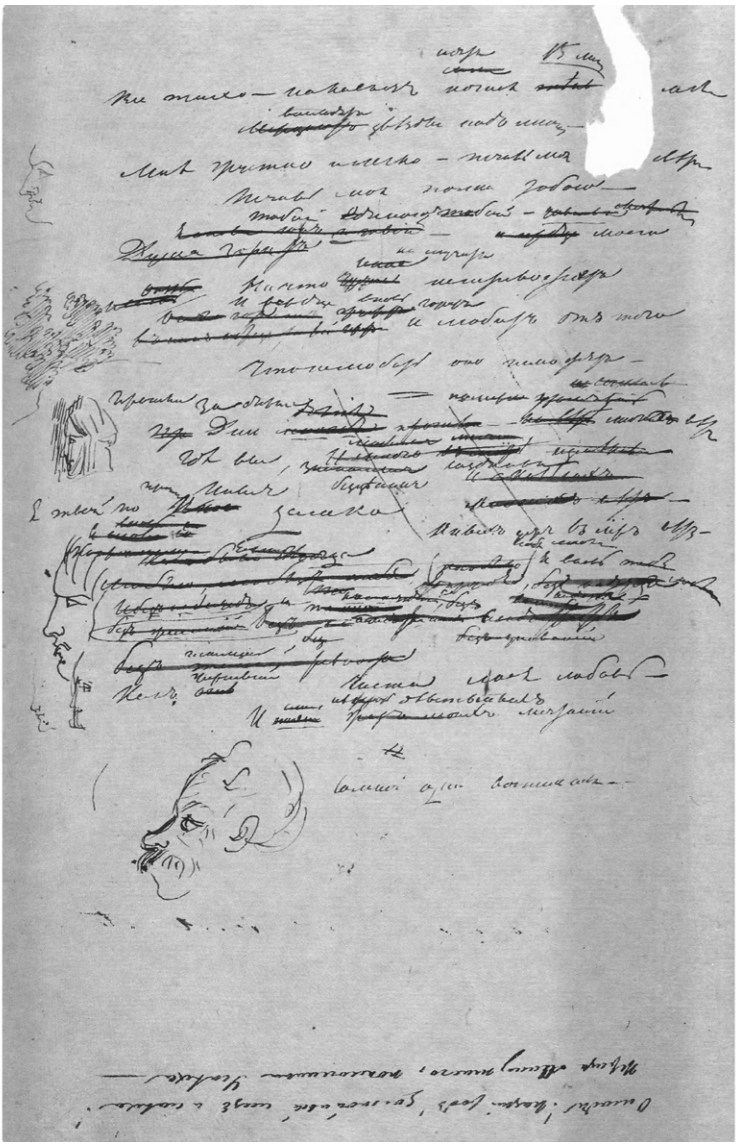
Викторович Томашевский, Сергей Михайлович Бонди и другие. Здесь всё хорошо, но имеется как минимум два минуса. Первый минус: часть этих прочтений неизбежно гипотетична, а отделять гипотетическое от фактического либо нет технической возможности, либо это крайне усложнит «читабельность». Второй минус — полное отсутствие визуального соответствия между текстом и рукописью. В послойной расшифровке мы видим, что наш предшественник-текстолог читал это место так-то и так-то; но какие именно фрагменты текста соответствуют тем или иным местам в печатном издании, мы не знаем — каждый раз приходится догадываться, и не всегда это возможно. После того как текстологи объявили транскрипцию «подготовительными лесами» для послойного чтения и перестали ее печатать, у нас потерялась возможность проверить работу предшественников, уточнить ее и предложить альтернативу, не наступая на те же грабли и не изобретая велосипеда.

И вот теперь все эти альтернативы — делать ли факсимиле рукописи, давать ли транскрипцию или послойное чтение, разделять ли несомненное чтение и гипотетическое — начинает снимать электронная текстология. Мы можем давать несколько параллельных текстов: два, пять, десять — сколько угодно. Можно выводить на экран списки разночтений. В общем, исходные данные и результаты их анализа могут быть представлены одновременно.

Важно, что множественное представление текста становится не просто удобным инструментом визуализации, а дает уже совершенно новое понимание текста. Моделируется то, что французская «генетическая критика» называет авантекстом [1] — то есть тот многослойный, разнонаправленный, нелинейный текстовый процесс, который протекает за кажущейся «окончательностью» дефинитивной редакции. А следя за авантекстом, представленным динамически (хронологически), мы увидим «роение» будущего текста в черновиках, увидим, что какие-то направления в его развитии «отсыхают» и отваливаются, другие, напротив, побеждают, а часть будет перенесена потом в другие черновики других произведений.

Вот, например, черновик первой редакции стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» в так называемой Первой арзрумской тетради (мы можем теперь знакомиться с ней по упоминавшемуся факсимильному изданию). Текст датирован 15 мая (1829 года):

[1] См. Дмитриева и др. 1999.

Черновик первой редакции стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» в рабочей тетради поэта (Пушкинский Дом) [1]

[1] ПД № 841, л. 128 об. Факсимиле: Пушкин 1995–1997, т. VII.

Работу Пушкина над стихотворением в свое время подробно описал Бонди[1]. Сначала поэт записал первую строфу:

Все тихо — на Кавказъ ночная тѣнь легла
Мерцаютъ звѣзды надо мною
Мнѣ грустно и легко — печаль моя свѣтла
Печаль моя полна тобою.

После этого, через череду многочисленных правок, поэт пришел к такому тексту:

Все тихо. На Кавказъ идетъ ночная мгла.
Восходятъ звѣзды надо мною.
Мнѣ грустно и легко. Печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою.

Тобой, одной тобой. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — оттого
Что не любить оно не можетъ.

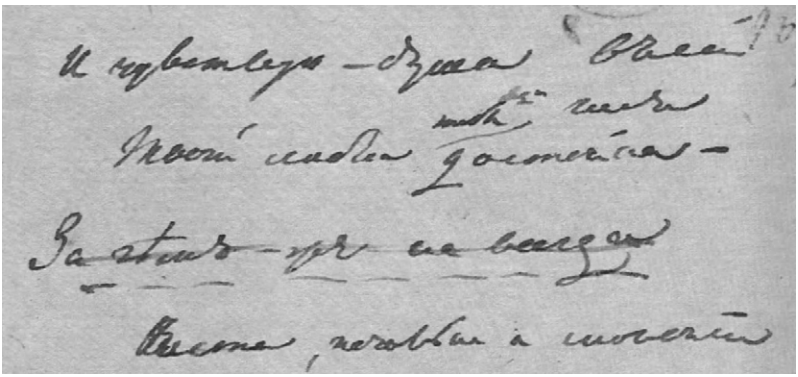
Прошли за днями дни. Сокрылось много лѣтъ.
Гдѣ вы, безцѣнныя созданья?
Иныя далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ —
Со мной одни воспоминанья.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.
И безъ надеждъ, и безъ желаній,
Какъ пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

Затем на обороте этого же листа Пушкин попробовал продолжить стихотворение, однако отбросил продолжение, даже не завершив его:

И чувствую, душа въ сей *<нрзб>*[2] часъ
Твоей любви, тебя достойна
Зачѣмъ-же не всегда .....
Чиста, печальна и спокойна.

[1] Бонди [1930] 1978.
[2] См. иллюстрацию на с. 122.

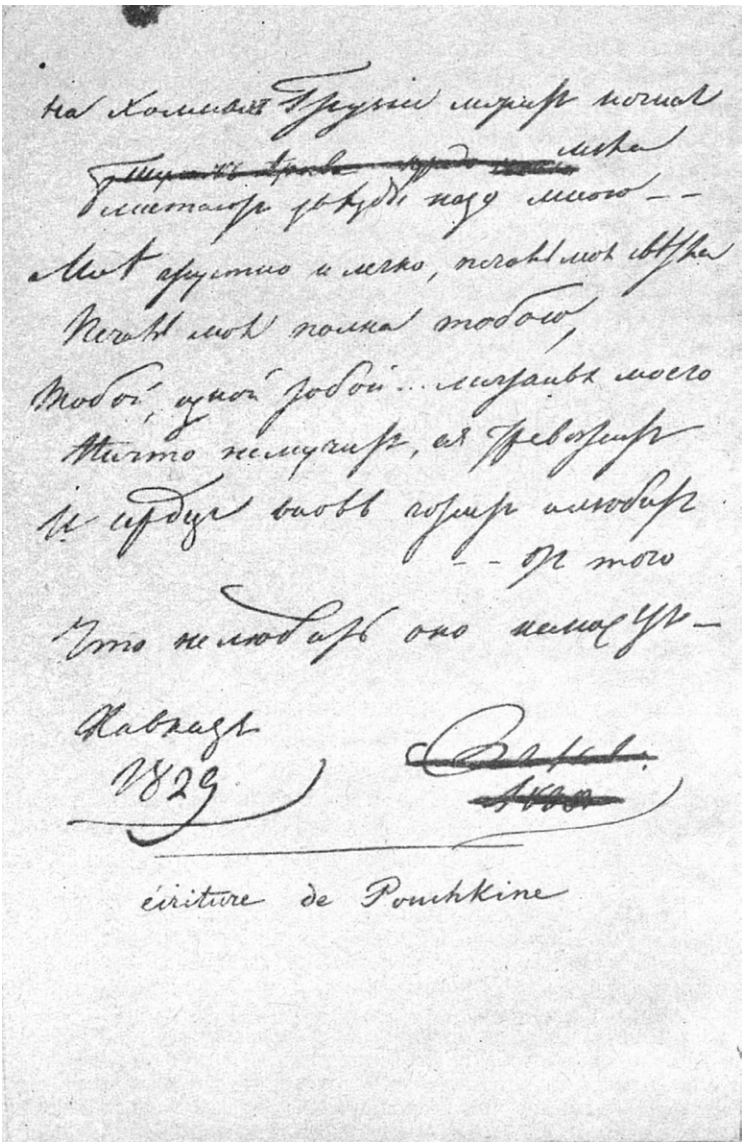
Из черновика первой редакции стихотворения Пушкина
«На холмах Грузии...»[1]

После этого Пушкин вычеркнул третью строфу, специальными пометами исключил вторую и восстановил первоначальное чтение первой. Получилось:

Все тихо — на Кавказъ ночная тѣнь легла.
Мерцаютъ звѣзды надо мною.
Мнѣ грустно и легко — печаль моя свѣтла,
Печаль моя полна тобою.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.
И безъ надеждъ, и безъ желаній,
Какъ пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

Между прочим, Бонди считал, что «этот вариант не уступает» окончательному «в художественном отношении»[2]. Только в следующем, беловом автографе Пушкин перенес действие в Грузию: «На холмы Грузии ночная тень легла», затем «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Но еще год спустя он не был уверен в строке «Шумит Арагва предо мною»: в автографе из собрания А. Я. Полонского (Париж), датируемом серединой 1830 года, этот стих вписан и затем зачеркнут.

[1] ПД № 841, л. 128. Факсимиле: Пушкин 1995–1997, т. VII.
[2] Бонди [1930] 1978: 24.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...», беловой автограф из собрания А. Я. Полонского (Париж) [1]

[1] Воспроизведен: Алексеев 1966: 33.

В остальном это — уже почти тот самый, хорошо нам знакомый окончательный текст, только в 5-й строке — «мечтанья», а не «унынья»:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла
[Шумитъ Арагва предо мною]
Блистаютъ звѣзды надо мною —
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла<,>
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… мечтанья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того
Что не любить оно не можетъ.

Эти процессы могут быть зафиксированы с гораздо большей полнотой и адекватностью, чем раньше.

Е. П. Какие дополнительные опции, какой спектр задач по отношению к оцифрованным рукописным материалам вы видите?

И. П. Максимально насыщенный связями гипертекст и семантизация этого гипертекста.

Е. П. Как этого добиться?

И. П. Во-первых, изображения должны быть корректно идентифицированы. Должно быть понятно, каким объектам архивного хранения они соответствуют. Во-вторых, нужно объединить данные разных хранилищ, чтобы можно было автоматически производить data harvesting — «сбор данных». Эта задача постепенно решается, и обмен архивно-библиотечными данными идет, но всё-таки окончательно она не решена, то есть мы не умеем проводить поиски сразу по всем архивам или библиотекам одной страны или одной отрасли знаний.

Описания в разных архивах и библиотеках не совпадают по своему формату. И нам нужно сделать так, чтобы они совпадали или, по крайней мере, происходил автоматический перевод из одного формата в другой. Если эти проблемы игнорировать, то получится большая свалка неидентифицированных информационных объектов, как это произошло с коллекцией Google Books. Там до сих пор нет корректных унифицированных описаний книг, потому что исходные описания не опирались на данные библиогра-

фических карточек. Но даже потом, когда нужную информацию стали использовать, оказалось, что эти описания построены по разным правилам. Если в Google Books оцифровано три экземпляра, то по одному описанию вы, может быть, найдете один, а два других уже не найдете, сопоставить их вам не удастся. А может быть, и ни одного не найдете, если ваше описание не конгруэнтно ни одному их этих трех. Сравним это с копиями тех же самых книг из американских библиотек в HathiTrust (но только американских, потому что книги из европейских библиотек туда не попали): там видно, что для идентификации книг использованы существующие библиотечные каталоги и поэтому гораздо меньше такого безобразия, как в Google Books.

Мораль: если не заниматься проблемами идентификации, то получится, что у вас всего очень много, а найти ничего нельзя. Электронные копии появились, а вы их не можете разыскать, поскольку не можете выяснить, существуют они или нет, а значит, их как бы и не существует.

Е. П. Распространяется ли эта ситуация на рукописный архив?

И. П. Идентификация данных и автоматизированный обмен данными — важнейшая задача. Но мне хотелось бы повторить: очень многие препоны на пути к новым формам представления знания носят не технический и не интеллектуальный характер, а характер чисто поведенческий и юридический. Косность существующих институций, законов, установлений, да и просто привычек мешает — даже не человеку, а человечеству — двигаться вперед.

Е. П. Можно ли повлиять на ситуацию?

И. П. Я не стал бы вслед за киберкоммунистами утверждать, что информация «хочет быть свободной». Но информация, несомненно, должна распространятся свободно — по крайней мере, к этому следует стремиться. Человечество должно изыскать для этого средства. А если прогресс — это «прогресс в осознании свободы» [1], как учил Гегель, то, соответственно, и осознание того, что информация свободна, должно прийти на смену идее о том, что информация, подобно вещи или рабу, обязательно кому-то

[1] «Die Weltgeschichte ist der Fortschritt im Bewußtseyn der Freiheit» (Hegel 1837: 22; ср. Гегель 1935: 19).

принадлежит, что она может быть заперта и строго охраняема, а за «незаконное» пользование ею нужно наказывать. Я думаю, что лет через сто, когда любители истории будут читать о том, как у нас сажали в тюрьму на десятки лет людей за то, что они прочли книгу или статью или прослушали музыкальное произведение, это будет казаться таким же диким, как нам кажутся дикими явления прошлого, основанные на предрассудках, давно уже с тех пор отвергнутых. Ну, что-то вроде охоты на ведьм.

Беседа седьмая

Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник Digital Humanities

(Пушкинский Дом, 2021)

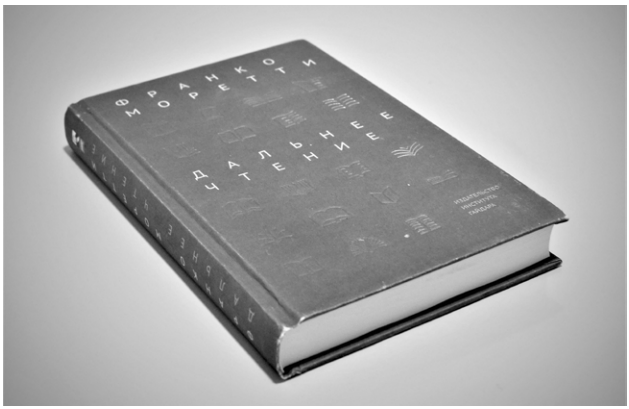
1. Доклад И. Пильщикова

Книга Франко Моретти «Distant Reading»[1] вышла в 2013 году (и в том же году был опубликован «Макроанализ» Джокерса[2]), однако она объединила статьи Моретти, самая поздняя из которых датирована 2011 годом. Так что можно начинать праздновать десятилетие этой книги. А пять лет назад вышел русский перевод «Дальнего чтения», подготовленный Алексеем Вдовиным, Олегом Собчуком и Артёмом Шелей[3]. В 2018 году в 150-м номере «Нового литературного обозрения» Олег и Артём организовали обсуждение перевода (в рубрике «Книга как событие»). Мое сегодняшнее выступление будет отчасти отталкиваться от моей реплики в том обсуждении[4].

Методология Моретти имеет три основных источника: итальянский марксизм, британский неодарвинизм и русский формализм. Однако «автохтонное» прочтение русского формализма 1910–1930-х годов отличается от «западного» прежде всего тем, что опирается на более широкий круг формалистских и околоформалистских текстов: большинство их попросту не переведены на иностранные языки и не входят в «западный канон» «русской теории».

---

[1] Moretti 2013.
[2] Jockers 2013.
[3] Моретти 2016.
[4] Пильщиков 2018.

Франко Моретти, «Дальнее чтение» (русский перевод, 2016)

Тема «Русский формализм и Digital Humanities» довольно свежа (что не удивительно, учитывая молодость самих Digital Humanities). Этой теме посвящены три статьи в специальном выпуске «Digital Humanities and Russian and East European Studies» журнала «Russian Literature» — это статьи Ильи Клигера, Василия Львова и Павла Арсеньева[1]. Я рад, что двое из уже упомянутых мною исследователей — Артём и Василий — сегодня участвуют в нашем обсуждении. А самым первым обсуждением интересующей нас темы стала конференция «Russian Formalism and the Digital Humanities», которая прошла в Стэнфорде в апреле 2015 года[2]; мне довелось в ней участвовать. Открыл конференцию Моретти; во вступительной речи он отметил, что одним из главных методологических импульсов для него стала антология русского формализма, изданная по-французски Цветаном Тодоровым в 1965 и переведенная на итальянский в 1968-м[3]. В недавнем интервью Екатерине Вельмезовой и Калеви Куллю Моретти признается: «…две самые важные книги по теории литературы, которые я прочитал буквально за пару дней, были сборник Тодорова “Les formalistes russes” и книга Лукача “Теория романа”»[4].

[1] Kliger 2021; Lvoff 2021; Arseniev 2021.
[2] Stanford University 2015.
[3] Todorov 1965, 1968.
[4] Вельмезова и др. 2020: 35.

«Russian Formalism and the Digital Humanities» (Стэнфорд, 2015) Постер конференции

Также десять лет назад, в 2011-м, Моретти с коллегами нашли емкое определение своему исследовательскому методу — «квантитативный формализм». Именно так («Quantitative Formalism: An Experiment») озаглавлен подписанный Мэтью Джокерсом, Франко Моретти и их соавторами манифест Стэнфордской литературной лаборатории[1]. Это название указывает на главный полюс притяжения и отталкивания стэнфордских Digital Humanities: авторы встают на позицию квантитативного, количественного формализма, поскольку русский формализм, по их мнению, был формализмом квалитативным, изучавшим качественные, а не количественные различия между литературными структурами.

Однако тезис о новизне квантитативного формализма верен лишь отчасти — если понимать под «формализмом» формализм Опояза, как раннего (Опояз Шкловского, Брика и Якубинского), так и позднего (Опояз Шкловского, Эйхенбаума и Тынянова), а также генеративный формализм Проппа. Именно опоязовская разновидность формализма и была канонизирована для западного мира антологией Тодорова и последовавшими за ней подборками формалистических статей — от англоязычного «стандарта», изданного Ладиславом Матейкой и Кристиной Поморской в 1971 году до испаноязычных антологий 1970–1990-х годов и даже недавнего сборника, выпущенного лучшими эстонскими переводчиками с русского в 2014-м[2].

Однако более внимательный анализ наследия Московского Лингвистического Кружка (МЛК), представлявшего другую ветвь русского формализма, показывает, что у Моретти были неведо-

[1] Allison et al. 2011.
[2] Matejka, Pomorska 1971; Volek 1992–1995; Väljataga 2014.

мые ему предшественники: русский формализм был, по крайней мере отчасти, не только квалитативным, но и квантитативным. Этой теме я уже посвятил доклад на прошлогодней онлайн-конференции ASEEES и пока еще неопубликованную большую англоязычную статью «The Four Faces of Russian Formalism» (для де-грёйтеровского сборника по литературным теориям)[1]. Фрагмент из нее о *первом* квантитативном формализме вышел в прошлом году в Бразилии по-португальски и скоро выйдет по-польски — оказалось, что тема интересна исследователям в разных концах мира[2].

Важно, что само появление *нового* квантитативного формализма и его самоназвание позволило по-новому взглянуть на историю русского формализма в целом. Имена Томашевского и Ярхо, которые оказываются в центре моего доклада, раньше обычно не сопоставлялись, а, скорее, противопоставлялись (хотя, например, Ярхо видел в Томашевском одного из своих научно-идеологических союзников[3]). Грубо говоря, раньше никому не приходило в голову разделять формалистов на тех, кто вел какие-то подсчеты и тех, кто не вел. Или на тех, кто эксплицитно публиковал статистические данные (как Ярхо и Томашевский) или же пользовался статистическими данными, но считал излишним их публиковать, полагая ценными только выводы (как, например, делал Жирмунский[4]).

Сравнение двух вариантов квантитативного формализма имеет не только историографическое, но и методологическое значение, поскольку высвечивает теоретико-методологические проблемы, осознание которых полезно для современных цифровых гуманитарных наук.

Удивительный факт: русские первопроходцы квантитативной поэтики и статистического стиховедения — Андрей Белый, Борис Исаакович Ярхо и Борис Викторович Томашевский — начали и долгое время вели свою работу независимо друг от друга. Ярхо специально отмечал, что хотя он «и был в юности большим поклонником А. Белого, как писателя, все же, по странной случайности, „Символизм“ <…> прочел лишь тогда, когда уже про-

[1] Pilshchikov 2019, 2022.
[2] Pilshchikov 2020; Pilszczikow 2022.
[3] Ярхо 2006: 32, 163.
[4] Жирмунский 1923: 308–310; ср. Гаспаров 1974: 32.

шел немецкую школу и был готовым стиховедом, словом не ранее 1923 г.»[1] Томашевский тоже прочел «Символизм» с запозданием, поскольку в начале 1910-х годов находился вдали от России (учился в Бельгии), однако еще до выхода книги Белого (1910) он разработал оригинальный метод статистического изучения стиха — сравнение теоретических, расчетных показателей с эмпирическими, или, как сформулировал этот принцип сам Томашевский в письме к своему другу Александру Александровичу Попову (от ноября 1910 года), «сравнение действительной ритмики с вероятной»[2]. В 1960 году Якобсон назвал подход Томашевского к стиху «примером самого длительного и до нашего времени, вероятно, самого впечатляющего взаимодействия между лингвистикой, особенно изучением поэтического языка, с одной стороны, и математическим анализом стохастических процессов, с другой». Этот подход, по словам Якобсона, «стал ключом к решению проблем описательного, исторического, сравнительного и общего языкознания на научной основе»[3]. Именно этот подход с легкой руки Джеймса Бейли получил название «the *Russian* linguistic-statistical method for studying poetic rhythm»[4].

Томашевский — инженер и математик по образованию — изучал электротехнику и математическую статистику в Институте Монтефиоре Льежского университета и в Сорбонне, где также посещал лекции по литературе. Петербуржец по рождению, значительную часть своих работ о стихе он написал в Москве, где задержался на три года после возвращения с фронта в 1918 году, и до публикации своих статей представлял их в виде докладов на заседаниях МЛК [5]. По предложению первого председателя кружка Романа Якобсона Томашевский был кооптирован в члены МЛК и избран единогласно на заседании 21 июня 1919 года. В 1921 году Томашевский вернулся из Москвы в Петроград и вступил в Опояз.

Томашевскому не посвящено ни одной монографии, ни на английском, ни на русском, ни на каком-либо другом языке. Вообще его имя, особенно на Западе, упоминается гораздо реже, чем, например, имена Якобсона или опоязовского «триумвирата». Из ра-

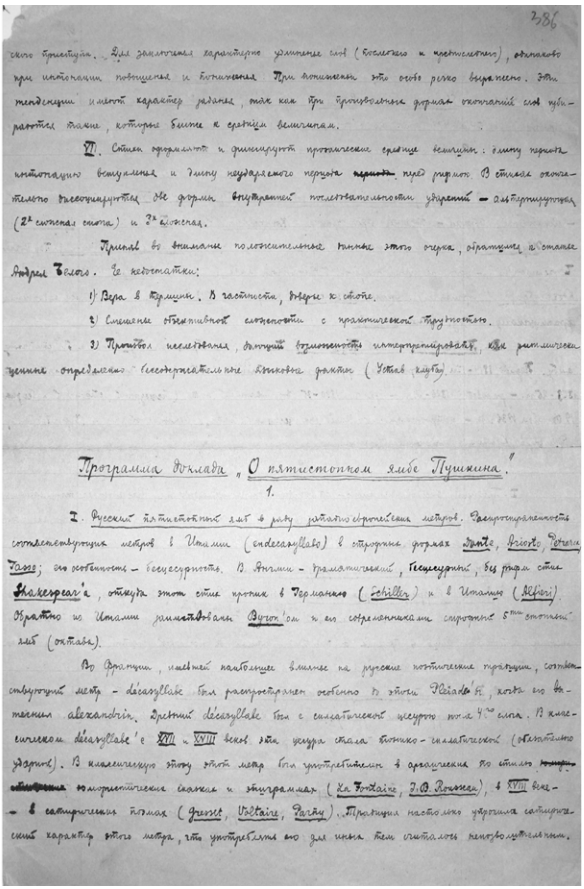
[1] Ярхо 2006: 102.
[2] Богомолов 2017: 50.
[3] Jakobson [1960] 1971: 579.
[4] Bailey 1979.
[5] Флейшман 1977; Пильщиков, Устинов 2020.

бот Томашевского в иноязычные антологии попали только «опоязовская» «Литература и биография» и фрагменты из книги «Теория литературы (Поэтика)». Более того, за пятьдесят лет (с 1935 по 1985) «Теория литературы» была переведена полностью на польский, чешский, словацкий, итальянский, испанский и немецкий. А из стиховедческих статей московского периода, впоследствии собранных в книгу «О стихе» (1929)[1], в антологиях переведены лишь отдельные фрагменты, не содержащие подсчетов. В России книга была впервые перепечатана в 2008 году, то есть почти через восемьдесят лет после первого издания[2]. В определенной степени Томашевский остается «забытым формалистом» — «le formaliste oublié», как назвала свою недавнюю статью Катрин Депретто[3].

8 июня 1919 года Томашевский выступил в МЛК с докладом «О пятистопном ямбе Пушкина». Работа была напечатана несколько лет спустя в берлинском сборнике «Очерки по поэтике Пушкина», составленном Виктором Шкловским (1923), а затем републикована в сокращенном виде в книге «О стихе» (1929)[4]. В ней впервые были статистически исследованы ритмические особенности русского пятистопного ямба. Пушкинский метр рассмотрен синхронно-типологически и эволюционно-диахронически, причем Томашевский сопоставил его не только с пятистопным ямбом других русских поэтов, но и с европейскими размерами аналогичной слоговой протяженности (итальянский endecasillabo, французский силлабический десятисложник, английский и немецкий пятистопный ямб). В частности, это позволило Томашевскому выявить влияние ритма французского десятисложного стиха на пятистопный ямб Вяземского 1821–1825 годов, когда Вяземский переводил эпиграммы Жана-Батиста Руссо.

В современном корпусном стиховедении ритмика — слабейшее звено. Если автоматическое распознавание большинства метров нам уже доступно и используется в поэтических корпусах, то ритмика до сих пор требует значительных ручных трудозатрат, особенно в языках с подвижным ударением (как, например, русский). Дополнительные сложности создает диахроническая динамика — изменение акцентных парадигм слов (в современ-

[1] Томашевский 1929.
[2] Томашевский 2008: 24–306.
[3] Depretto 2018.
[4] Томашевский 1923; 1929: 138–253.

Окончание программы доклада Б. В. Томашевского «О ритме пушкинской прозы» и начало программы доклада «О пятистопном ямбе Пушкина» (представлены на заседаниях МЛК 13.II 1920 и 8.VI 1919) [1]

ном русском языке — по сравнению с языком XVIII века и даже XIX-го). Сравнительная ритмика разноязычных поэтических традиций, по-моему, вообще всерьез не исследовалась компьютерными средствами.

[1] ИРЯ РАН, ф. 20, ед. хр. 2.II, № 9, л. 386. Рукопись; чернила. Рукою секретаря МЛК Б. В. Горнунга.

Для метроритмической организации русской силлаботоники релевантны не только пропуски схемных ударений и добавления сверхсхемных, но и ритмика словоразделов. Поэтому статистика Томашевского, в отличие от статистики Андрея Белого, учитывала не только распределение ударений в стихе, но и распределение границ между словами. Белый осознавал значение ритмики словоразделов, но не вводил ее в статистику. Вот что писал Томашевский: «Но не только смена ударений и неударных слогов характерна для ритма, а особенно для индивидуального ритма отдельных поэтов и отдельных стихов. Осуществляется стих не сменой слогов, а цепью слов. <…> Изучение „словоразделов“, изучение зависимости, существующей между словоразделами и положением ударения в стихе — вот задача, стоящая на втором месте» перед исследователем ритмики [1]. В те же годы классификацию словораздельных вариаций русского ямба, наряду с ритмическими, разработал Георгий Шенгели (словораздельные вариации он называл модуляциями) [2]. Эта линия исследований могла бы продолжиться дигитальными средствами, хотя в случае русского языка этому препятствует, помимо уже указанной проблемы ручной дизамбигуации акцентных форм, проблема клитик и энклиноменов: не каждое графическое слово несет ударение. Вопрос об ударных, безударных и полуударных графических словах гораздо сложнее, чем он может показаться на первый взгляд.

В докладе Томашевского, как и в итоговой статье, использована методика сравнения эмпирически добытых данных с теоретической моделью. Теоретическая частотность («встречаемость») строки, содержащей слова́ определенной акцентной структуры, является произведением частотностей слов соответствующего типа у выбранного автора. Впоследствии Андрей Николаевич Колмогоров внес существенную поправку в методику Томашевского (процитирую очерк истории квантитативных методов в русском стиховедении Михаила Леоновича Гаспарова):

> В качестве «ритмического словаря, от которого вычисляются частоты слов», «Томашевский брал ритмический словарь самого исследуемого стихотворного произведения, например „Евгения Онегина“. Колмогоров показал, что это сильно смещает картину: ритмический словарь стихотворно-

[1] Томашевский 1929: 143.
[2] Шенгели 1923.

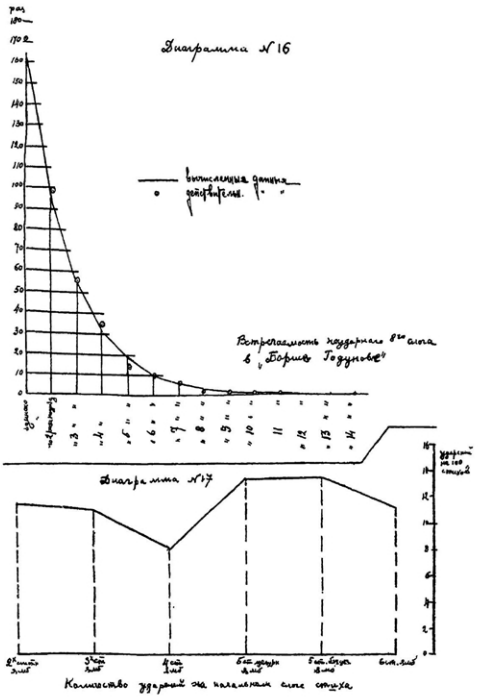
го произведения не может служить эталоном „естественных данных языка“, так как самый отбор слов в стихе уже скован ограничивающим влиянием метра. Показательнее брать за основу ритмический словарь прозы — скажем, художественной прозы того же периода, к какому относятся разбираемые стихи. Было бы интересно привлечь для сравнения также ритмические словари разговорной, научной и деловой прозы»[1].

Однако общий принцип построения теоретической модели Томашевский определил верно. Для того, чтобы сделать выводы о ритмике реальных стихов, необходимо, как он говорит, «сравнить эту теоретическую встречаемость с действительной»[2]. Только таким образом мы можем отделить преднамеренное от случайного, отличить эстетически значимые явления от проявления общеязыковых законов.

Хотя методика Томашевского была впоследствии исправлена и улучшена Колмогоровым, Тарановским, Холшевниковым и другими исследователями, вопрос о теоретической встречаемости до сих пор остается открытым. Так называемая «речевая модель» метра[3] — например, модель 4-стопного ямба, — основывается на статистическом анализе так называемых «случайных ямбов в прозе»[4]. Остается два принципиальных вопроса: какую прозу брать в качестве фона для стихов (каких авторов, жанров, периодов) и как выбирать «случайные ямбы» (брать только синтаксически связанные отрывки или отрывки с сильными синтаксическими паузами внутри — например, с точкой в середине отрывка, как при стиховом анжамбане)[5]. Теоретических ответов на эти вопросы пока не существует, но, возможно, выход из положения подскажет анализ большого массива эмпирических данных. Нужно смотреть, как меняется «речевая модель» на том или ином прозаическом корпусе, при том или ином методе отбора псевдостиховых фрагментов, и затем использовать различные методики измерения расстояния от теоретических распределе-

[1] Гаспаров 1974: 23 (глава «Квантитативные методы в русском стиховедении: итоги и перспективы»).
[2] Томашевский 1929: 176.
[3] Гаспаров 1974: 23, 79 и др.; ср. Тарановский 1971.
[4] Тарановский 1971; Холшевников 1973, 1985.
[5] Tarlinskaja 1976: 184–198; 1993: 33–58; Liapin 2020.

ний ударений и словоразделов в модели до эмпирически выявленных распределений ударений и словоразделов в стихах. Насколько я знаю, такого рода корпус стиха и прозы сейчас строит Евгений Казарцев с коллегами[1]. В идеале такие корпуса должны быть, так сказать, «мультимодельными».

Диаграммы из статьи Б. В. Томашевского «Пятистопный ямб Пушкина»[2]

Следующий нерешенный вопрос — как и до какой степени могут усредняться данные, полученные на эмпирическом материале. Нужно смотреть, как изменяются параметры частотности ритмических форм (и выводимые из них ритмические профили) при переходе от отдельных стихотворений к группам стихотво-

[1] Kazartsev, Zemskova 2021.
[2] Томашевский 1923: 7 (2-й пагинации).

рений (по автору, жанру, периоду и т. д.) — то есть всерьез решать вопрос о статистической гомогенности или гетерогенности изучаемого стихового материала.

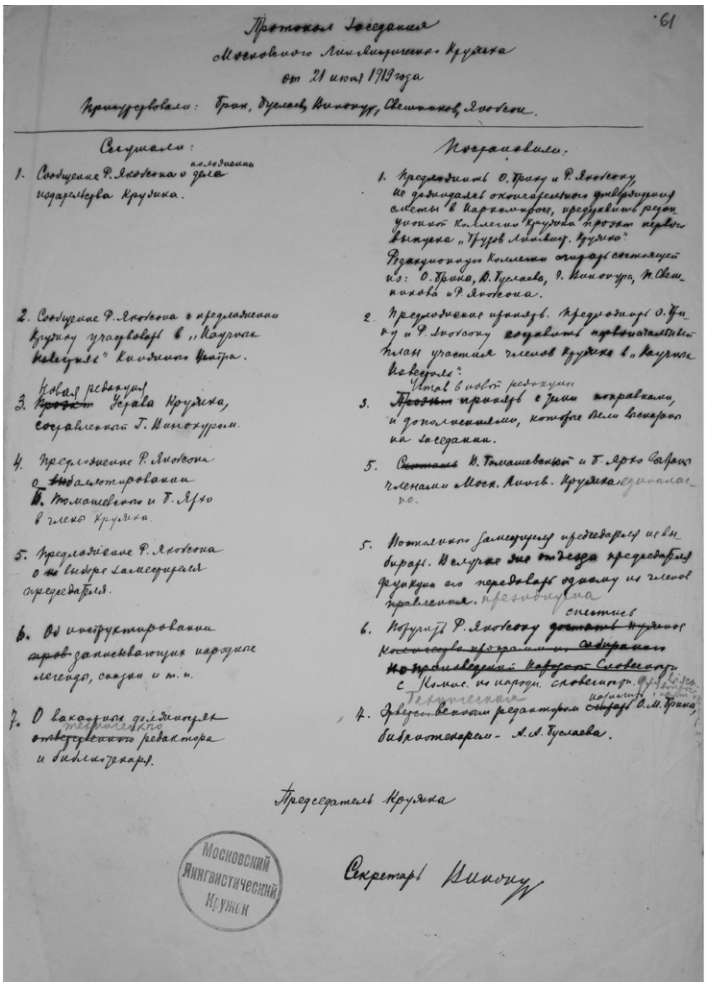
Вообще современные Digital Humanities в очень малой степени заняты стиховедческими проблемами — этому вопросу был посвящен недавний доклад Бориса Орехова на онлайн-конференции в московской Высшей школе экономики[1]. Лишь в самое последнее время Петр Плехач и Артём Шеля начали применять стиховедческие данные для компьютерно-стилометрических исследований и задач авторской атрибуции. В частности, они смогли обосновать неаутентичность стихотворений из черной тетради Батенькова[2] более убедительно, чем это удалось первооткрывателю темы — Максиму Ильичу Шапиру[3]. Плехач продолжил компьютерными методами изучение вопроса об определении соавторов Шекспира на основании их версификации[4], начатое Мариной Тарлинской[5].

Здесь уместно вспомнить другого сотрудника МЛК, чье имя воскресили к новой жизни Гаспаров и затем Шапир — это Борис Ярхо. Ярхо и Томашевский были кооптированы в члены МЛК Якобсоном и единогласно избраны на одном и том же заседании 21 июня 1919 года[6]. Как отметил Гаспаров в первой статье о Ярхо, напечатанной в 1969 году в Тарту, Ярхо распространил количественные методы далеко за пределы изучения стиха — на все области языка художественной литературы[7].

По-видимому, наибольшее значение для современных Digital Humanities имеет поздняя книга Ярхо — «Методология точного литературоведения»[8] и примыкающие к ней исследования драматических жанров в синхронном и диахронном аспекте (о комедиях и трагедиях Корнеля и о пятиактной трагедии). Эти работы были написаны в период с конца 1920-х до середины 1930-х годов.

---

[1] Орехов 2021.
[2] Шеля, Плехач, Зеленков 2020; Plecháč 2021: 80–91.
[3] Шапир 2000.
[4] Plecháč 2021: 69–79.
[5] Tarlinskaja 1987, 2014.
[6] Пильщиков, Устинов 2020: 392.
[7] Гаспаров 1969: 504.
[8] Ярхо 2006: 1–399.

Протокол заседания МЛК от 21 июня 1919 года с пунктами о баллотировании и избрании Б. В. Томашевского и Б. И. Ярхо в члены МЛК[1]

Ярхо выделил жанровые признаки трагедии и комедии, которые формулируются в виде числовых параметров. Это такие признаки, как

[1] ИРЯ РАН, ф. 20, ед. хр. 2.II, № 7, л. 61. Рукопись; чернила. Протокол составлен Г. О. Винокуром.

– общее количество действующих лиц,
– число явлений с одним, двумя, тремя и т. д. говорящими персонажами,
– среднеквадратическое отклонение от среднего количества говорящих персонажей,
– количество явлений в пьесе (как мера подвижности действия),
– средняя длина реплики (как мера живости диалога),
– доля стихотворных строк, разделенных между репликами разных персонажей (как мера связности диалога); и др.

Соотношение признаков в разных пьесах различно. История жанра может быть описана как эволюция его признаков и групп признаков. Различия между литературными направлениями можно описать как разницу в пропорциях отдельных признаков и групп признаков в рамках одного жанра.

Такой подход позволил исследователю с цифрами на руках продемонстрировать, как эволюция пятиактной трагедии делится на периоды (ранняя классика, поздняя классика, ранняя романтика, поздняя романтика и т. д.), а также показать, например, следующее:

– по каким признакам трагедии романтиков, восхищавшихся Шекспиром, близки к шекспировской драматургии,
– как Гёте эволюционировал в направлении, прямо противоположном движению эпохи: от проторомантического Sturm-und-Drang к веймарскому классицизму (трагедии позднего Гёте по всем параметрам совпадают с расиновскими),
– что робкий новатор русского театра начала XIX века Владислав Озеров — более классицист, чем романтик: по совокупности параметров он отстоит от предшественников-классицистов на 20 %, а от современных ему европейских романтиков на 65 %[1].

А сопоставляя два разных жанра, сосуществующих в одну эпоху (Ярхо взял для сравнения трагедии и комедии одного автора — Пьера Корнеля), можно эти жанры формально дифференцировать: найти квантитативные признаки, по которым они отли-

[1] Ярхо 2006: 550–607.

чаются друг от друга[1]. Помимо уже упомянутых, это, например, подвижность персонажей (число их выходов на сцену), величина роли каждого из персонажей (количество реплик и количество стихов), социальный состав персонажей и т. д. После этого можно вычислить пропорции их сочетаний в разных текстах и определить место промежуточных экземпляров (трагикомедий) на шкале между прототипической трагедией и прототипической комедией. Кроме того, можно определять степень близости между разными жанрами в ту или иную эпоху (то есть в том или ином синхронном срезе). Некоторые параметры, предложенные в работах Ярхо, используются в современных электронных корпусах драматических текстов — например в проекте DraCor или в корпусе русских и европейских стихотворных комедий, созданном Инной Венделл при работе над докторской диссертацией, защищенной в июне нынешнего года в UCLA (диссертация и все электронные материалы, положенные в ее основу, находятся в открытом доступе)[2].

Таким образом, Ярхо задолго до Моретти изобрел то, что Моретти позднее назвал «distant reading»[3]. Действительно, Ярхо провел диахронический анализ 153 пятиактных трагедий 23 авторов, используя всего четыре формальных признака (количество явлений в пьесе как мера подвижности действия, количество действующих лиц, количество явлений с тем или иным числом говорящих персонажей и среднее отклонение от их среднего количества). Это и есть «дальнее, дистанцированное чтение» — сопоставление большого количества текстов по ограниченному числу формализованных параметров («добывание отличительных пропорций по нескольким мельчайшим признакам», по словам самого Ярхо). Рад сообщить, что этот факт параллельно и независимо друг от друга отметили Василий Львов в упомянутой статье из «Russian Literature»[4] и автор настоящего доклада в также упомянутой польской статье, которая так и называется: «Kwantytatywna poetyka rosyjskiego formalizmu — Borys Jarcho jako niedoceniony prekursor “czytania na dystans”»[5].

---

[1] Ярхо 2006: 403–449.

[2] Wendell 2021.

[3] Впервые — в статье «Гипотезы о мировой литературе» (Moretti 2000: 56–58), затем вошедшей в сборник 2013 года.

[4] Lvoff 2021.

[5] Pilshchikov 2021. См. также обсуждение этой темы в предыдущих бесе-

Борис Михайлович Эйхенбаум относил к представителям «формального метода» только опоязовцев[1]. Такая точка зрения распространена до сих пор, хотя Якобсон приложил немало усилий к тому, чтобы включить в историю формализма не только Опояз, но и МЛК. Ярхо считался формалистом и не оспаривал этого. В письме к Жирмунскому от 8 ноября 1919 года он сам называет себя «сторонником “формального метода” и “формалистом”»[2]. Я полагаю, что это самоопределение имеет не меньше веса, чем категорическая формулировка Эйхенбаума.

При этом Ярхо противопоставлял свой метод опоязовскому как количественный — качественному. Это сказалось на его интерпретации понятия «доминанты». В концептуальный аппарат русской формальной школы это понятие ввели Эйхенбаум и Тынянов, которые позаимствовали его, переосмыслив, у немецкого философа Бродера Христиансена[3]. Проблеме доминанты была посвящена заключительная лекция спецкурса о русском формализме, прочитанного Якобсоном по-чешски в Брненском университете в 1935 году. Полный текст спецкурса был впервые напечатан лишь в 2005 году[4], однако лекция о доминанте стала известна гораздо раньше, еще при жизни исследователя. Она была опубликована по-английски в хрестоматии Матейки–Поморской[5], затем по-французски в переводе с английского[6], а затем по-русски (также в переводе с английского) — в «Хрестоматии по теоретическому литературоведению», изданной Игорем Аполлониевичем Черновым в качестве учебного материала для студентов Тартуского университета[7]. В начале лекции Якобсон называет доминанту «одним из важнейших, наиболее разработанных и продуктивных понятий теории русского формализма» и дает дефиницию: «Доминанту можно определить как направляющий компонент художественного произведения: она подчиняет, определяет и трансформирует остальные компоненты»[8].

дах на с. 39–40 и 91–92 наст. изд.

[1] Эйхенбаум 1927: 116 примеч. 1.

[2] Ярхо 2006: xviii, xxvi примеч. 34.

[3] Christiansen 1909: 241–251; см. Hansen-Löve 1986.

[4] Jakobson [1935] 2005.

[5] Matejka, Pomorska 1971: 82–87.

[6] Jakobson 1973: 145–151.

[7] Чернов 1976: 56–63.

[8] Jakobson [1935] 2005: 87.

В противоположность опоязовцам, интерпретировавшим это понятие в функциональном и аксиологическом аспекте (ср. у Тынянова: «Ода как ораторский жанр»), Ярхо, по его собственным словам, «перевел вопрос о доминанте *на количественную базу*»[1]. Впервые якобсоновская и ярховианская интерпретации доминанты были сопоставлены в хрестоматии Чернова, где сразу вслед за статьей Якобсона «Доминанта» помещен отрывок из «Методологии точного литературоведения» Ярхо под редакторским заглавием «Нахождение доминанты в тексте»[2]. Здесь Ярхо показывает, как он находит идейную доминанту:

«1. Идея не обязательно является основным признаком (доминантой) в общей структуре комплекса.
2. Идею можно считать “концепцией”, если она превосходит по количеству обнимаемого ею образного материала все другие идеи того же комплекса.
3. Она будет доминантой, если охватывает больше 50 % всего словесного материала (выраженного в цифрах какого-нибудь объемного знаменателя)», etc.[3]

Необоснованная уверенность Ярхо в заведомой значимости 50 %-го порога неоднократно (начиная с работы Гаспарова 1969 года)[4] подвергалась справедливой критике, однако примечательна сама установка на поиск формального выражения концептов в анализируемом тексте и подсчет частотности этих репрезентаций (сравним современный topic modeling). Так же, как и другие формалисты, Ярхо связывал эстетическую действенность элементов художественного произведения с их необычностью, но уделял внимание количественной необычности больше, чем структурной. Между тем, как «необычное» воспринимается не только то, чего в тексте значительно больше, чем бывает обычно, но и то, чего в тексте значительно меньше, чем бывает обычно (вплоть до значимого отсутствия), и то, что организовано не так, как бывает обычно. А как бывает обычно — помогает выяснить обследование большого корпуса, к чему, собственно, и призывает Моретти.

---

[1] Ярхо 2006: 107.
[2] Чернов 1976: 64–65.
[3] Ярхо 2006: 123–124; ср. Гаспаров 1969: 508.
[4] Гаспаров 1969: 514.

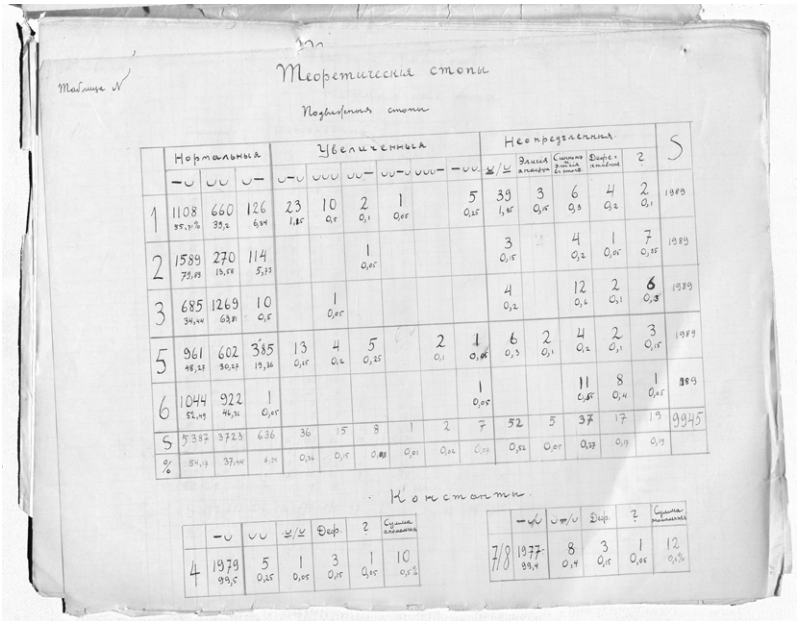
Итак, Ярхо является прямым предшественником Digital Humanities в смысле Моретти именно потому, что формализм Ярхо — квантитативный. Что касается его методики, то некоторые из предложенных им исследовательских программ были весьма трудоемки. Ярхо называл такие исследования «“муравьиной” работой», требующей скоординированных усилий множества участников[1]. Когда через десять лет после смерти Ярхо его младший брат попытался напечатать его неопубликованные работы, в официальном рескрипте было сказано, что это слишком трудоемко и не под силу одному человеку или даже небольшому коллективу[2]. Сейчас подобного рода возражения снимаются хотя бы потому, что многое можно сделать с помощью компьютера и работа займет гораздо меньше времени — ее можно выполнить в десятки, сотни, а то и тысячи раз быстрее. Здесь на помощь «первому» квантитативному литературоведческому формализму приходит «компьютерно-дигитальный» формализм Моретти.

Методологии Моретти и Ярхо типологически сходны еще по целому ряду характеристик — вспомним, например, о серьезном внимании обоих исследователей к аналогиям между литературой и биологией. Однако до самого недавнего времени «дигитальные гуманисты» не были знакомы с «точным литературоведением» в интерпретации Ярхо.

Во-первых, очень долго «Методология» была известна в основном по пересказу в первопроходческой статье Гаспарова, куда вошло лишь несколько примеров конкретных подсчетов (статья была напечатана по-русски в IV томе тартуских «Трудов по знаковым системам»)[3]. Работы о драме тоже были опубликованы достаточно поздно (в конце 1990-х годов в журнале «Philologica» и затем перепечатаны в томе 2006 года, подготовленном Мариной Акимовой, мной и Максимом Шапиром под общей редакцией Шапира)[4]. Диссертация о Хротсвите, существующая в двух вариантах (русском и немецком)[5], и стостраничная статья о каролингских ритмах[6] не напечатаны до сих пор.

---

[1] Ярхо 2006: 554.
[2] Ярхо 2006: viii–ix.
[3] Гаспаров 1969.
[4] Ярхо 1997, 1999/2000; 2006: 403–607.
[5] См. Гаспаров 2003.
[6] РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 7.

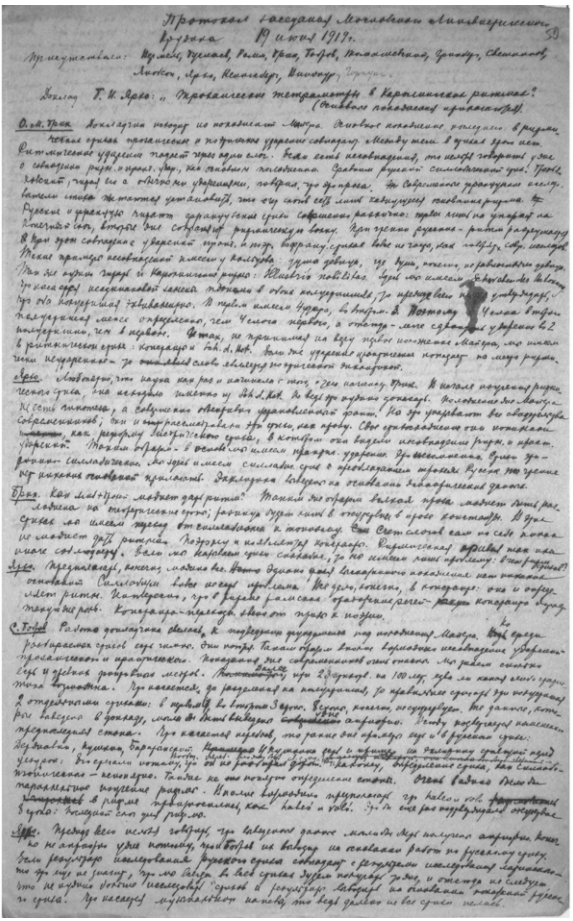

Таблицы из статьи Б. И. Ярхо «Т<ак> н<азываемые> трохаические тетраметры в каролингских ритмах» (1918)[1]

Во-вторых, из-за отсутствия переводов на другие языки о работах Ярхо до последних лет вообще мало кто знал. И даже в тех немногих отрывках и пересказах его работ, которые вышли по-английски, в основном представлена его методика «морфологического» (структурного) анализа, а не изложение количественных методов изучения литературы.

Между первым и вторым переводом Ярхо на английский прошло почти сорок лет (1977–2016)[2]. Только в 2016 году на английском языке была напечатана статья Гаспарова о Ярхо — почти через полвека после ее первой публикации по-русски и через 35 лет после ее практически незамеченного советского экспортного перевода на французский[3]. Англоязычная публикация, как и первая русскоязычная, тоже вышла в Тарту — в журнале «Studia

[1] Там же, л. 80.
[2] Yarkho 1977, 2016.
[3] Gasparov 1981.

Протокол заседания МЛК 19 июня 1919 года с обсуждением доклада Б. И. Ярхо «Трохаические тетраметры в Каролингских ритмах» [1]

Metrica et Poetica»,[1] где она предваряет комментированный перевод статьи Ярхо «Простейшие основания формального анализа» [2]. Лишь в 2019 году в «JLT: Journal of Literary Theory» был

[1] ИРЯ РАН, ф. 20, ед. хр. 2.II, № 9, л. 59. Рукопись; чернила. Протокол составлен Г. О. Винокуром и подписан вместо него на следующем листе (под «косой чертой») Б. В. Горнунгом.

[2] Gasparov 2016; Yarkho 2016.

опубликован перевод работы Ярхо «Распределение речи в пятиактной трагедии»[1] — этот спецвыпуск, посвященный московскому «Data-driven Formalism», подготовили Франк Фишер, Марина Акимова и Борис Орехов[2].

Другая упоминавшаяся работа Ярхо — «Комедии и трагедии Корнеля», имеющая подзаголовок «Этюд по теории жанра», — еще ждет своего переводчика. Напомню, что брошюра Джокерса, Моретти и соавторов «Квантитативный формализм» тоже посвящена проблеме различения жанров по количественным признакам. Многоязычному сообществу, сформировавшемуся вокруг Стэнфордской литературной лаборатории, было бы полезно ознакомиться с выкладками предшественника-первопроходца.

Нужны переводы и других работ Ярхо или хотя бы их фрагментов. Особый интерес представляет десятый параграф «Методологии», в котором показано, как элементарные статистические методы (построение вариационных рядов, вычисление диапазона вариации, кульминации, медианы, моды, среднего арифметического, среднего квадратичного отклонения и др.) могут быть применены к изучению литературы и какую они могут получить содержательную интерпретацию, то есть как они объясняют те или иные особенности литературной структуры или литературной эволюции[3].

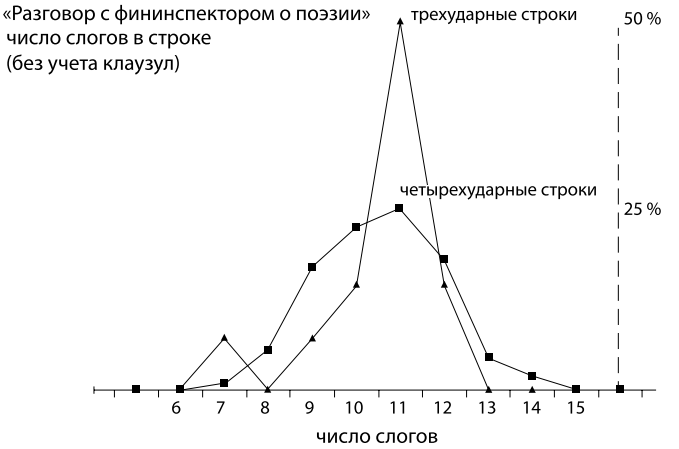
Так, Ярхо отмечает, что если мы при изучении вариативности «какого-нибудь фонического или стилистического факта получаем кривую, близкую к биномиальной» (то есть к кривой нормального распределения), «то можно почти с уверенностью сказать, что перед нами — факт языка, а не факт искусства». И, напротив, «когда строится кривая какой-нибудь действительно художественной формы, то она не совпадает с кривою <нормального распределения>, даже не приближается к ней, а бывает либо асим[м]етричной, либо эксцес[с]ивной»[4]. Приведу пример из работы об акцентном стихе Маяковского, которую я вскоре сдаю в печать[5].

Стихотворение Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» написано 4-иктным акцентным стихом, но в нем есть 3-ударные строки. Если бы они были не 4-х, а 3-иктными, их средняя слоговая длина была бы короче 4-иктных, а графики частот-

[1] Yarkho 2019.
[2] См. Fischer, Akimova, Orekhov 2019.
[3] Ярхо 2006: 117–206.
[4] Ярхо 2006: 161.
[5] Пильщиков 2022.

ности 3-ударных и 4-ударных строк разной слоговой длины имели бы вид колокола — кривой нормального распределения.

Действительно, как показывает график, составленный Сергеем Евгеньевичем Ляпиным при обсуждении докладов, положенных в основу моей статьи, кривая четырехударных строк соответствует нормальному распределению (по тесту Д'Агостино). Ситуация с трехударными строками сложнее. Как заметил еще Джеймс Бейли, трехударные строки в этом стихотворении стремятся быть *не короче* четырехударных, как бы подчеркивая свою четырехиктность[1]. Средняя длина трехударного стиха в «Фининспекторе» — такая же, как у четырехударных: 10,5 слогов (медиана — 11). Но при этом кривая трехударных строк не соответствует нормальному распределению. Однако если рассмотреть ее без учета финального семисложного трехударного стиха, то получится распределение, близкое к нормальному. Значит, финальную трехударную строку, нехарактерную для изучаемой выборки, предпочтительнее считать трехиктной, а все три ее ударения — схемными. Уловить эту разницу на слух можно, но обосновать методами структурного анализа текста не получается.

Маяковский, «Разговор с фининспектором о поэзии»:
Число 3- и 4-ударных строк разной слоговой длины
(без учета клаузулы)

[1] Бейли [1973] 2004: 285–286.

Такого же рода расчеты нужно произвести для всего корпуса стихотворений Маяковского — особенно раннего, где 3- и 4-иктные строки перемежаются гораздо более нерегулярно, чем у позднего Маяковского. Сделать такую работу вручную весьма затруднительно — нужен «мультимодельный» корпус с автоматическим наведением статистики, хранением и сравнением альтернативных гипотез метроритмической интерпретации текстов.

Ярхо считал, что исследование любой области формы идет индуктивно от анализа (то есть от выделения существенных признаков данного «литературного комплекса») к синтезу (то есть к статистическим операциям над сводными цифровыми показателями) и далее, через сравнение с другими литературными комплексами, к выводам о закономерностях в развитии и функционировании изучаемого явления. Условие успешного применения статистики — филологически корректный анализ структуры текста. С одной стороны, литературоведческому толкованию подлежат только те данные, которые получены путем объективного статистического исследования. С другой стороны (цитирую Ярхо), «принцип применения статистики таков: ни одна статистическая величина не вводится без морфологического анализа, то есть без проверки того, какие реальные литературные явления она отражает»[1]. Этой процедурной фундированности нередко не хватает современным Digital Humanities, чьи построения иногда вызывают впечатление методологически наивных.

Едва ли не главное значение работ Моретти — это реабилитация квантитативных литературоведческих исследований, возвращение интереса к ним и демонстрация их современных возможностей. В связи с этим, я полагаю, возникает необходимость обращения к научному наследию русского «квантитативного формализма». Ярхо, Томашевский и их последователи предложили массу ценных идей относительно того, какие аспекты литературного произведения и литературной эволюции можно квантифицировать, что и как можно считать и какие содержательные выводы можно сделать из полученных цифр. В 1960-е годы новые перспективы применения статистики к стиховедческому материалу открыл Андрей Николаевич Колмогоров. Его работы по вероятностно-статистическому анализу стиха были собраны под одной обложкой лишь недавно[2] и на иностранные языки —

[1] Ярхо 2006: 7.
[2] Колмогоров 2015.

при мировой известности Колмогорова — не переведены (в отличие от его математических трудов).

Последний момент, на котором я хотел бы остановиться, — это представление о том, что «быстрое, дистанцированное» чтение (distant reading) исключает «медленное, близкое» (close reading), что объектом науки о литературе может быть только «литература в целом» (как у Веселовского), а не отдельное произведение (тот же Штайнер справедливо подчеркнул в докладе на Стэнфордской конференции, что по своей методологии Моретти гораздо ближе к Веселовскому, чем к формалистам [1]). Действительно, в своей книге Моретти не стремится сочетать два типа чтения и охотно принимает определение собственного метода, которое предложил еще в 2002 году его критик Джонатан Арак — «new formalism without close reading» [2]. Однако многим ясно, что «эти две стратегии должны не противопоставляться, а дополнять друг друга» (по-русски об этом хорошо писал Борис Орехов, которого я только что процитировал) [3]. Я тоже убежден, что понимание отдельного произведения углубляется и уточняется при знакомстве с более широким и тем более со «сверхширокim» контекстом.

В книге «Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change» Тед Андервуд предлагает сравнение: «Не отвергая предыдущих шкал описания литературы, distant reading имеет потенциал расширить границы дисциплины — подобно тому, как биохимия расширила границы химии, открыв пути к более крупномасштабному анализу» [4]. Вряд ли Андервуд знал, что за восемьдесят лет до него химический троп употребил Ярхо, сравнивший себя с крупнейшим естествоиспытателем XVIII века — Лавуазье, который ввел количественные методы анализа и новую номенклатуру химических элементов, став основателем современной научной химии. Как пишет Ярхо:

> «Кладя количественный учет и микроанализ в основу исследования, я только предлагаю сделать для литературоведения то, что полтораста лет тому назад сделал Лавуазье для химии, и не сомневаюсь, что результаты не заставят себя ждать» [5].

---

[1] Steiner 2017.
[2] Arac 2002: 38; Moretti 2013: 65, 118.
[3] Орехов 2017: 36.
[4] Underwood 2019: xviii.
[5] Ярхо 2006: 7.

В свою очередь, сравнение с Лавуазье является поздним эхом давней химической метафоры в полемике формалистов с марксистами. Резко негативная статья Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм», впервые опубликованная в июле 1923 года в «Правде» и затем вошедшая в его книгу «Литература и революция», начиналась комплиментом:

> «…формальная школа есть первая научная школа искусства. Усилиями Шкловского — заслуга не маленькая! — теория искусства, а отчасти и само искусство из состояния алхимии переведены наконец на положение химии» [1].

Алхимия, химия, биохимия — отличная метафора и, по-моему, привлекательная перспектива для гуманитарных наук.

2. Обсуждение доклада [2]

Василий Львов. Я нахожусь в положении стрекозы, которая отпускает комментарии насчет муравьиной работы Ярхо, потому что я всё-таки ближе к Опоязу. Но Опояз нуждается в канонизации Ярхо, потому что сегодня Опояз сам канонизован. Возвращение, возрождение Опояза может произойти, только когда акцент сместится на квантитативный формализм. Очень важный вопрос, который поднял в своей недавней книге Галин Тиханов, — это вопрос о том, как действуют «режимы актуальности», «regimes of relevance» [3]. Ведь и раньше можно было говорить о квантитативных исследованиях (что вы, Игорь Алексеевич, с вашими коллегами и делали), но действительно понадобилось, чтобы прошло почти десять лет после публикации книги Моретти, чтобы теперь эта тема стала популярной, обсуждающейся в ведущих западных вузах.

Теперь о поэзии, изучении стиха в связи с тем, что distant reading в значительной степени игнорирует этот аспект. Если

[1] Троцкий 1923: 119.

[2] Реплики выступающих незначительно отредактированы и сокращены — в основном за счет повторов, оговорок и уточнений, неизбежных в живой дискуссии. Сокращения в транскрипте не обозначены. Полная видеозапись семинара доступна на YouTube-канале Пушкинского Дома (см. список первых публикаций бесед в конце книги).

[3] Tihanov 2019.

мы посмотрим сегодня на поэзию в Соединенных Штатах, то поэзия-то есть, а вот со стихом большие вопросы. Сами стихотворения, хотя и называются poems, часто вообще, кажется, больше поддаются изучению с точки зрения риторики, а не поэтики. Это еще один пример regimes of relevance. Я веду к тому, что опоязовцы называют «литературным фактом», — и здесь, мне кажется, важнейшее различие: опоязовцы всё-таки изучали не литературу, а литературность. Этим они колоссально отличаются от Моретти и от Ярхо.

Мне кажется, всё это связано еще и с вопросом о смене коммуникативных парадигм. Например, «необычность» — понятие романтическое, и выделение искусства на фоне прочих антропологических отраслей, как сказал бы Михаил Ямпольский, весьма проблематично. Опираясь на опыт Средневековья, против оригинальности и новаторства как квинтэссенции искусства возражал Умберто Эко. А Маршалл Маклюэн говорит о смене парадигм, связанных с превалирующей устной культурой, которая сменяется письменной, потом печатной (и, наконец, электронной), — в каждой из этих парадигм восприятие мира и искусства разное. Если очень упрощать, индивидуализму письменного человека и его искусства противостояло коллективное искусство и сознание устной эпохи, когда письменность еще только овладевала умами цивилизации, а сегодня противостоят мироощущение и искусство электронной эры, преодолевающей и подавляющей структурные особенности эры письменности и в частности гутенберговского ее периода. Так вопрос о смене коммуникативных парадигм связывается с вопросом о regimes of relevance.

И есть еще один вопрос, который является пробным камнем для цифровой гуманитаристики, — это вопрос о комическом. Например, подвижность действия, вместе с другими признаками, которые выделяет Ярхо, не очень помогает определить жанр, когда мы говорим о таких произведениях, как, например, «Чайка» Чехова. Если мы берем не романтизм, не классицизм, а, скажем, комедию наподобие комедии Дэвида Линча, то там подвижности почти нет, ей свойственна статика. Получается, что прежде чем просчитывать что-либо, понадобится «медленное чтение». Здесь возникает проблема того, что в квантовой физике называют «эффектом наблюдателя». Очень сложно отделить человека, который читает текст, от самого текста. Опоязовцы называли это «литературным фактом», Маршалл Маклюэн это назвал бы *sensus communis*, я бы это называл общим перцептивным

знаменателем. Как быть с этим? Цифровые гуманитарии в Америке говорят об океане больших данных, о том, что невозможно не только медленно всё это прочесть, но и даже как-то вникнуть, и уже некоторое время пишут о так называемых *computhors*, «компьютерных авторах». А можно ли говорить о компьютерных читателях, и вместо *comprehension* (понимания) говорить о *compuhension*?

Игорь Пильщиков. Совершенно верно, вопрос о литературном факте, то есть о том, что является литературой (в одну эпоху одно, а в другую — другое), этот вопрос не решается ни при подходе Ярхо, ни при подходе Моретти и Джокерса. Когда Ярхо показывает, что один тип трагедии чем-то отличается от другого типа трагедии, и один тип он называет «романтическим», а другой «классическим», то можно задать простой вопрос: а откуда ты знаешь, что он классический, а не барочный, например? Тот же Галин Тиханов при обсуждении этих вопросов подчеркнул, что в некотором смысле Ярхо и Моретти не вполне индуктивисты[1]. Они берут некоторые готовые знания из культуры о том, что это есть викторианский роман, это есть классическая трагедия, это есть трагическое, и т. д. Ярхо это делает эксплицитно, когда берет за основу анализа трагедии самообъяснения Корнеля. И тогда это не чистая индукция. Тогда это дедукция из положений, отрефлексированных культурой или другими исследователями, которые занимаются вопросом о том, как литературный факт определяется литературным бытом и другими социальными рядами. Здесь мы сталкиваемся с очень важной проблемой, ответа на которую человечество пока не сформулировало: типы и границы эмпиризма.

Борис Орехов. Я безусловно разделяю основной тезис о том, что Ярхо предвосхитил Моретти задолго до появления самого термина *distant reading*, и даже в свое время в 2018 году на главной конференции по Digital Humanities у нас был совместный доклад с Инной Кижнер, Мелиссой Террас и Львом Мановичем о том, что это именно так[2]. Скоро должна выйти наконец уже довольно сильно припозднившаяся (на несколько лет) книжка «Global Debates in Digital Humanities», где мы еще раз повторяем идею о том, что квантитативный формализм — это незаслужен-

[1] См. Pilshchikov 2020: 29.
[2] Kizhner et al. 2018.

но забытый методологический предшественник современных Digital Humanities[1].

Но у меня есть и несколько скептических замечаний. То, что многими сейчас принимается как несомненное, мне не всегда кажется таковым. В современном дискурсе Digital Humanities Моретти играет такую же роль, как Маркс-Энгельс-Ленин в советской историографии. На него обязательно дают ссылки, и при этом мы некритически принимаем идею о том, что он совершил нечто такое же революционное, что можно сопоставить с ролью классиков марксизма с своей сфере. Но, на мой взгляд, это преувеличение. Основная заслуга Моретти, конечно же, в том, что он придумал *слово*. Словосочетание *distant reading*, действительно, аккумулировало в себе некоторые концептуальные линии, которые вообще-то существовали до него. Но если исключить идею, что дарование имени — это установительный мифологический акт, то роль Моретти в нынешней истории Digital Humanities мне, честно говоря, не кажется содержательно такой уж важной. Игорь Алексеевич говорит о реабилитации квантитативных методов и роли Моретти в пропаганде этих идей, но я подозреваю, что без Моретти это бы тоже случилось рано или поздно. Например, конференция по Digital Humanities, о которой я говорил, проводится с 1989 года[2]. Количество людей, которые привлечены на эту конференцию, неуклонно растет год от года, и, как кажется, это следствие некоторых больших трендов, которые неизбежно привели бы к этому результату. Может быть, Моретти немножко подтолкнул этот процесс, может быть, он дал какие-то дополнительные элементы языка для того, чтобы об этом говорить, но, на мой взгляд, его роль совершенно не исключительна, и реабилитация квантитативности шла стихийно, сама собой. Может быть, Моретти просто оказался в нужное время в нужном месте и с нужным словом.

Еще одно скептическое замечание. Для меня совершенно неочевидно, что уяснение методологических конфигураций формализма полезно для современной цифровой гуманитаристики, как об этом пишет и говорит Игорь Алексеевич. (Кстати, лично мне кажется, что «цифровая гуманитаристика» — это по разным причинам неудачно звучащее по-русски словосочетание.) Я очень люблю приведенную в докладе цитату из Ярхо о том, что все рас-

[1] Kizhner et al. 2022.

[2] https://adho.org/conference

четы должны иметь литературоведческий смысл. Здесь есть одно важное следствие: лучшие исследовательские вопросы, которые можно задать, используя для ответов квантитативные методы, не масштабируются. Те вопросы, которые имеют литературоведческий смысл, — это, чаще всего, вопросы, которые связаны с какими-то конкретными кейсами. Это и есть проблема, которая встает на пути заимствования позитивного опыта формалистов в современные Digital Humanities.

И. П. На вопрос об актуальности формализма я бы ответил следующим образом. Русский формализм, как писал Питер Штайнер, не является научной парадигмой[1] в смысле единой исследовательской программы, единой методологии и единого философского базиса[2]. Формализм, по определению Штайнера, это «межпарадигматическая стадия» при переходе от классического позитивизма к следующим парадигмам гуманитарного знания, прежде всего, к пражскому структурализму[3]. Важно, однако, что все формалисты думали об одном и том же и находили общий язык друг с другом, хотя разделяли далеко не все мысли и убеждения друг друга. По крайней мере, в области изучения стиха и в области изучения жанра мы очень многое можем найти в работах, которые считаем принадлежащими к формальной школе; поставленные формалистами проблемы остаются в центре внимания. В частности, все мои предложения по исследованию ритмики стиха и фонов, на которых она исследуется, непосредственно восходят к идеям, сформулированным в одном докладе Томашевского и его обсуждению в МЛК. Я предлагаю пользоваться конкретными инструментами, которые там можно найти, но для того, чтобы можно было ими воспользоваться, нужно понять, что значат слова, которые употребляли формалисты. Даже знакомые нам термины они употребляли по-другому, и если мы не реконструируем контексты этих полемик, точку зрения и позицию каждого из спорящих, мы просто не поймем, что это за инструмент. В этом смысле русский формализм — не как исследовательская парадигма, а как набор исследовательских задач и разных способов и методов их решения, — несомненно актуален. Но не русский формализм «в целом», по той простой причине, что у него слишком много ликов

[1] См. Kuhn [1962] 1970.
[2] Steiner 1982.
[3] Steiner 1984: 269.

и граней. Никакого единого русского формализма не существует. Формализм — это проблемное поле, это повестка, agenda. И реактуализация отдельных смыслов этой повестки позволяет увидеть брошенные в том культурном слое инструменты, которыми еще очень даже можно пахать.

Антонина Мартыненко. Меня удивило, что для Ярхо биномиальное и нормальное распределение — это одно и то же распределение, которое он выводит из бинома Ньютона. Однако для современной статистики это два разных распределения. В докладе сейчас прозвучало, что мы буквально должны взять «Методологию» Ярхо как настольную книгу, но действительно ли Ярхо должен быть нашим ориентиром, когда мы моделируем и интерпретируем статистические параметры? Или все-таки первое, что необходимо сделать, — это понять исторический контекст, понять, что стоит за каждым из этих терминов и только потом придумывать наш собственный дизайн экспериментов и то, как мы слишком большую теорию Ярхо о том, как формализовать вообще все на свете, применим в наших конкретных экспериментах и теориях? Мне кажется, это очень важно, потому что сама статистика ушла очень далеко вперед, или, по крайней мере, очень изменилась. Все термины, которые используют Ярхо или Томашевский, — это несколько иная статистика, чем та, которой мы пользуемся сейчас.

Еще у меня есть комментарий по поводу comprehension и close reading в противовес дальнему чтению и compuhension. Мне кажется, очень сложно представить, что действительно может быть какое-то компьютерное понимание текста. Когда мы что-то моделируем и пытаемся извлечь из этих моделей смыслы, это не значит, что компьютер что-то понимает; это всё еще человек, который пытается с помощью чисел понять некоторые тексты. Поэтому наиболее продуктивен такой подход, который соединяет близкое и дальнее чтение, и не может быть какого-то дальнего чтения, где компьютер всё поймет за нас, к сожалению или к счастью.

Андрей Добрицын. Биномиальное распределение переходит в нормальное при большом n; возможно, Ярхо это имел в виду.

И. П. Да, но в принципе, у Ярхо многие статистические термины употребляются не в современном смысле, как и многие биологические. То есть «просто так» читать все эти тексты нельзя. Точно так же, как невозможно просто открыть «Проблему стихо-

творного языка» Тынянова, прочесть ее безо всякой подготовки и понять, о чем там говорится. При первом прочтении этот текст совершенно герметичен. Разумеется, у Ярхо есть много статистических методик, которые устарели, и есть ошибки в подсчетах, что неудивительно, учитывая, что он считал вручную и — частично — в тюрьме и ссылке. Но я думаю, что правильно поставить вопрос гораздо важнее, чем дать на него правильный ответ, потому что ответы уходят, а вопросы остаются. Под инструментом я, конечно, имею в виду правильную постановку вопроса.

То, что написал Ярхо, мы старались прокомментировать[1]. Не только в области биологии и математики, но даже в таких областях, как сравнительное литературоведение или теория стиха, очень многие вещи требуют историко-научного комментария и переосмысления. Нужно вводить их в новый контекст. Вопрос в том, есть ли им место в новом контексте или это интерес чисто историографический. Я исхожу из того, что интерес не чисто историографический. А читать эти тексты «просто так» невозможно, поэтому издавать тексты 1910-х, 1920-х и 1930-х годов без комментария, за что ратуют некоторые гуманитарии, — неправильно, потому что непонятно, что мы читаем. Это как читать тексты, написанные на одном языке, думая, что читаешь на другом, — ошибка одного персонажа Вольтера, который перепутал язык и выучил португальский вместо испанского.

Артём Шеля. У меня комментарий к реплике Бориса Валерьевича по поводу значения индивидуального человека в истории — о значении Моретти для всего того, чем мы занимаемся. Мне кажется, безусловно, что по концептуальной ясности, если не по методологической точности, такой книжки, как «Distant Reading», не было написано. Как Игорь Алексеевич и говорил, Моретти соединяет три традиции, которые никогда с такой концептуальной силой не соединялись: марксизм, эволюционизм и количественный или «протоколичественный» формализм.

Что мне кажется очень любопытным, так это обсуждение исторического зеркала, в которое смотрят современные цифровые гуманитарные науки. Я бы даже не объединял их всех под одну крышу, а скорее бы говорил отдельно о количественном или вычислительном литературоведении, чтобы подчеркнуть, что в Digital Humanities есть и археологи, и историки, и люди, изучающие но-

[1] Ярхо 2006: 611–807.

вые медиа, и другие самые разные исследователи. Сейчас набирает популярность словосочетание *Computational Literary Studies* — опять же, как это часто бывает, не в последнюю очередь с подачи критиков этого направления, начиная с известной статьи Нан Чжан Да, вышедшей два года назад в «Critical Inquiry»[1]. В докладе Игоря Алексеевича и в вышедшем недавно номере «Russian Literature» показано, что количественный формализм вырастает из «неправильно» прочтенных опоязовцев. Вернее, прочтенных не то чтобы неправильно, но в условиях очень ограниченной информации о формализме, которая была у западных коллег. Но несмотря на то что западные коллеги читали «не тех» формалистов, всё равно их предшественники были недалеко, они были где-то там рядом. Это парадоксальная борхесовская ситуация: не предшественники «предшествуют», а, наоборот, люди, формулирующие новые идеи, находят в прошлом своих предшественников.

Действительно, то, что происходит сейчас с литературоведением, ближе к собственно морфологическому анализу литературы (линия Веселовского, Ярхо, Томашевского и русского статистического стиховедения), чем к опоязовцам, чьи идеи об остранении, о доминанте очень прочно связаны с тем, что происходит у человека в голове. Несмотря на то, что опоязовцы отграничили себя от психологии, они опирались на психологические идеи, как это показано в известной книге Илоны Светликовой[2]. Поэтому опоязовцы намного ближе к современным когнитивным исследованиям, хотя современной когнитивной эстетике (так называемой эмпирической эстетике) часто не хватает формализма и знания об автономном устройстве литературных произведений.

Анастасия Белоусова. Я совершенно не согласна с идеей Бориса Орехова о незначительной роли Моретти. Скажем, в латиноамериканской гуманитарной научной среде идеи квантитативных исследований были долгое время совершенно дискредитированы, структурализм воспринимался как что-то устаревшее, не модное. Общая парадигма была совершенно иной. Я не знаю, чьи работы пышным цветом расцветали в исследованиях литературы (в отличие от корпусной лингвистики), особенно за пределами русской традиции.

[1] Da 2019.
[2] Светликова 2015.

Что сделал Моретти? Он стал говорить о квантитативных методах на языке последних десятилетий гуманитарной науки. И когда латиноамериканский гуманитарный студент, который читал французских социологов и французских постструктуралистов, читает Моретти, он понимает, о чем Моретти ему говорит, он говорит об интересных ему вопросах. Наверное, Моретти сейчас уже примитивен по сравнению с новейшими достижениями, но, мне кажется, его роль связана не с тем, что ему просто повезло, и по какому-то прекрасному стечению обстоятельств его волна вынесла. Мне кажется, он сумел замечательным образом концептуализировать и соединить разные вещи и, таким образом, квантитативная тенденция, действительно, приобрела мировой масштаб.

И. П. Мне кажется — я пытался это сформулировать аккуратно, — что Моретти, с одной стороны, методологически эклектичен (то есть здесь я скорее согласен с Борисом, чем с Артёмом), а с другой стороны, при этом чрезвычайно важна его роль как популяризатора: пробить косность гуманитариев — это вещь практически недостижимая, а ему это удалось (и тут я полностью согласен с Анастасией Белоусовой). Вспомните вообще, где все эти полемики, которые я успел упомянуть, проходили — это же «New Left Review». Представьте себе, чтобы в какие-нибудь семидесятые годы на страницах журнала «Коммунист» шли бы полемики о формалистской и марксистской интерпретации истории искусства. Причем всерьез, а не так, как это бывало. Кроме того, я всегда ищу в текстах постановку вопроса, а не ответы. В этом смысле мне важнее понять логику самого исследователя, чем получить оттуда конкретные цифры. То, что я называю инструментом, — это именно логика, взгляд на вещи, который иногда называют оптикой, но это, конечно, не оптика, это какой-то такой набор… это даже не набор отмычек, а набор идей, когда и где можно стащить отмычку, которую можно потом использовать для того, чтобы стащить что-нибудь еще, если воспользоваться уголовной метафорой Карло Гинзбурга. Но у Гинзбурга исследователь работает как следователь[1], а я пробую думать об исследователе как о человеке, который уворовывает воздух культуры и что-то из него делает.

Артем Шеля. Безусловно, методологически Моретти наименее интересен. Если взять любую книжку, связанную с ко-

[1] Гинзбург [1979] 1994.

личественным моделированием литературы, которая вышла за последние пару лет, там будут просто несопоставимые вещи. Дальше базовой дескриптивной статистики Моретти не идет, но концептуально его роль сложно отрицать. Он такого переполоха навел среди западных левых, что они до сих пор пытаются все количественные исследования вернуть назад в русло критической теории, но с переменным успехом. Что касается инструментов, того, что мы говорили о Ярхо и статистике, устаревшей статистике, новой статистике и так далее: с одной стороны, я согласен с Антониной, с другой стороны, и с Игорем Алексеевичем тоже, потому что многие работы, связанные с Computational Literary Studies, не доходят даже до того уровня статистики, который был у Ярхо. В этом смысле мы немного испорчены доступностью готовых инструментов и способом порождения знания с помощью готовых инструментов. Я имею в виду сейчас не концептуальные позиции, не умение задавать вопросы, а именно готовые способы моделирования текстов. «Одна из ближайших книг», которая, как считал Ярхо, должна быть написана, — это «Происхождение литературных видов»[1]; но перед тем, как она будет написана, нужна книжка «Статистика для литературоведов». Я думаю, что прыжок через статистику в моделирование и машинное обучение был преждевременным: он отучил нас думать о гипотезах и точно формулировать наши представления о тексте. Мне кажется, надо написать такую книжку до того, как начинать большие проекты по изучению и моделированию литературной эволюции.

Вера Полилова. Игорь Алексеевич, как вам кажется, есть ли шанс у стиховедческих исследований преодолеть свою маргинальность на этой волне нового интереса к квантитативности? Мой вопрос пересекается с докладом Бориса Орехова, который неделю назад многие слушали в Высшей школе экономики[2]. Борис Валерьевич говорил о том, что союз стиховедения и Digital Humanities еще не состоялся. Как вы, с оптимизмом смотрите в будущее? И есть ли шанс у русской школы на то, чтобы влиться в мировую науку не в роли тех, кто много чего знает, но кого никто не слушает, а в роли кого-то, кто может действительно повлиять на развитие мировой науки? Или это маловероятно? Прости-

[1] Ярхо 2006: 302.
[2] Орехов 2021.

те, может быть, это слишком политический вопрос, но интересно, что вы думаете как человек, который хорошо знает мировую научную конъюнктуру.

И. П. Я не знаю ответа, потому что это зависит от самых разных факторов. Я занимался тем, чем сейчас занимаюсь, и тогда, когда это было совершенно непопулярно, и когда по этому поводу крутили пальцем у виска. Я помню, как, например, квантитативный нео-формализм журнала «Philologica» симпатизирующий критик Глеб Морев назвал маргинальным литературоведением — в том смысле, что это всё далеко от мейнстрима. Сейчас многое из того, что мы говорили тогда, кажется совершенно очевидным. Те люди, которые пытались ввести корпуса и электронные библиотеки в контекст современной русской академической жизни (а здесь присутствуют те, кто были в самом начале этого пути), помнят, как на все попытки завести разговор об электронных книгах слушатели отвечали: «а зачем нужна электронная книга, у меня всё стоит на полке дома!» Всё это я помню живо, а это не такое уж далекое прошлое. Куда сейчас пойдет тренд, непонятно, потому что, с одной стороны, всё математизируется, но никто же ничего не считает, никто никакой статистикой не владеет, есть готовые программы и для обработки текста, и для подсчета чего бы то ни было. Критический взгляд на вещи уходит, потому что гиперкритицизм современных ultra left, которые вообще доминируют в мировом дискурсе всё больше и больше, в действительности абсолютно некритичен, поскольку его критика направлена на всех вокруг, но не на самого себя, а это очень непродуктивно для гуманитарной мысли. Кроме того, такие «мыслители» попросту невежественны, так же, как и те марксисты, которые громили формалистов (плохи они были не тем, что были марксисты, а тем, что они были невежественные идиоты). Сомнение — это основа познания, как мы помним из Декарта. Но от того, что мы кинем с парохода современности еще 150 памятников, наше понимание истории не станет лучше. Литературоведение неотделимо от социологии литературоведения и от общих политических раскладов — но ведь так всегда было. Раньше славистика кормилась при советологии, а теперь при ком?

Анастасия Белоусова. Это также зависит и от нас, от наших действий. Я только что опубликовала работу о том, как чешский

структурализм пришел в Латинскую Америку и сумел определить некоторые важные линии развития литературоведческой мысли во многом благодаря конкретным людям и конкретным переводам, которые были сделаны и опубликованы в нужный момент[1]. Сейчас идет волна, и важно, пользуясь ею, говорить везде, где можно, о стиховедении, о Ярхо, о наших методах. Я думаю, это даст продуктивные результаты.

Сергей Ляпин. У меня, Игорь, к вам частный вопрос, но, по-моему, он связан со всеми обсуждавшимися проблемами: как вы относитесь к фигуре Колмогорова? Есть важное противопоставление, которое было осознано только Колмогоровым: противопоставление наивного методологического эклектизма и методологической осторожности. Квантитативные методы часто понимаются, особенно людьми, далекими от статистических методов, как нечто объективное. Мол, гуманитарный подход — субъективный, там интуиция, а тут мы якобы сразу получаем какой-то объективный результат, которому мы должны верить. Таких никому не нужных методов и результатов — с позволения сказать, мусора — очень много в квантитативном стиховедении. К сожалению, этим грешили даже такие замечательные исследователи, как Томашевский, Ярхо, Гаспаров, причем Гаспаров, как и Томашевский, говорил: «Надо знать, что считать. Нельзя считать все подряд, получится ерунда». Но и у него тоже иногда подсчет «говорит сам за себя» и расходится с интуицией исследователя. Когда сходится, как, например, в исследовании дольника, то у Гаспарова получается превосходный результат, а когда расходится, возникают мифы. Мифы, с которыми надо воевать.

Колмогоров интуитивно прекрасно чувствовал стих; это сразу отметил Жирмунский, это известно[2]. И также он замечательно чувствовал число. Это неудивительно, потому что его статистические работы известны на весь мир. Вот такая интуиция необходима и при работе с числом. В замечательном исследовании пушкинского «Ариона»[3] Колмогоров прямо говорит: и помимо всяких вычислений видно, что, когда Пушкин концентрирует полноударные строки, это выразительный прием. Он это говорит

[1] Belousova 2021.
[2] См. Колмогоров 2015: 7.
[3] Колмогоров 1984.

без проверки, у него просто не хватало времени, чтобы заняться этой статистикой. Но то, что он обнаружил в одном стихотворении благодаря своей гуманитарной и числовой интуиции, впоследствии подтвердилось на материале «Евгения Онегина» и поэм Пушкина. Многое из того, о чем Игорь говорил в докладе о стихе Маяковского и что мы обсуждали с Игорем по поводу стихотворения «Разговор с фининспектором», Колмогоров увидел даже без специальных подсчетов в ранних поэмах Маяковского. Когда статистика подтверждает такие интуитивные предположения, сделанные человеком, который в одном лице объединяет гуманитария и математика, чувствующего статистику, это производит сильнейшее впечатление.

И. П. Нам сейчас не хватает математика такого уровня, как Колмогоров, для того чтобы решать текущие проблемы. Колмогоров как стиховед существовал в диалоге с тогдашним стиховедением. Он прочел книги Андрея Белого, Томашевского и Шенгели[1] и нашел в ранних работах Тарановского и Гаспарова некоторое количество элементарных ошибок[2]. Затем Колмогоров исправил методику Томашевского, объяснил Гаспарову и Тарановскому, что бывают различия статистически значимые и статистически незначимые и что не всякое усреднение корректно, и убедился в том, что тот круг проблем, которые стиховеды успели очертить, требует очень простой математической статистики. Не потому, конечно, что Колмогоров не знал чего-то в статистике и теории вероятностей. Но многих вещей, которые он мог бы сделать, он не сделал, потому что, помимо своей стиховедческой интуиции, он доверял существовавшей стиховедческой теории, а стиховедческая теория к тому времени во многих отношениях, особенно в том, что касается неклассической метрики, делала только первые шаги.

Статья Гаспарова о дольнике, перевернувшая все представления о русской метрике, была опубликована в 1968 году[3]. До этого никакой широкой концептуализации дольника не было. Не был четко поставлен вопрос о том, есть ли граница между более и менее свободным акцентным стихом или это чистый континуум. Это не зна-

[1] Белый 1910b; Шенгели 1923; Томашевский 1929.

[2] Колмогоров, Прохоров 1963: 85 примеч. 3; Гаспаров 2000b: 419; Успенский 2002: 622.

[3] Гаспаров 1968.

чит, что мне нравятся все ответы Гаспарова на этот вопрос, но он его поставил. И по состоянию на 1974 год, когда вышла первая книга Гаспарова о русском стихе [1], никакой общепринятой стиховедческой теории неклассических метров просто не было. Неудивительно поэтому, что то, что Гаспаров пишет о классическом стихе, мы с какими-то оговорками принимаем до сих пор, но всё, что он пишет о неклассическом стихе, это либо глубокие инсайты, либо глубокие заблуждения, причем часто они находятся рядом на одной и той же странице и противоречат друг другу. Когда Гаспарову указывали на эти противоречия, он говорил, что главное сейчас — дать какие-то формулировки, а дальше будем разбираться.

Это действительно важно — разбираться дальше. Как всегда подчеркивает Сергей Евгеньевич, не нужно брать на веру ни цифры, ни таблицы, ни тот факт, что нечто сказали Гаспаров или Тарановский. Всё нужно проверять. Но современное литературоведение принципиально отстает и от современной лингвистики, и от современной математики, а этого не было ни в 1910-е, ни в 1920-е и 1930-е годы. Тогдашний формализм и структурализм находились, несомненно, на уровне и лингвистики, и статистики своего времени, это была передовая наука. И сегодня нам нужна триада «литературоведение + лингвистика + математика», о которой Юрий Михайлович Лотман писал в своей известной статье «Литературоведение должно быть наукой» [2]. (Заглавие дано редакцией «Вопросов литературы», но в общем, оно вполне правильное.) Вроде бы звучит банально, но этого не понимают или не принимают большинство наших коллег. Литературоведы не знают математики, а математики ничего не смыслят в литературоведении, и когда берутся за него, часто говорят ерунду, потому что не знают, что считать. Похожие отношения установились между лингвистикой и стиховедением: напомню о недавней статье Дмитрия Сичинавы, в которой рассказывается о том, как позднеструктуралистское стиховедение в лице Гаспарова не встретилось с позднеструктуралистской акцентологией в лице Зализняка, хотя эти люди друг друга прекрасно знали и друг с другом общались [3]. Давайте превратим наше общение в новое знание.

---

[1] Гаспаров 1974.
[2] Лотман 1967.
[3] Сичинава 2020.

Первые публикации бесед, включенных в настоящее издание

1. Digital Humanities — это что-то новое или мы уже давно этим занимаемся? Интервью с Игорем Пильщиковым / Беседовал Михаил Маяцкий // Логос. 2015. Т. 26, № 2 (104). С. 14–36.
2. Игорь Пильщиков: «У цифровой филологии большое будущее» / Разговор: Кирилл Головастиков, Ирина Калитеевская // Арзамас. [2016. 29 сентября.] http://arzamas.academy/materials/1161
3. Рутения на проводе: Игорь Пильщиков (РВБ, ФЭБ) / Роман Лейбов // Ruthenia. 2018. 18 марта. http://ruthenia.ru/document/553049.html, https://youtu.be/dDa7S7e96Mo Транскрипт беседы публикуется впервые. Редакторы транскрипта: Мария Нестеренко и Вера Полилова.
4. «Пригов в Пизе показал мне, после какой секции начинает искривляться Пизанская башня»: Интервью с филологом Игорем Пильщиковым / Мария Нестеренко // Горький. 2020. 10 апреля. https://gorky.media/context/prigov-v-pize-pokazal-mne-posle-kakoj-sektsii-nachinaet-iskrivlyatsya-pizanskaya-bashnya/
5. Библиотеки цифровые и бумажные двадцать лет спустя: Интервью с Игорем Пильщиковым / [Михаил Маяцкий] // Logos Review of Books: Рецензионное приложение к философско-литературному журналу «Логос». 2020. № 2. С. 46–48.
6. Информация должна распространяться свободно: Интервью с Игорем Пильщиковым / Елена Пенская // Троицкий вариант — Наука. 2021. 6 апреля. № 7 (326). С. 10–11. (Сокращенный вариант). Полный вариант интервью опубликован в интернет-версии газеты: https://trv-science.ru/2021/04/penskaya-pilshchikov/
7. Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник Digital Humanities / И. Пильщиков // Online-семинар «Актуальные проблемы филологических исследований» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, С.-Петербург) / Ведущие: А. Бодрова, С. Гуськов; в обсуждении участвовали В. Львов, А. Мартыненко, Б. Оре-

хов, А. Шеля [и др.]. 2021. 15 сентября. https://www.youtube.com/watch?v=6jacBTcw2Lo Текст доклада и транскрипт обсуждения публикуются впервые. Редактор транскрипта: Юлия Свищёва.

Библиография

Автономова 2011 = *Автономова Н. С.* Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

Алексеев 1966 = *Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» // Временник Пушкинской комиссии, 1963. Л.: Наука, 1966. С. 31–47.

Баршт и др. 2012 = *Баршт К. А., Райхель Б. С., Соколова Т. С.* О методе цифровой спектрофотометрии в изучении рукописи писателя (на примере «Сибирской тетради» Ф. М. Достоевского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 4. С. 20–44.

Батюшков 1817 = Опыты въ стихахъ и прозѣ Константина Батюшкова. СПб.: Въ тип. Н. Греча, 1817.

Бейли [1973] 2004 = *Бейли Дж.* Акцентный стих в стихотворении В. В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» [1973] // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 280–290.

Белый 1910a = *Бѣлый А.* Мысль и языкъ (философія языка А. А. Потебни) // Логосъ. 1910. Кн. 2. С. 240–258.

Белый 1910b = *Бѣлый А.* Символизмъ: Книга статей. М.: Мусагетъ, 1910.

Бендерский 2018 = *Бендерский И. И.* История изданий «Войны и мира». Магистерия, [2018]. https://magisteria.ru/war-and-peace/history-of-editions [Печатное изд. лекции в составе кн.: *Бендерский И. И.* «Война и мир». От замысла к мифу. 8 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2021.]

Библиография 2017 = Список опубликованных работ Игоря Алексеевича Пильщикова (с 1988 по 2017 гг.) // Зборник Матице Српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2017. Књ. 92: Verba volant, scripta manent. Фестшрифт к 50-летию Игоря Пильщикова. С. 769–800.

Богомолов 2017 = *Богомолов Н. А.* Ранние стиховедческие идеи Б. В. Томашевского // Die Welt der Slaven. 2017. Jg. 62, H. 1. S. 42–55.

Бодрова, Пильщиков, 2013 = *Бодрова А. С., Пильщиков И. А.* Проблемы корпусного подхода к задачам авторской лексикографии // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013. С. 59–61.

Бонди [1930] 1978 = *Бонди С. М.* «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла…» // Бонди С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С. 11–25.

Бродский [1986] 2001 = *Бродский И.* Из заметок о поэтах XIX века / Пер. с англ. Л. Лосева [1986] // Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. VII. С. 102–104.

Бродский [1987] 2003 = *Бродский И.* Лица необщим выраженьем: Нобелевская лекция [1987] // Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. Т. VI. С. 44–54.

Бродский 2000 = *Бродский И.* Большая книга интервью / Сост. и фотографии В. Полухиной. М.: Захаров, 2000.

Вельмезова и др. 2020 = *Вельмезова Е., Кулль К.* «Академическая мобильность» Франко Моретти // Универсалии русской литературы. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. Вып. 8. С. 28–38.

Веселовский 1913 = Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Сер. 1: Поэтика. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1913. Т. 1: Поэтика (1870–1899); Т. 2, вып. 1: Поэтика сюжетовъ (1897–1906).

Винокур [1944] 1990 = *Винокур Г. О. Я* и *ты* в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) [1944] // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика М.: Наука, 1990. С. 241–249.

Винокур 1981 = *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии) [1944–1946] // Проблемы структурной лингвистики 1978. М.: Наука, 1981. С. 3–58.

Винокур 1990 = *Винокур Г. О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир. Вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира. М.: Наука, 1990.

Гаспаров 1968 = *Гаспаров М. Л.* Русский 3-ударный дольник XX в. // Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 59–106.

Гаспаров 1969 = *Гаспаров М. Л.* Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1969. Вып. 236. С. 504–514. (Труды по знаковым системам; IV).

Гаспаров 1974 = *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974.
Гаспаров 1979 = *Гаспаров М. Л.* Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10. С. 26–27.
Гаспаров 2000a = *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Гаспаров 2000b = *Гаспаров М. Л.* К. Тарановский — стиховед // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–419.
Гаспаров 2003 = *Гаспаров М. Л.* «Рифмованная проза драм Хротсвиты» — неизданное исследование Б. И. Ярхо // Arbor mundi. 2003. Вып. 10. С. 165–186.
Гегель 1935 = *Гегель* [*Г. В. Ф.*] Сочинения. Т. 8: Философия истории / Пер. под ред. А. М. Водена. М.: Соцэкгиз, 1935.
Гинзбург [1979] 1994 = *Гинзбург К.* Приметы: Уликовая парадигма и ее корни [1979] / Пер. с ит. С. Л. Козлова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С 27–61.
Горный, Визель 2018 = *Горный Е. А.* РВБ как воздух: Интервью / М. Я. Визель // Год литературы. 2018. 29 января. https://godliteratury.ru/articles/2018/01/29/russkaya-virtualnaya-biblioteka-inte
Дмитриева и др. 1999 = Генетическая критика во Франции: Антология / Вступ. ст. и словарь Е. Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 1999.
Жирмунский 1923 = *Жирмунский В. М.* Рифма, ее история и теория. Пб./Пг.: Academia, 1923. (Вопросы поэтики; Вып. III).
Жолковский, Щеглов 1996 = *Жолковский А. К.*, *Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности / Предисл. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1996.
Зайденшнур 1955 = *Зайденшнур Э. Е.* История создания и печатания «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 16. С. 19–140.
Зайденшнур 1966 = *Зайденшнур Э. Е.* «Война и мир» Л. Н. Толстого: Создание великой книги. М.: Книга, 1966.
Зализняк 1965 = *Зализняк А. А.* Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка. Диссертация... кандидата филологических наук / Ин-т славяноведения АН СССР. М., 1965.
Зализняк 1967 = *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк 1977 = *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1977.

Зелинский 1902 = *Зѣлинскій Ѳ. Ф.* Филологія // Энциклопедическій Словарь. СПб.: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Т. XXXV[A]: Фенолы — Финляндія. С. 811–816.

Иванов [1931] 2006 = *Иванов Вяч. И.* Il lauro nella poesia del Petrarca = Лавр в поэзии Петрарки [1931] / Публ., пер. с итал. и примеч. И. А. Пильщикова // Петрарка в русской литературе. М.: Рудомино, 2006. Кн. 2. С. 21–33, 421–422.

Илюшин 2020 = *Илюшин А. А.* Избранные стихотворные произведения. М.: Common place, 2020.

Кенигсберг 1922 = *Кенигсберг М. М.* Искусство и истина (В защиту и против реализма) // ʿΕρμῆς. 1922. № 2. С. 111–140.

Кенигсберг 1994 = *Кенигсберг М. М.* Из стихологических этюдов: 1. Анализ понятия «стих» / Подгот. текста и публ. С. Ю. Мазура и М. И. Шапира; Вступит. заметка и примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 149–185.

Кибиров 1989a = *Кибиров Т.* Лесная школа // Атмода (Рига). 1989. № 12, 27 марта. С. 4.

Кибиров 1989b = *Кибиров Т.* Л. С. Рубинштейну (отрывки) // Атмода (Рига). 1989. № 35/36, 21 августа. С. 5.

Колмогоров 1984 = *Колмогоров А. Н.* Анализ ритмической структуры стихотворения А. С. Пушкина «Арион» // Проблемы теории стиха. Л.: Наука, 1984. С. 118–124.

Колмогоров 2015 = *Колмогоров А. Н.* Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. Предисловия М. Л. Гаспарова и А. В. Прохорова. М.: МЦНМО, 2015.

Колмогоров, Прохоров 1963 = *Колмогоров А. Н., Прохоров А. В.* О дольнике современной русской поэзии (Общая характеристика) // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 84–95.

Лотман 1964 = *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике. Тарту: ТГУ, 1964. (Ученые записки Тартуского государственного университета; Вып. 160: Труды по знаковым системам; I).

Лотман 1967 = *Лотман Ю. М.* Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 90–100.

Лотман 1972 = *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.

Лотман 1980 = *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980.

Лотман 1981 = *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение, 1981. (Биография писателя: Пособие для учащихся).

Маяковский 1955 = *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1: 1912–1917 / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна.

Моретти 2016 = *Моретти Ф.* Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели под науч. ред. И. Кушнаревой. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

Найман [1989] 1997 = «Сгусток языковой энергии»: Интервью с Анатолием Найманом. 13 июля 1989 года, Ноттингем // Полухина В. Бродский глазами современников: Сб. интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 32–53.

Орехов 2017 = *Орехов Б. В.* Искусственные нейронные сети как особый тип distant reading // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 32–43.

Орехов 2021 = *Орехов Б. В.* Научные траектории стиховедения и digital humanities: несостоявшийся союз. Доклад на конференции «Теории и практики литературного мастерства» (тема: «Диалог»), 3 сентября 2021. НИУ ВШЭ, Москва (Zoom).

Перцов, Пильщиков 2011 = *Перцов Н. В., Пильщиков И. А.* О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 3–30.

Пильщиков 1991 = *Пил[ь]щиков И. А.* Проблемы фонологии и просодии переводного текста: К характеристике переводческой техники В. А. Жуковского // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh, 1991. Vol. 4. P. 19–29.

Пильщиков 2003 = *Пильщиков И. А.* Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Пильщиков 2004 = *Пильщиков И. А.* Язык классической элегии: лексика, фразеология, формулы и клише (предварительные замечания) // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–306.

Пильщиков 2017 = *Пильщиков И. А.* О задачах поэтических корпусов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. [Вып.] XI. С. 332–337.

Пильщиков 2018 = *Пильщиков И. А.* Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 39–45.

Пильщиков 2022 = *Пильщиков И. А.* «По ту сторону дольника»: Безударные икты и сверхсхемные ударения в русском акцентном стихе // Критика и семиотика. 2022. № 1.

Пильщиков, Устинов 2020 = *Пильщиков И. А.*, *Устинов А. Б.* Московский Лингвистический Кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Berlin: Peter Lang, 2020. P. 389–413. (Stanford Slavic Studies; Vol. 50).

Полилова 2011 = *Полилова В. С.* Полемика вокруг сборников «Художественная форма» и «Ars poetica»: Б. И. Ярхо и Опояз // Studia slavica. X: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллинн: Институт славянских языков и культур Таллинского университета, 2011. С. 153–170.

Полилова, Пильщиков 2019 = *Полилова В. С.* Цифровое будущее истории мировой литературы / Комментирует И. А. Пильщиков // Троицкий вариант — Наука. 2019. 24 декабря. № 25 (294). С. 14.

Потебня 1862 = *Потебня А. А.* Мысль и языкъ. СПб.: И. Огризко, 1862. [Отд. оттиск из Журн. Мин-ва Нар. Просвѣщенія. 1862. Ч. CXIII. № 1–5.]

Пригов 1988 = *Пригов Д. А.* «И даже эта птица козодой...»; «Счастье, счастье, где ты? где ты?..»; Банальное рассуждение на тему свободы // Юность. 1988. № 1. С. 9–10.

Пушкин 1831 = Борисъ Годуновъ / Сочиненіе Александра Пушкина. СПб.: Въ тип. Департамента Нар. Просвѣщенія, 1831.

Пушкин 1899–1916 = Сочиненія Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наук. Т. 1–4, 11. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1899–1916; Л.: Издательство АН СССР, 1929. Т. 9 (том набран в 1912 г.).

Пушкин 1937–1949 = *Пушкин [А. С.]* Полное собрание сочинений: [В 16 т.]. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949

Пушкин 1959–1962 = *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Пушкин 1974–1978 = *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1974–1978.

Пушкин 1977–1979 = *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

Пушкин 1995–1997 = *Пушкин А. С.* Рабочие тетради: [В 8 т. Факсимильное изд.]. СПб.; Лондон: [ИРЛИ (ПД) РАН], 1995–1997.

Пушкин 2013 = *Пушкин А. С.* Болдинские рукописи 1830 года: [В 3 т. Факсимильное изд.]. СПб.: Альфарет, 2013.

Сапгир и др. 1997 = Непохожие стихи / Сост. Г. В. Сапгир; Ред. И. А. Ахметьев, В. Г. Кулаков // Самиздат века. М.; Минск: Полифакт, 1997. С. 339–750.

Светликова 2015 = *Светликова И. Ю.* Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Сервантес 1804–1806 = Донъ Кишотъ Ла Манхскій / Сочиненіе Серванта; Переведено съ французскаго Флоріанова перевода В. Жуковскимъ. М.: Въ тип. П. Бекетова, 1804–1806. Т. 1–6.

Сичинава 2020 = *Сичинава Д. В.* Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники // ВАПросы языкознания. Мегасборник наностатей: Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна. М.: Буки Веди, 2020. С. 111–115.

Тарановский 1971 = *Тарановский К. Ф.* О ритмической структуре русских двусложных размеров // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 420–429.

Томашевский 1923 = *Томашевский Б. В.* Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. С. 7–143.

Томашевский 1929 = *Томашевский Б. В.* О стихе: Статьи. Л.: Прибой, 1929.

Томашевский 2008 = *Томашевский Б. В.* Избранные работы о стихе / Вступ. ст. Е. В. Хворостьяновой; комментарии С. И. Монахова, К. Ю. Тверьянович, Е. В. Хворостьяновой. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2008.

Тынянов [1922] 1977 = *Тынянов Ю. Н.* Тютчев и Гейне [1917–1922] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 350–395.

Тынянов [1924] 1977 = *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт [1924] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

Тынянов 1977 = *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М.: Наука, 1977. С. 350–395.

Троцкий 1923 = *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Красная новь.

Успенский 1987 = *Успенский Б. А.* К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1987. Вып. 746. С. 18–29. (Труды по знаковым системам; XX).

Успенский 2002 = *Успенский В. А.* Труды по НЕматематике: В 2 т. М.: ОГИ. Т. 2.

Флейшман 1977 = [*Флейшман Л. С.*] Томашевский и Московский лингвистический кружок // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1977. Вып. 422. С. 113–132. (Труды по знаковым системам; IX).

Хлебников 1986 = *Хлебников В.* Творения / Общая ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; Сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

Хоки [2004] 2015 = *Хоки С.* История гуманитарного компьютинга / Пер. с англ. В. Гавриленко // Логос. 2015. № 2. С. 37–65.

Холшевников 1973 = *Холшевников В. Е.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Slavic Poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky. The Hague; Paris: Mouton, 1973. P. 549–557.

Холшевников 1985 = *Холшевников В. Е.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 134–143.

Чернов 1976 = Хрестоматия по теоретическому литературоведению. I / Изд. подгот. И. А. Чернов. Тарту: ТГУ, 1976.

Шапир 1994 = *Шапир М. И.* М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18, № 1. P. 73–113.

Шапир 1999 = *Шапир М. И.* К текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101–112.

Шапир 1999/2000 = *Шапир М. И.* О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) // Philologica. 1999/2000. Т. 6, № 14/16. С. 117–137.

Шапир 2000 = *Шапир М. И.* Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект) // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки русской культуры, 2000. Кн. 1. С. 335–458.

Шапир 2001 = *Шапир М. И.* Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Вып.] IX. С. 45–58.

Шапир 2002 = *Шапир М. И.* «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 3. С. 3–17.

Шапир 2003 = *Шапир М. И.* Отповедь на заданную тему (К спорам по поводу текстологии «Евгения Онегина») // Новый мир. 2003. № 4. С. 144–156.

Шапир 2009 = *Шапир М. И.* Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шапир 2015 = *Шапир М. И.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки русской культуры, 2015. Кн. 2.

Шеля, Плехач, Зеленков 2020 = *Шеля А.*, *Плехач П.*, *Зеленков Ю.* Феномен Батенькова и проблема верификации авторства: многомерный статистический подход к нерешенному вопросу // Пушкинские чтения в Тарту. 2020. № 6, вып. 2. С. 131–165. (Acta Slavica Estonica; XII).

Шенгели 1923 = *Шенгели Г. А.* Трактат о русском стихе. Ч. 1: Органическая метрика. 2-е изд. М.; Пг.: Гос. издательство, 1923.

Шлейермахер [1813] 2000 = *Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода [1813] / Пер. с нем. Н. М. Берновской под ред. А. Л. Борисенко и А. Ю. Зиновьевой // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 127–145.

Эйхенбаум 1927 = *Эйхенбаум Б. М.* Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. Литература: Теория; Критика; Полемика. Л.: Прибой, 1927. С. 116–148.

Якобсон [1977] 1996 = *Якобсон Р. О.* Московский лингвистический кружок [1976–1977] / Подгот. текста и публ. М. И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3, № 5/7. С. 365–368.

Ярхо 1969 = *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения (набросок плана): [отрывки] / Публ. М. Л. Гаспарова // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1969. Вып. 236. С. 515–526. (Труды по знаковым системам; IV).

Ярхо 1997 = *Ярхо Б. И.* Распределение речи в пятиактной трагедии (К вопросу о классицизме и романтизме) / Подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой; предисл. М. И. Шапира // Philologica. 1997. Т. 4, № 8/10. С. 201–287.

Ярхо 1999/2000 = *Ярхо Б. И.* Комедии и трагедии Корнеля (Этюд по теории жанра) / Подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой // Philologica. 1999/2000. Т. 6, № 14/16. С. 143–319.

Ярхо 2006 = *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общей ред. М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006.

Allison et al. 2011 = *Allison S., Heuser R., Jockers M., Moretti F., Witmore M.* Quantitative Formalism: an Experiment // Stanford Literary Lab. Pamphlet 1. January 15, 2011. https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet1.pdf

Arac 2002 = *Arac J.* Anglo-globalism? // New Left Review. 2002. № 16. P. 35–45.

Arseniev 2021 = *Arseniev P.* To See the Forest Behind the Trees: "Biological Bias in Literary Criticism" from Formalism to Moretti // Russian Literature. 2021. Vol. 122/123. P. 67–83. [Впервые по-русски: *Арсеньев П.* Видеть за деревьями лес: о дальнем чтении и спекулятивном повороте в литературоведении // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 16–34.]

Bailey 1979 = *Bailey J.* The Russian Linguistic-Statistical Method for Studying Poetic Rhythm: A Review Article // Slavic and East European Journal. 1979. Vol. 23. № 2. P. 251–261.

Baudouin de Courtenay 1904 = *Baudouin de Courtenay J.* Językoznawstwo czyli lingwistyka w wieku XIX-ym // Baudouin de Courtenay J. Szkice językoznawcze. Warsawa: Piotr Laskauer, 1904. T. I. S. 1–23.

Belousova 2021 = *Belousova A.* Política y poética: el hispanismo checo y la Escuela de Praga en Latinoamérica // RUS: Revista de Literatura e Cultura Russa (São Paulo). 2021. № 19. P. 190–219. DOI: 10.11606/issn.2317-4765.rus.2021.189121

Bibliothèque nationale 1897–1981 = Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale: Auteurs. Paris: Impr. nationale, 1897–1981. 231 t. en 232 vol.

Cercle Linguistique de Prague 1929 = Thèses // Mélanges linguistiques dédiés au Premier Congrès des philologues slaves. Praha: Jednota československých matematiků a fysiků, 1929. S. 5–29. (Travaux du Cercle Linguistique de Prague; 1).

Christiansen 1909 = *Christiansen B.* Philosophie der Kunst. Hanau: Clauss und Feddersen, 1909.

Cohen 1999 = *Cohen M.* The Sentimental Education of the Novel. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Da 2019 = *Da Nan Z.* The Computational Case against Computational Literary Analysis // Critical Inquiry. 2019. Vol. 45, № 3. P. 601–639.

Depretto 2018 = *Depretto C.* Formalisme et poétique. Boris Tomaševskij, le formaliste oublié // Communications. 2018. № 103. P. 107–118.

Fischer, Akimova, Orekhov 2019 = *Fischer F., Akimova M., Orekhov B.* Data-Driven Formalism // Journal of Literary Theory. 2019. Vol. 13. № 1. P. 1–12.

Gasparov 1981 = *Gasparov M.* Boris Yarkho et la théorie de la littérature // Linguistique et poetique / Choix et préface de V. Grigoriev; Traduit du russe par A. Garcia. Moscou: Progrès, 1981. P. 72–90.

Gasparov 2016 = *Gasparov M.* Boris Yarkho's Works on Literary Theory / Trans. by M. Lavery and M. Tarlinskaja // Studia Metrica et Poetica. 2016. Vol. 3. № 2. P. 130–150.

Gronas, Orekhov 2018 = *Gronas M.*, *Orekhov B*. Что такое семантическое издание и почему в будущем все издания станут семантическими? // A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 246–268.

Hansen-Löve 1986 = *Hansen-Löve A. A.* Доминанта // Russian Literature. 1986. Vol. 19, № 1. P. 15–25.

Hegel 1837 = *Hegel G. W. F.* Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte / Hrsg. von E. Gans. Berlin: Duncker und Humblot, 1837.

Jakobson [1935] 2005 = *Jakobson R.* Formalistická škola a dnešní literární věda ruská. Brno 1935 / Ed. by T. Glanc. Praha: Academia, 2005. [Рус. пер.: *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение / Пер. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки славянских культур, 2011.]

Jakobson [1960] 1971 = *Jakobson R*. Linguistics and Communication Theory [1960] // Jakobson, Roman. Selected Writings. Vol. II: Word and Language. The Hague; Paris: Mouton, 1971. P. 570–579.

Jakobson 1973 = *Jakobson R*. Questions de poétique. Paris: Seuil, 1973.

Jockers 2013 = *Jockers M. L.* Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. Urbana; Chicago; Springfield: University of Illinois Press, 2013.

Kazartsev, Zemskova 2021 = *Kazartsev E.*, *Zemskova T.* A New Electronic System for Comparative Analysis of Verse and Prose // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021). Вып. 20. С. 378–384.

Kizhner et al. 2018 = *Kizhner I., Terras M., Manovich L., Orekhov B., Bonch-Osmolovskaya A., Rumyantsev M.* The History and Context of the Digital Humanities in Russia // Digital Humanities 2018. Bridges = Puentes: Book of Abstracts = Libro de resúmenes. Mexico City, 26–29 June 2018. S. l.: Red de Humanidades Digitales, 2018. P. 416–419.

Kizhner et al. 2022 = *Kizhner I., Terras M., Orekhov B., Manovich L., Kim I., Rumyantsev M., Bonch-Osmolovskaya A.* The History and Context of the Digital Humanities in Russia // Global Debates in the Digital Humanities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2022. P. 55–70.

Kittler 1980 = *Kittler F. A.* (Hrsg.). Austreibung des Geistes aus den Geisteswissenschaften: Programme des Poststrukturalismus. Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 1980.

Kittler 1993 = *Kittler F. A.* Geschichte der Kommunikationsmedien. The History of Communication Media // On line. Kunst im Netz. Graz: ZERO, 1993. S. 66–81. (Параллельные тексты на нем. и англ. яз.)

Kliger 2021 = *Kliger I.* Dynamic Archeology or Distant Reading: Literary Study Between Two Formalisms // Russian Literature. 2021. Vol. 122/123. P. 7–28.

Kuhn [1962] 1970 = *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Second enlarged edition. Chicago: University of Chicago Press, 1970. [First edition: 1962. Рус. пер.: *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1975.]

Liapin 2020 = *Liapin S.* Russian Iambic Tetrameter: The Evolution of Its Rhythmic Structure // Studia Metrica et Poetica. 2020. Vol. 7, № 2. P. 7–22.

Lvoff 2021 = *Lvoff B.* Distant Reading in Russian Formalism and Russian Formalism in Distant Reading // Russian Literature. 2021. Vol. 122/123. P. 29–65.

Matejka, Pomorska 1971 = Readings in Russian Poetics: Formalist and Structuralist Views / Ed. and preface by L Matejka and K. Pomorska. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1971.

Moretti 2000 = *Moretti F.* Conjectures on World Literature // New Left Review. 2000. № 1. P. 54–68.

Moretti 2009 = *Moretti F.* Style, Inc.: Reflections on Seven Thousand Titles (British Novels, 1740–1850) // Critical Inquiry. Vol. 36, № 1. P. 134–158.

Moretti 2013 = *Moretti F.* Distant Reading. London; New York: Verso, 2013.

Mukařovský [1936] 1938 = *Mukařovský J.* La dénomination poétique et la fonction esthétique de la langue // Actes du Quatrième Congrès international de linguistes, tenu à Copenhague du 27 août au 1er septembre 1936. Copenhague: Einar Munksgaard, 1938. P. 98–104.

Pilshchikov 1993 = *Pilshchikov I. A.* Brodsky and Baratynsky // Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman. Amsterdam; Atlanta, Ga: Rodopi, 1993. P. 214–228.

Pilshchikov 1995 = *Pil'ščikov I.* L'Italia e la letteratura italiana nelle opere e nelle lettere di Konstantin Batjuškov / Trad. da M. L. Dodero Costa // I Russi e l'Italia. Milano: Libri Scheiwiller, 1995. P. 125–131.

Pilshchikov 2015 = *Pilshchikov I.* Evgeny Baratynsky's "Rome" (1821) in the Context of European *Rom-Dichtung* // Urban Semiotics: The City as a Cultural-Historical Phenomenon. Tallinn: TLU Press, 2015. P. 143–162.

Pilshchikov 2016 = *Pilshchikov I.* The semiotics of phonetic translation // Studia Metrica et Poetica. 2016. Vol. 3, № 1. P. 53–104.

Pilshchikov 2019 = *Pilshchikov I.* How Many Faces Does Russian Formalism Have? Paper presented at the 52nd Annual ASEEES Virtual Convention, 15 November 2020. http://tinyurl.com/y8mknq8l

Pilshchikov 2020 = *Pilshchikov I.* A poética quantitativa do Formalismo Russo / Trad. V. Vaz // RUS: Revista de Literatura e Cultura Russa (São Paulo). 2020. № 16: Formalismo Russo. P. 9–42. DOI: 10.11606/issn.2317-4765.rus.2020.172896

Pilshchikov 2022 = *Pilshchikov I.* The Four Faces of Russian Formalism // Literary Theory between East and West: Transcultural and Transdisciplinary Movements from Russian Formalism to Cultural Studies. Berlin: De Gruyter, 2022.

Pilszczikow 2022 = *Pilszczikow I.* Kwantytatywna poetyka rosyjskiego formalizmu: Boris Jarcho jako niedoceniony prekursor «czytania na dystans» / Przel. J. Dybiec-Gajer // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Poetica. Kraków, 2022.

Plecháč 2021 = *Plecháč P.* Versification and Authorship Attribution. Prague: Karolinum, 2021.

Popper 1972 = *Popper K.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press, 1972. [Рус. пер.: *Поппер К. Р.* Объективное знание: Эволюционный подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: УРСС, 2002.]

Shaw 1974 = *Shaw J. T.* Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Madison, Wis.; London: University of Wisconsin Press, 1974. (Wisconsin Slavic Publications; 1).

Shaw 1975a = *Shaw J. T.* Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, Wis.; London: University of Wisconsin Press, 1975. (Wisconsin Slavic Publications; 2).

Shaw 1975b = *Shaw J. T.* Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison; Wis.; London: University of Wisconsin Press, 1975. (Wisconsin Slavic Publications; 3).

Shaw 1985 = *Shaw J. T.* Pushkin: A Concordance to the Poetry. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. Vol. 1–2.

Schreibman, Siemens, Unsworth 2004 = A Companion to Digital Humanities / Ed. by S. Schreibman, R. Siemens, and J. Unsworth. Oxford: Blackwell, 2004.

Stanford University 2015 = Russian Formalism and the Digital Humanities Conference: Book of Abstracts. Stanford: Stanford University, 2015. https://digitalhumanities.stanford.edu/russian-formalism-digital-humanities-abstracts

Steiner 1982 = *Steiner P.* "Formalism" and "Structuralism": An Exercise in Metahistory // Russian Literature. 1982. Vol. 12, № 3. P. 299–330.

Steiner 1984 = *Steiner P.* Russian Formalism: A Metapoetics. Ithaca, N. Y.; London: Cornell University Press, 1984.

Steiner 2017 = *Steiner P.* Divergence vs. Convergence: Moretti, Tynyanov, Jakobson // Przegląd Filozoficzno-Literacki. 2017. № 2 (47). S. 117–124.

Strong 1890 = *Strong J.* The Exhaustive Concordance of the Bible. New York: Hunt & Eaton, 1890.

Tarlinskaja 1976 = *Tarlinskaja M.* English Verse: Theory and History. The Hague; Paris: Mouton, 1976.

Tarlinskaja 1987 = *Tarlinskaja M.* Shakespeare's Verse: Iambic Pentameter and the Poet's Idiosyncrasies. New York; Bern; Frankfurt a. M.; Paris: Peter Lang, 1987.

Tarlinskaja 1993 = *Tarlinskaja M.* Strict Stress-Meter in English Poetry Compared with German and Russian. Calgary: University of Calgary Press, 1993.

Tarlinskaja 2014 = *Tarlinskaja M.* Shakespeare and the Versification of English Drama, 1561–1642. Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2014.

Tihanov 2019 = *Tihanov G.* The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019.

Todorov 1965 = Théorie de la littérature: Textes des Formalistes russes / Réunis, présentés et traduits par Tz. Todorov; Préface de R. Jakobson. Paris: Seuil, 1965.

Todorov 1968 = I formalisti russi: Teoria della letteratura e metodo critico / A cura di Tz. Todorov; Prefazione di R. Jakobson; Trad. di G. L. Bravo, C. De Michelis, R. Faccani, P. Fossati, R. Oliva, C. Riccio e V. Strada. Torino: Einaudi, 1968.

Торор 2008 = *Torop P.* Translation and Semiotics // Sign System Studies. 2008. Vol. 36, № 2. P. 253–258.

Underwood 2019 = *Underwood T.* Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change. Chicago: University of Chicago Press, 2019.

Väljataga 2014 = Kirjandus kui selline: Valik vene vormikoolkonna tekste / Koost. ja toim. M. Väljataga. Tallinn: TLU Kirjastus, 2014.

Volek 1992–1995 = *Volek E.* Antología del formalismo ruso y el grupo de Bajtin. Madrid: Fundamentos, 1992–1995. Vol. I–II.

Wendell 2021 = *Wendell I.* A Statistical Analysis of Genre Dynamics: Evolution of the Russian Five-Act Comedy in Verse in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. PhD dissertation / UCLA. Los Angeles, 2021. https://escholarship.org/uc/item/9rr5k9p7

Winter 1999 = *Winter T. N.* Roberto Busa, S. J., and the Invention of the Machine-Generated Concordance // The Classical Bulletin. 1999. Vol. 75, № 1. P. 3–20.

Yarkho 1977 = *Yarkho B.* A Methodology for a Precise Science of Literature (Outline) / Trans. by L. M. O'Toole // Russian Poetics in Translation. Colchester; Oxford: Holdan, 1977. Vol. 4: Formalist Theory. P. 52–70.

Yarkho 2016 = *Yarkho B.* The elementary foundations of formal analysis / Transl., with notes, by M. Lavery and I. Pilshchikov // Studia Metrica et Poetica. 2016. Vol. 3, № 2. P. 151–174.

Yarkho 2019 = *Yarkho B.* Speech Distribution in Five-Act Tragedies (A Question of Classicism and Romanticism) / Trans. by Craig Saunders // Journal of Literary Theory. 2019. Vol. 13, № 1. P. 13–76.

Указатель имен

Автономова Н. С. 41
Акимова М. В. 74, 76, 80, 143, 146
Андервуд Т. (Underwood T.) 92, 149
Арак Дж. (Arac J.) 149
Аристотель (Ἀριστοτέλης) 34
Арсеньев П. А. 128
Ахматова А. А. 112
Ахметьев И. А. 96
Бабель И. Э. 113
Багрицкий Э. Г. 70
Баратынский (Боратынский) Е. А. 58, 65–68, 73
Батеньков Г. С. 72, 137
Батюшков К. Н. 9, 58, 67, 73–74, 96, 112
Бейли Дж. (Bailey J.) 131, 147
Белинский В. Г. 67
Белоусова А. С. 80, 157–158
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 34, 130–131, 134, 162
Бирнбаум Д. Дж. (Birnbaum D. J.) 58
Бирюков П. И. 19
Блау Д. С. 80
Блок А. А. 70, 112
Бодлер Ш. (Baudelaire C.) 104–105
Бодуэн де Куртенэ И. А. (Baudouin de Courtenay J. N.) 34
Бонди С. М. 119, 121–122
Борхес Х. Л. (Borges J. L.) 157
Брик О. М. 129
Бродский И. А. 67–69, 113
Брюсов В. Я. 112
Буза Р. (Busa R.) 90
Булгаков М. А. 45
Бэкон Ф. (Bacon F.) 91
Ватсон М. В. 101–103
Вацуро В. Э. 65
Вдовин А. В. 127
Величко А. В. 64

Вельмезова Е. В. 128
Венделл И. (Wendell I.) 140
Веселовский А. Н. 34, 92, 149, 157
Вигурский К. В. 11, 80, 98
Винокур Г. О. 34–35, 66, 75, 138, 145
Волек Э. (Volek E.) 129
Вольтер (Voltaire) 156
Вяземский П. А. 132
Вяльятага М. (Väljataga M.) 129
Газданов Г. И. 94
Гаспаров М. Л. 37, 65, 67, 74, 76–77, 134–135, 137, 142–144, 161–163
Гегель Г. В. Ф. (Hegel G. W. F.) 125
Гейне Г. (Heine H.) 66
Герцен А. И. 107
Гёте И. В. (Goethe J. W.) 139
Гинзбург К. (Ginzburg C.) 158
Гоголь Н. В. 13, 54, 94, 98, 112
Головастиков К. А. 8, 33–44
Гомер (Ὅμηρος) 71
Гораций (Q. Horatius Flaccus) 69
Горнунг Б. В. 133, 145
Горный Е. А. 10–11, 45, 51, 55–56, 64, 86, 96
Горький М. (Пешков А. М.) 112
Грибоедов А. С. 11–13, 98
Гуковский Г. А. 74
Гутенберг И. (Gutenberg J.) 25, 59, 79
Д'Агостино Р. (D'Agostino R.) 147
Да Нан Чжан (Da Nan Z.) 157
Декарт Р. (Descartes R.) 91, 160
Депретто К. (Depretto C.) 132
Державин Г. Р. 67, 112
Деррида Ж. (Derrida J.) 41
Джойс Дж. (Joyce J.) 46
Джокерс М. (Jockers M.) 39, 90, 127, 129, 146, 152
Диккенс Ч. (Dickens C.) 39, 40
Добрицын А. А. 80, 155
Донн Дж. (Donne J.) 67
Достоевский Ф. М. 10, 110, 112
Дробиш М. В. (Drobisch M. W.) 91
Есенин С. А. 13, 54
Жванецкий М. М. 9, 116

Жирмунский В. М. 130, 141, 161
Жуковский В. А. 21, 54, 66–67, 101–103, 112
Зайденшнур Э. Е. 19
Зализняк А. А. 23, 26, 37, 163
Замятин Е. И. 112
Зелинский Ф. Ф. (Zieliński T.) 34
Зощенко М. М. 113
Иванов Вяч. Вс. 74
Иванов Вяч. И. 32, 104–105, 109, 112
Илюшин А. А. 72
Казарцев Е. В. 136
Калитеевская И. М. 8, 33–44
Карамзин Н. М. 94
Кенигсберг М. М. 75–76, 90
Кибиров Т. Ю. 70
Кижнер И. А. 152
Киттлер Ф. А. (Kittler F. A.) 24, 32
Клигер И. (Kliger I.) 128
Кокшаров Р. А. 80
Колмогоров А. Н. 134–135, 148–149, 161–162
Корнель П. (Corneille P.) 137, 139, 146, 152
Коэн М. (Cohen M.) 92, 111
Кулль К. (Kull K.) 128
Кун Т. (Kuhn T.) 30
Лавуазье А.-Л. де (Lavoisier A.-L. de) 149–150
Лагин Л. И. 43
Лейбов Р. Г. 8, 45–61, 65, 76
Ленин (Ульянов) В. И. 153
Лермонтов М. Ю. 55, 98, 112
Линч Д. (Lynch D.) 151
Литвинов В. Б. 11, 60, 96
Логичев С. В. 60
Ломоносов М. В. 12, 112
Лотман М. Ю. 66, 91
Лотман М.-К. (Lotman M.-K.) 66
Лотман Ю. М. 63–65, 71, 163
Львов В. С. 8, 128, 140, 150–152
Лукач Г. (Д.) (Lukács G.) 128
Людвих А. (Ludwich A.) 91
Ляпин С. Е. 147, 161–163

Майер (Мейер) В. (Meyer W.; Meyer aus Speyer; Майер аус Шпайер; Мейер аус Шпейер) 91
Маклюэн М. (McLuhan M.) 24, 151
Мандельштам О. Э. 66, 109, 112
Манович Л. З. 152
Маркс К. (Marx K.) 153
Мартыненко А. И. 155, 158
Матейка Л. (Matějka L.) 129, 141
Маяковский В. В. 12–13, 19, 98, 112, 146–148, 161
Маяцкий М. А. 8, 9–32, 84–95
Минц З. Г. 65
Модзалевский Б. Л. 13
Морев Г. А. 160
Моретти Ф. (Moretti F.) 39, 79, 90–92, 111, 127–129, 140, 142–143, 146, 148, 150–153, 156–158
Мошков М. Е. 10, 13–14,
Нагиб Сурур (نجيب سرور) 60
Некрасов Н. А. 112
Нестеренко М. А. 8, 62–83
Никитин (Никитин-Перенский) А. А. 51
Ньютон И. (Newton I.) 155
Озеров В. А. 139
Орехов Б. В. 8, 76, 78, 137, 146, 149, 152–154, 156–159
Пайк К. (Pike C.) 71
Пастернак Б. Л. 113
Пенская Е. Н. 8, 96–126
Пермяков Е. В. 63
Перцов Н. В. 19
Петерсон М. Н. 74
Петрарка Ф. (Petrarca F.) 32, 100–101
Плетнёв П. А. 106
Плехач П. (Plecháč P.) 137
Полилова В. С. 7–8, 80, 98, 100, 159–160
Полонский А. Я. 122–123
Полухина В. П. 69, 71
Поляков А. Е. 80
Поморска К. (Pomorska K.) 129, 141
Попов А. А. 131
Попов В. А. 64
Поппер К. (Popper K.) 26
Потебня А. А. 34

Пригов Д. А. 69–71
Пропп В. Я. 129
Пушкин А. С. 11–12, 14, 16–18, 20, 27, 31, 46, 54, 58, 67–68, 96, 98, 106–109, 112, 118–124, 132, 136, 161–162
Рубинштейн Л. С. 70, 71
Руссо Ж.-Б. (Rousseau J.-B.) 132
Светликова И. Ю. 157
Седакова О. А. 73
Сервантес Сааведра М. де (Cervantes Saavedra M. de) 101–103
Сичинава Д. В. 78, 163
Собчук О. В. 127
Солженицын А. И. 113
Соссюр Ф. де (Saussure F. de) 34, 41
Страда В. (Strada V.) 73
Страхов Н. Н. 107
Стронг Дж. (Strong J.) 89
Тарановский К. Ф. 135, 162–163
Тарлинская М. Г. 137
Теккерей У. (Thackeray W.) 39–40
Террас М. (Terras M.) 152
Тиханов Г. 150, 152
Тоддес Е. А. 75
Тодоров Ц. 128–129
Толстая С. А. 107–108
Толстой Л. Н. 10, 13–14, 19, 24, 98, 106–108, 112
Томашевский Б. В. 46, 75, 91, 118–119, 130–138, 148, 154–155, 157, 161–162
Трифонов С. И. 80
Троцкий Л. Д. 150
Трубецкой Н. С. 78
Трунина К. А. 80
Тынянов Ю. Н. 66, 74, 90, 129, 141–142, 155–156
Тютчев Ф. И. 25, 66–67, 112
Уитмор М. (Witmore M.) 39, 90, 129
Успенский Б. А. 74
Фет А. А. 112
Фишер Ф. (Fischer F.) 76, 146
Флориан Ж.-П. Клари де (Florian J.-P. Claris de) 101–103
Хлебников В. В. 96, 112
Ходасевич В. Ф. 112
Хойзер Р. (Heuser R.) 39, 90, 129

Холшевников В. Е. 135
Христиансен Б. (Christiansen B.) 141
Хротсвита Гандерсгеймская (Hrotsvitha Gandeshemensis) 143
Цветаева М. И. 112
Чаадаев П. Я. 107
Чернов И. А. 74, 141–142
Черненко К. У. 63
Чехов А. П. 18, 112, 151
Чубаров И. М. 31
Чудаков А. П. 75
Чудакова М. А. 75
Шапир М. И. 10, 19, 71–72, 74–77, 137, 143
Шекспир У. (Shakespeare W.) 42, 46, 139
Шеля А. И. 8, 127, 137, 156–159
Шенгели Г. А. 134
Шогди Нагиб Сурур (شهدي نجيب سرور) 60
Шкловский В. Б. 90, 129, 132, 150
Шлейермахер Ф. (Schleiermacher F.) 37
Шолохов М. А. 42
Шоу Дж. Т. (Shaw J. T.) 58
Шпет Г. Г. 75, 90
Штайнер (Стейнер) П. (Steiner P.) 91, 149, 154
Штольберг А. А. 11
Шукман Э. (Shukman A.) 71
Эйхенбаум Б. М. 90–91, 129, 141
Эко У. (Eco U.) 16, 151
Эллисон С. (Allison S.) 39, 90, 129
Энгельс Ф. (Engels F.) 153
Эндрю Дж. (Andrew J.) 71
Юзефович Г. Л. 56
Якобсон Р. О. 34, 78, 84, 131, 141
Якубинский Л. П. 129
Ямпольский М. Б. 151
Ярхо Б. И. 22–23, 32, 38–40, 67, 74–77, 90–92, 130–131, 137–146, 148–155, 158, 161

Указатель сетевых ресурсов

Автопоэт Яндекса <yandex.ru/autopoet/> 25
Арзамас <arzamas.academy> 42
Башкирский поэтический корпус <web-corpora.net/bashcorpus/search/> 78
Библиотека Максима Мошкова <lib.ru> 10, 27, 97, 99, 108
Британский национальный корпус (British National Corpus; BNC) <www.english-corpora.org/bnc/> 20
Год литературы <godliteratury.ru> 56
Живой Журнал (ЖЖ; LiveJournal; LJ) <livejournal.com> 64
Информационная система «Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение» (СПСЛ) <cpcl.feb-web.ru> 80–86, 98, 100–105
Корпус чешского стиха (Korpus českého verše; KČV) <versologie.cz/ru/kcv.html>, <versologie.cz/v2/web_content/corpus.php> 78
Лента.ру (Lenta.ru) <lenta.ru> 42–43
Национальная библиотека Франции. Генеральный каталог (Bibliothèque nationale de France. Catalogue général) <catalogue.bnf.fr> 49, 89, 99–100
Национальный корпус русского языка (НКРЯ) <ruscorpora.ru> 20–21, 27, 60, 78
Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden» <imwerden.de> 27, 51, 87
Объединенный архив Вячеслава Иванова <ivanov-rgali.ru> 109
Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского <dostoevskyarchive.pushdom.ru> 109
Объединенный электронный архив Осипа Мандельштама <mandelstam.hse.ru/archive> 109
Осип Мандельштам Digital <lostword.dhhub.ru/ru/> 105
Параллельные корпуса НКРЯ <ruscorpora.ru/new/search-para-en.html>, <ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> 78
Параллельный корпус переводов «Поэтики» Аристотеля <nevmenandr.net/poetica/aristotle.php> 78
Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве» <nevmenandr.net/slovo/> 78

Персидский поэтический корпус <https://linghub.ru/persian_poet_corpus/> 78
Поэтический подкорпус НКРЯ <ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> 78
Пушкинский кабинет <lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10183> 54, 87
Русская виртуальная библиотека (РВБ) <rvb.ru> 11, 13, 21, 27, 32, 45–47, 49–57, 60–61, 76, 84–86, 94, 96–99, 108
Русско-французский поэтический корпус (1800–1830-е гг.) <nevmenandr.net/fr/> 78–79
Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) <feb-web.ru> 11–13, 18, 27, 45–46, 49–54, 57, 60–61, 76, 80, 84–87, 95–99
Чешский национальный корпус (Český národní korpus; ČNK) <www.korpus.cz> 20
Электронная библиотека «Академические собрания сочинений» <russian-literature.org> 87
Электронная библиотека «История Росатома» <biblioatom.ru> 50
Электронная библиотека Пушкинского Дома <lib.pushkinskijdom.ru>, <lib2.pushkinskijdom.ru> 27
Яндекс (поисковая система) <yandex.ru> 12, 15, 18, 100
DraCor <dracor.org> 140
Facebook <facebook.com> 94
Frantext <www.frantext.fr> 49
Gallica <gallica.bnf.fr> 18, 49–50, 89, 99–100, 111
Google (поисковая система) <google.com> 12, 100
Google Books <books.google.com> 14–15, 18, 27, 49–50, 59, 111, 113–114, 124–125
HathiTrust Digital Library <www.hathitrust.org> 113–114, 125
Lib.ru: Классика <az.lib.ru> 10, 97
Project Gutenberg (Проект Гутенберг) <www.gutenberg.org> 10, 13, 99
Ruthenia (Рутения) <www.ruthenia.ru> 11

Указатель учреждений науки, образования и культуры

Библиотека Конгресса (The Library of Congress) 14
Британский нео-формалистический кружок (British Neo-Formalist Circle) 10, 71
Гарвардский университет (Harvard University) 115
Институт лингвистических исследований (ИЛИ РАН) 12
Институт мировой культуры МГУ (ИМК МГУ) 80, 85, 98
Институт мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ РАН) 11–12, 55, 97
Институт Монтефиоре Льежского университета (Institut Montefiore de l'Université de Liège) 131
Институт русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ РАН) 133, 138, 145
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РАН) 12, 54–55, 109, 127, 150
Информрегистр (НТЦ «Информрегистр») 11
Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме 109
ИТАР-ТАСС 11
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес (University of California, Los Angeles; UCLA) 76–77, 84, 89, 140
Килский университет (Keele University) 9–10, 71–73
Книжная палата (Российская книжная палата, РКП) 11
Колумбийский университет (Columbia University) 115
Масариков университет в г. Брно (Masarykova univerzita v Brně) 141
Массачусетский технологический институт (MIT) 75
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ) 42, 72–74, 80, 98
Московский лингвистический кружок (МЛК) 74–75, 90–91, 129–133, 138, 141, 145, 154
Московское высшее художественно-промышленное училище (МВХПУ, бывшее Строгановское) 69
Музей Вадима Сидура 71
Национальная библиотека Франции (Bibliothèque nationale de France; BnF) 18, 49–50, 89, 99–100

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) 105, 159
Новое издательство 63
Новосибирский государственный университет (НГУ) 10, 62–64
О.Г.И. (издательство) 63
Оксфордский университет (University of Oxford) 71
Опояз (Общество изучения поэтического языка) 74, 90, 129, 131, 141, 150, 151
Пизанский университет (Università di Pisa) 69
Питтсбургский университет (University of Pittsburgh) 58
Пражский лингвистический кружок (Pražský lingvistický kroužek; PLK; Cercle Linguistique de Prague) 34, 78
Пушкинский центр при Висконсинском университете в Мэдисоне (Wisconsin Center for Pushkin Studies at the University of Wisconsin, Madison) 58
Принстонский университет (Princeton University) 109
Российская академия наук (РАН; до 1992 года — АН СССР) 11–12, 49, 54–55, 62, 97
Российская ассоциация электронных библиотек 49
Российская государственная библиотека (РГБ) 14, 49, 89, 100
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) 143
Российская национальная библиотека (РНБ) 49, 89, 100
Сорбонна (Sorbonne) 131
Стэнфордский университет (Stanford University) 79, 128–129, 149
Стэнфордская литературная лаборатория (Stanford Literary Lab) 79, 129, 146
Тартуский университет (Tartu Ülikool) 10, 60, 63–64, 69–72, 74, 84, 143
Университет Бергамо (Università di Bergamo) 73
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 43
Яндекс (компания) 12
ABBYY (компания) 111
Alliance of Digital Humanities Organizations (ADHO) 77, 153
Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES) 130
Google (компания) 14, 94

Научно-популярное издание

Пильщиков Игорь Алексеевич

Семь бесед о филологии и Digital Humanities

Интервью и дискуссии (2015–2021)

Общая редакция и составление В. С. Полиловой

Электронное издание сетевого распространения

Художественное оформление, верстка *К. В. Саутенков*
Фотография на обложке *Н. В. Пильщикова*

Макет утвержден 10.03.2022. Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 12,0. Изд. № 12100.

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
http://msupress.com

Отдел реализации.
Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Игорь Алексеевич Пильщиков (р. 1967) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), профессор-исследователь Института гуманитарных наук Таллиннского университета, главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», научный редактор Русской виртуальной библиотеки, соредактор журналов «Studia Metrica et Poetica» (издательство Тартуского университета) и «Pushkin Review» (издательство Slavica). Автор двух книг о русских поэтах золотого века (Батюшков и литература Италии. М.: ЯСК, 2003; Лексика и фразеология «Евгения Онегина». М.: ЯСК, 2008, совместно с И. Г. Добродомовым) и более 200 статей по истории русской поэзии, стиховедению, квантитативной поэтике, текстологии, теории литературы, сравнительному литературоведению, истории русской филологии и Digital Humanities.

ISBN 978-5-19-011704-2